ПРОЕКТ «АНТИРОССИЯ»

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПРОТИВ РОССИИ

Николай Леонов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Сейчас в России развелось много западных подголосков, которые настойчиво вбивают в наши головы мысль, что вот-де теперь, после победы демократической «революции» 1991 года, холодная война наконец закончилась и наступили мир, да гладь, да Божья благодать.

Нет ничего более лживого и примитивного. Даже двух извилин в мозгу хватит, чтобы увидеть, что Запад и не собирался вкладывать саблю в ножны. Холодная война против России ведется с неослабевающим напором…

Нет у власти коммунистов и нет шансов на их возвращение во власть, а Россия как государство продолжает оставаться в перекрестье прицела западных политологов и культуртрегеров в качестве одного из очагов угрозы западной цивилизации».

И. С. Леонов

В книге доктора исторических наук, генерал-лейтенанта КГБ Н.С. Леонова показываются все аспекты той непрекращающейся войны, которую Запад вел и продолжает вести против российской цивилизации. Автор считает, что, пока не достигнута главная цель западных держав — уничтожение России, — холодная воина не закончится; средства и методы ее ведения все более и более совершенствуются.

- Николай Леонов
  - Введение
  - «Третья корзина» запада
  - «Бермудский треугольник»
  - Критические годы для СССР
  - Обреченная революция
  - Горькие думы аналитиков
  - Андропов. Последняя надежда
  - Лицом к лицу со спецслужбами США
  - Кризис нарастает
  - «Горбаниада»
  - Государство разрушается
  - Ельцин
  - Finita la comedia
  - Приложение
    - Николай Леонов

Николай Леонов
Холодная война против России

Введение

В 1971 году мне было сделано предложение стать заместителем начальника информационно-аналитического управления разведки. Еще через два года я стал начальником этого управления.

В это время противостояние между СССР и США на мировой арене являлось главным содержанием международных отношений. Несмотря на политику «разрядки», проводимую советским руководством, Соединенные Штаты продолжали упорно добиваться господствующего положения в мире. Экспансионистские устремления США уходят своими корнями далеко в историю. Чуть-чуть окрепнув, Соединенные Штаты, отбросив всякие приличия, занялись силовой империалистической агрессией. В войне 1848–1847 годов они захватили у Мексики две пятых ее территории. Через несколько лет американские авантюристы захватили Никарагуа, восстановили там рабство и вознамерились оккупировать всю Центральную Америку, но потерпели поражение.

Список фактов международного разбоя можно продолжать без конца, достаточно вспомнить американскую интервенцию в Панаму в декабре 1989 года. «Большая дубинка» — символ политики США в Западном полушарии — оставалась вечной, хотя этикетки на ней менялись не раз.

По отношению к СССР Соединенные Штаты всегда занимали недружественную позицию. Сразу же после начала Гражданской войны в 1918 году войска Соединенных Штатов высадились на нашей русской территории — в Архангельске и на Дальнем Востоке, стараясь поддержать сепаратистские устремления местных царьков.

Я знаю, насколько чувствительно американцы сами относятся к вопросам появления иностранных военных на своей территории. Однажды во время переговоров по поводу гастролей Ансамбля песни и пляски имени Александрова в США американские представители и пресса совершенно серьезно говорили о том, что появление иностранных военнослужащих в мундирах и со знаками отличия на американской территории можно истолковать как высадку вражеского десанта. Под этим предлогом они настаивали на том, чтобы ансамбль выступал в гражданской одежде.

Мне, русскому, и посейчас больно, когда я вижу кадры кинохроники 1918–1919 годов, показывающие американские боевые корабли в наших портах, морскую пехоту США,

марширующую по улицам наших оккупированных городов. Насколько помню, мы их не приглашали.

В 1933 году США были последней из западных держав, признавших Советскую Россию.

В годы Второй мировой войны мы, мальчишки, ждали как спасения открытия второго фронта в Европе. Надеялись, что это поможет нашим отцам и старшим братьям вернуться домой живыми. Но нет! Американцы слали нам оружие по ленд-лизу, кое-какие продукты питания, но кровь проливать в борьбе с фашизмом не торопились…

Я с большим уважением отношусь к американскому народу, к простым гражданам США. Им хватает и чувства справедливости, и сострадания к попавшим в беду. Они умеют на редкость хорошо организовать свой труд, полагаются только на свои силы, уверены в себе. Но так уж устроены государства, что народы оказываются неизмеримо лучше своих правительств. США — не исключение. Разве нормальный средний американец мечтает о том, чтобы разделить на несколько государств Германию, Китай, Россию? А вот правящая верхушка США, ее истеблишмент, никогда не оставляла такой мысли, это была ее голубая геополитическая мечта. Поэтому, говоря «США», я имею в виду те силы, которые лелеяли (или продолжают лелеять) идею мирового господства, ведя дело к ее воплощению в жизнь.

Словом, я работал против США с глубоким убеждением, что делаю доброе, угодное Богу дело, защищая свою страну и помогая десяткам других народов, на себе испытавших когтистую лапу американского орла.

* * *

У нас в разведке никогда не стихали дискуссии о том, как строить политику в отношении США — чего можно ждать от них в ответ на те или иные инициативы. Всегда были сторонники поиска договоренностей с США за столом переговоров, но находились и сторонники силового противостояния как единственного условия сохранения равенства с США. Конечно, переговорный процесс выглядит намного предпочтительнее, но вся беда в том, что ход любых переговоров с США сразу же выявлял центральную линию американской стороны — обеспечить главенство американских интересов в ущерб интересам партнера. Психологически Соединенные Штаты никогда не признавали Советский Союз равным партнером, и вся

работа американских дипломатов строилась на исходном принципе превосходства США над СССР, которое только надо было закрепить в итоговых документах.

Многие темы, тесно связанные с международной безопасностью, вообще исключались американцами из переговоров как не соответствующие их национальным интересам. Такая судьба постигла предложения об отказе от инициативы ядерного нападения, об отказе от воздействия на природные силы в военных целях, о демилитаризации космоса, об ограничении военного противостояния в Индийском океане и т. д. и т. п. Другие проблемы — противоракетная оборона, сокращение стратегических наступательных вооружений, прекращение подземных ядерных испытаний — порождали многолетние тягучие «посиделки», в ходе которых США, следившие за все увеличивавшейся экономической слабостью СССР, просто ждали момента, когда наконец руководство СССР, а потом России дрогнет и согласится на их условия. Как бы это ни звучало горько для наших дипломатов, но в переговорной борьбе США неизменно переигрывали нас и постепенно ограничивали, связывали наши амбиции, более расчетливо ставили вехи для будущего вероятного хода развития мира. Стоит только посмотреть на хельсинкский переговорный процесс, результатом которого мы так гордились и который оказался в большой степени фатальным для судьбы СССР.

Как уже было сказано, в мировой политике США просматривается пронизывающая все заряженность на руководящую роль в мире. Эта претензия не зависит от смены администрации в Белом доме. Она может носить грубо откровенный характер, что хорошо просматривалось в речах Рейгана, Буша, а может быть задрапирована декоративными идеями, как во времена Картера. Пожалуй, нежелание американцев принять за исходную точку равенство партнера на переговорах и подпитывало сторонников силового противостояния.

Адепты политики конфронтации в отношениях между СССР и США утверждали, что единственное средство убедить США вести честную партнерскую политику — это противопоставить им силу. Другого пути заставить себя уважать нет. Причем подавляющее большинство исповедовавших эту точку зрения составляли те, кто много лет проработал в США и знал страну не только по книжкам.

Сторонники этого направления утверждали, что Соединенные Штаты отступили в Карибском кризисе, так же как отступил и СССР, не выдержав реальной угрозы ядерного конфликта. Это

потом, много лет спустя, станет насаждаться версия, будто отступил только Советский Союз. Далее США не выдержали груза потерь во Вьетнаме. Они не могли взять в толк, почему сопротивляется народ, у которого были разрушены все города, заводы, дороги, мосты. Они ушли, вьетнамцы победили их психологически, а следовательно, и стратегически.

Много раз пробовали американцы зацепиться за арабскую землю, но стоило арабам взорвать казарму морских пехотинцев в Бейруте и похоронить под обломками две с половиной сотни оккупантов, как почти сразу же раздался звук рога, протрубившего отбой.

Как хотелось американцам наказать строптивого Хомейни, сторонники которого осмелились (неслыханное дело!) захватить американское посольство в Тегеране! На редкость театральную и рискованную операцию придумали они с «Морскими жеребцами» в пустыне, но после ее провала не решились на прямую конфронтацию. Проглотили боль и обиду только потому, что против них стоял фанатично настроенный противник, который не пощадил бы своей жизни в обмен на чужую.

* * *

За все долгие годы работы в разведке так и не удалось убедить руководство СССР в том, что расчеты на дружбу с США, основанную на одинаковом понимании прав и обязанностей, на равной безопасности, беспочвенны. Американские президенты постоянно исходили из того, что СССР является слабейшей стороной, делали все для того, чтобы он всегда оставался таковым. Если и были какие-то колебания в этой политике, то они диктовались строго рассчитанными интересами. Скажем, американцы никогда, за исключением одного года, не отказывались от поставок зерна в СССР, потому что это экономически выгодно им, закрепляет нашу привычку не производить, а покупать, обескровливает нашу экономику, отбирая столь нужную валюту. Приятно видеть, как ваш противник год за годом превращает в навоз свои скудные золотовалютные запасы. И в то же время американцы никогда не продадут нам современное промышленное оборудование, хотя речь идет также о мировой торговле. Им не нужен потенциальный конкурент. Они создали систему всемирной технологической блокады СССР под предлогом того, что, дескать, промышленное оборудование используется для военных целей. Это неуклюжая

уловка, они сами признают, что военно-промышленный комплекс СССР работал на уровне американских стандартов и производил сопоставимые виды вооружений. Блокировали США гражданскую мирную промышленность: энергетику, металлургию, транспорт. Здесь был очевиден корыстный интерес США.

Сотни раз мы писали и докладывали устно, что было бы непростительной наивностью полагать, что США при каких- то обстоятельствах окажут СССР финансовую или экономическую помощь. Брежнев и особенно Горбачев прожили свои незадачливые политические жизни, так и не поняв, что американцы частенько водили их, как кроликов, по своим тропкам, помахивая перед носом «морковкой» в виде обещания помощи. После августа 1991 года на эту же «морковку» загипнотизированно смотрели новые правительства России, месяцами не стихали разговоры взахлеб о 24 млрд. долларов помощи. Где они? Неужто так трудно понять, что интересам США не соответствует возрождение России? Зачем им возрожденная, сильная Русь? Без нее им куда лучше и удобнее живется в мире, а от добра, как говорят, добра не ищут…

Информационно-аналитическая работа по США для нас была постоянной борьбой против иллюзий, за трезвый расчет, за действительный учет взаимных интересов.

Как обидно было видеть, что наши лидеры, возвращаясь со встреч на высшем уровне с американскими президентами, выбивались из сил, чтобы доказать выгоду от проделанной ими работы, успех своей миссии. Им не терпелось немедленно заявить об «исторических» достижениях. В считанные часы созывалось Политбюро, которое принимало решения об одобрении, давались указания внешнеполитическим ведомствам развить успех и т. д. Барабанным боем звучал пропагандистский аккомпанемент. А мы в разведке с горечью наблюдали, как американский президент спокойно возвращался к себе домой и без всякого шума подсчитывал со своими помощниками полученные выгоды…

«Третья корзина» запада

Пиком развития максимальных внешнеполитических успехов Советского Союза представляется сейчас 1975 год. На фоне продолжавшегося перекрашивания стран «третьего мира» в просоциалистические цвета, крушения португальской колониальной империи и драматических событий в Эфиопии тогда произошли два из ряда вон выходящих события. Об одном уже говорилось — это поражение США во Вьетнаме, вызвавшее глубокие потрясения в американском обществе и серьезное временное ослабление внешнеполитической активности Вашингтона. Второе — Совещание в Хельсинки глав государств и правительств.

Заключительный акт Хельсинкского совещания на первый взгляд оставлял впечатление большой победы Советского Союза, ибо он утверждал послевоенные границы в Европе — предел мечтаний советского руководства. Только специалисты находили в этом монументальном акте слабости, незаметные на первый взгляд, которые грозили в будущем крупными неприятностями Советскому Союзу. В частности, наши эксперты без труда увидели в документе оговорку о том, что границы в Европе могут, оказывается, изменяться, но лишь мирными средствами. И когда мы в разведке прочитали это, перед нами сразу встал образ разделенной Германии.

В ГДР, несмотря на все внешнее благополучие, давно нарастал заряд недовольства. Разница в материальных условиях жизни, обвальная, четко поставленная радио- и телепропаганда со стороны ФРГ, естественное желание видеть родину воссоединенной — эти факторы исподволь работали в пользу изменения границ. Есть основания полагать, что при проведении на территории ГДР совершенно открытых, под беспристрастным международным контролем выборов результат был бы один: население высказалось бы за воссоединение.

Жизнь показала, что всего через 14 лет сработала не статья о нерушимости границ, а именно маленькое исключение из этого общего принципа, и все потому, что исключение базировалось на учете абсолютно реального положения в Германии, а сама статья фиксировала добрые пожелания политиков, в первую очередь приехавших из Москвы.

Экономические вопросы (так называемая «вторая корзина») были так аккуратно отодвинуты на последний план западными дипломатами, что обтекаемые, ничего не значащие формулировки сохранили, по существу, нетронутой всю

капитально возведенную вокруг СССР к тому времени систему торгово-экономической блокады, валютно-финансового карантина.

Зато уступки по вопросам гуманитарного сотрудничества, свободы передвижения людей, обмена идеями и информацией («третья корзина») оказались разрушительными для советской системы. Международное сообщество навязывало таким образом Советскому Союзу свои понятия о демократии, вынуждало его принимать игру, к которой он не был готов. В те дни складывалось впечатление, что Брежнев и его окружение действовали, рассчитывая на русский авось. Им казалось, что они достигли настолько крупной победы в виде признания послевоенных границ, что за нее можно поступиться мелочами, составляющими гуманитарные послабления. Я убежден, что на самом деле они рассуждали примерно так: можно признать, подписать соглашения, но вовсе не обязательно их выполнять. Собственно, вся последующая практика показала, что партийно-государственное руководство исходило именно из такого понимания «третьей корзины»; хотя соглашение было подписано, в СССР сохранялось большинство унаследованных от прошлого ограничений демократических свобод граждан. Не было учтено только одно обстоятельство — что Запад видел именно в этой «третьей корзине» целую программу практической работы по расшатыванию существовавшей в СССР системы. Начиная с Хельсинкского совещания не было ни одной сколько-нибудь значащей встречи между руководителями или высшими должностными лицами СССР с его западными соседями, в которой бы не поднимались конкретные вопросы, связанные с невыполнением со стороны СССР положений соглашения. Выражаясь спортивным языком, со стороны Запада был организован прессинг по всему полю. Каждая беседа обязательно завершалась вручением списка граждан еврейской национальности, которых непременно надо было отпустить за рубеж. Кончались еврейские мотивы, начинались темы немцев Поволжья, татар и т. д. Вода, говорят в народе, по капле падает, да камень точит. Постепенно под нарастающим давлением большинство послов стали рекомендовать делать уступку за уступкой. Непоколебимый А. А. Громыко начал говорить о необходимости приведения советского законодательства в соответствие с мировым в части, касающейся гуманитарных прав.

* * *

Вся работа США и западноевропейских стран по расшатыванию устоев монолитного советского общества заслуживает высокой оценки и профессионального уважения. Ее можно изучать как образец сочетания четко сформулированной политической цели, маскировки этой цели в привлекательные лозунги, навязывания своему противнику правил и условий игры, а главное — многолетней, упорной, последовательной практической борьбы за осуществление выработанной политики.

Я смотрю на жизнь глазами профессионала и не могу не видеть, что Запад, который яростно защищал права каждого нашего диссидента, каждого «пятидесятника», каждого правозащитника, сразу же после распада СССР потерял всякий интерес к защите прав человека или этнических групп на обширной территории бывшего Советского Союза. Никто сейчас не вспоминает о «третьей корзине», никого не беспокоят массовые нарушения прав граждан по признаку их этнической принадлежности или религиозных верований, не волнуют тысячи убитых и искалеченных, миллионы обездоленных беженцев. «Права человека» как понятие исчезли из арсенала внешнеполитических отмычек сразу же, как только была достигнута политическая цель: уничтожение своего главного противника — СССР. Но это все стало ясно потом, да и то далеко не всем…

Так уж сложилось, что в течение восьми или даже более лет мне пришлось быть членом партийного комитета разведки, то есть высшего партийного органа в ПГУ. Там обсуждались так называемые «персональные дела», которые выворачивали такие судьбы и приоткрывали дверь в такие потемки нашей жизни, что после этих заседаний приходилось дома пить валокордин, чтобы заснуть. Одно из таких «дел» пришлось как раз на описываемое время. Слушание состоялось 3 октября 1975 года. Перед парткомом предстал сотрудник управления внешней контрразведки М. (того самого, которым тогда руководил молодой генерал О. Калугин), работавший под прикрытием поста заместителя торгпреда в одной европейской стране. По роду службы он должен был обеспечивать соблюдение всеми советскими гражданами в этой стране норм морали и правил поведения за границей. И вот что я записал по свежим впечатлениям от этого разбирательства:

«Трудно представить себе более омерзительного, даже внешне, субъекта. Почти 50-летний мужик с физиономией плакатного кулака-мироеда был бы находкой для Ломброзо. Жидкие рыжевато-белесые волосы еле скрывают расползающуюся лысину. Узкий лоб подпирается резко вздутыми надбровными

дугами, которые сразу настораживают: «Берегитесь, перед вами пещерный человек!» Глаза цвета застиранного голубого исподнего белья, выпученные, внешне ничего не выражающие, как у лягушки. Мигают редко, но иногда жестко смотрят по углам, как бы выискивая, что можно схватить длинным липким языком.

Приплюснутый, хрящеватый нос вкупе с увесистым подбородком говорит о том, что этому неандертальцу «все по плечу». Вот про таких-то и говорят: «Способный, очень способный, на все способный!»

Четыре часа мы слушали ответы этого человека, и наша общая ненависть к нему крепла. В июне с. г., уезжая в очередной отпуск после пяти с половиной лет пребывания в стране, он оставил запечатанной сургучной печатью пухлую папку в хранилище резидентуры. Но во время его отсутствия резиденту срочно понадобились условия агентурной явки, которые должны были храниться именно в папке у М. Папка была вскрыта, и на глазах изумленного резидента из нее вывалились пачки банкнотов, золотые, платиновые украшения, изделия из драгоценных камней. Сразу вспомнилось, что он недавно оформил покупку второй «Волги», что его жена по 5–6 раз в году ездила «по семейным обстоятельствам» в Москву, каждый раз набивая купе поезда под потолок картонными коробками. Было принято решение досмотреть его багаж на таможне. В нем оказалось, как в магазине, всего по 50:50 пар обуви, 50 костюмов, 50 плащей, 50 отрезов и т. д.

Четыре часа он врал, выкручивался, потом стал угрожать, что «потащит за собой кое-кого из верхов», а кончил тем, что обмяк, пустил лжеслезу, сказав, что болен раком, хотел обеспечить семью, и затем заявил: «Многие делают, как я!»

Так ни в чем он и не признался, а мы ограничились его исключением из партии и, естественно, увольнением из разведки. Надо было бы отдать его под суд, но все понимали, что суд будет бессилен провести расследование за границей и М. удастся выкрутиться.

Дело М. надолго оставило чувство не только гадливости, но и тревоги. «А что, — думалось, — если эти сокровища не продукт его взяток с фирм, торговавших с Советским Союзом, а подношения спецслужб противника в благодарность за предательство? Почему он держал их за рубежом, а не привез в Москву «для обеспечения семейства»? Значит, намеревался бежать?..»

* * *

Не одному мне приходили в голову мысли: «Что же делать? Как определить свою позицию?» Не раз мы обсуждали эти навязчивые вопросы в кругу самых близких сослуживцев. Горькие темы завтрашнего дня Отечества занимали основное время нашего внеслужебного общения. Надо признать, что идея бунтарства, выступления в какой бы то ни было форме против существовавшего строя казалась нам неуместной. Все мы искренне и бесповоротно верили в социализм как в более высокую и гуманную социальную формацию, чем капитализм. Мы также были убеждены, что все наши беды проистекают из- за субъективного фактора — человеческих качеств вождей, надеялись и верили, что придет вскоре к власти новое, молодое, просвещенное поколение партийных и государственных деятелей. Вспоминали персидскую поговорку: «Разозлившись на блоху, не стоит жечь кальсоны». Перед нами был пример такого человека в лице Андропова, «белой вороны» в тогдашнем руководстве, человека беспредельно честного, педантично сдававшего в госдоход все поступавшие к нему подарки от коллег из-за рубежа, умного, эрудированного, широко смотревшего на все проблемы, без шор.

Вера и надежда не покидали нас. Не сговариваясь, я и мои ближайшие друзья пришли к решению выполнять до конца наш солдатский долг разведчиков: говорить и писать правду, помогать по мере сил формировать критическое отношение к миру и к самим себе.

«Бермудский треугольник»

Неплохим лекарством, подкреплявшим душевное равновесие, были поездки за рубеж для выполнения некоторых задач, носивших скорее политический, чем разведывательный характер, хотя черту между этими категориями провести иногда затруднительно. К тому времени уровень моей информированности был достаточно высок, чтобы проводить компетентные консультации с представителями высшего эшелона власти зарубежных государств. Чаще всего мои маршруты пролегали в страны Латинской Америки, которые я лучше знал, языком которых владел достаточно свободно, где у меня было много друзей и «связей». Я не подменял наших послов — официальных представителей государства, потому что часто выезжал в страны, с которыми не было дипломатических отношений, или в страны, где отношения были заморожены на низком бюрократическом уровне и носили формальный характер. Во время контактов с неофициальными представителями всегда проще, без каких-либо обязательств, можно обсудить любой вопрос в предварительном, зондажном порядке.

В мае — июне 1977 года в разведке появилась тропка, которая вела в Панаму к ныне покойному генералу Торрихосу, проводившему тогда трудные переговоры с Соединенными Штатами относительно заключения нового договора о канале, вернее, договора о передаче канала Панаме. Панамо-американские отношения в то время были одним из напряженных кризисных узлов в мире. Нам, естественно, хотелось оказать поддержку Панаме и ее лидеру в справедливом стремлении получить полный контроль над каналом, проходящим по ее территории. Для США утеря военных баз в Панаме была бы чувствительным ударом. До 1977 года у нас не было прямых выходов на панамское руководство, отсутствовали дипломатические отношения, и вот теперь одна из наших «связей» предложила вывести советского представителя на прямой контакт с самим генералом Торрихосом, завоевавшим к тому времени широкую известность и популярность как честный патриот, умный и энергичный защитник интересов своей страны.

На поездку к Торрихосу рассматривалось несколько кандидатур, и тем не менее начальство остановилось почему-то на мне. В прежние годы начальникам информационно-аналитической службы выезд за границу обычно бывал закрыт: считалось, что они слишком много знают и не стоит подвергать даже случайной опасности источники особой важности, о которых

руководитель управления безусловно знал. Приказы в разведке, понятно, не обсуждают, их выполняют.

* * *

25 июня я уже приземлился в Париже, где пару дней наслаждался жизнью туриста, затем перебрался в Латинскую Америку. А дальше началась операция, которую я условно назвал «Бермудский треугольник» — столько в ней было неизвестного, загадочного, а может быть, и опасного. Чтобы не подводить никого из друзей, помогавших мне в тех делах, не буду называть точных географических мест и имен. Скажем так: необыкновенно живой и расторопный полковник, которого, видимо, все знали как очень влиятельного человека, доставил меня на своем автомобиле в дальний уголок Н-ского аэродрома, где стоял двухтурбинный реактивный самолет без опознавательных знаков. Мой чемоданчик улетел в грузовой отсек, сам я оказался один в пустом салоне. Самолет быстренько разбежался и легко вспорхнул в облака. Смотреть вниз на вату туч было скучно, и я стал осматривать салон самолета. В нем все дышало казармой. Часть столиков была поломана. Кожаная обивка кресел вытерта, испачкана, местами поцарапана, никаких салфеток, подушечек, как и никаких признаков буфета — непременной принадлежности персональных самолетов глав правительств или государств либо личных машин миллионеров. Крошечный удобный туалетик тоже был порядком захламлен. Но это был личный самолет генерала Торрихоса — главы правительства и командующего Национальной гвардией Панамы, одного из замечательных людей, знакомство с которым подарила мне судьба.

Вдруг дверь пилотской кабины отворилась, и молодой, статный офицер-летчик спросил:

— Куда вас везти?

Я на мгновение оторопел от неожиданности:

— А разве вам не сказали?

— Нет.

— Тогда везите туда, где находится генерал.

— В Панаму или в Фаральон?

— Туда, где находится сейчас генерал, — твердеющим голосом отвечал я.

— Значит, в Фаральон, — подытожил мой собеседник.

— Стало быть, туда, — поставил я окончательную точку, хотя понятия не имел, что такое Фаральон и где он находится.

Через некоторое время самолет, покрутившись у кромки океанского берега, стал заходить на посадку, и я почувствовал холодок в сердце, когда увидел, что рядом с посадочной полосой стоял бронетранспортер, из башни которого высунулся по пояс стрелок, провожавший стволом крупнокалиберного пулемета наш самолет. Стоило только черному, как ночь, пулеметчику нажать на гашетку, и мы, как подстреленный воробей, шмякнулись бы на бетонные плиты полосы.

Как только самолет сел и подрулил к стоянке, туда же подкатил и этот бронетранспортер, стрелок которого не переставал целиться в единственного пассажира. «Вот зараза, — подумалось невольно, — ну что ему надо?» И лишь когда пилот поздоровался с вояками из бронированного ящика, чуть отлегло от сердца. Подали машину, и я поехал в дом генерала, сопровождаемый все тем же бронетранспортером.

* * *

Как потом оказалось, Фаральоном называлась прежняя американская военно-воздушная база Рио-Ато, которая арендовалась в годы войны и потом, после нее в течение 25 лет, под предлогом организации защиты входа в Панамский канал из Тихого океана от всяких опасностей. В 1970 году панамцы уже под руководством Торрихоса отказали в продлении договора и попросили вернуть базу. Рассердившиеся янки разрушили ее, сломали все постройки, даже забили камнями колодцы. Осталась только взлетно-посадочная полоса, которую и приспособил для нужд Национальной гвардии Торрихос. Он не любил жить в городе Панама, в «пяти минутах езды на джипе от американских военных фортов в зоне канала», и предпочитал работать здесь, в доброй сотне километров к северу от столицы. К тому же здесь стоял батальон гвардии с 18–20 бронетранспортерами.

Дом генерала находился в полутора километрах от аэродрома. Снаружи его почти не видно, его заслоняют мощные кроны манговых деревьев, крытый навес для автомашин и какое-то подобие летней кухни. Однако его местонахождение выдавали круглая бетонированная площадка для посадки вертолетов да огромный шатер из пальмовых листьев, опиравшийся на деревянные столбы, под которым сидела группа охранников и, разморенная тропическим зноем, лениво играла в домино. Оружие и подсумки горкой лежали на столе, висели на спинках стульев.

Не успел я захлопнуть за собой дверцу автомашины, как меня сразу же провели в дом. У порога меня встретила секретарь генерала Эстер, которая и провела к Торрихосу.

Я привык видеть его на фотографиях в военной форме, а здесь, дома, он был в светлой вязаной рубашке и темных брюках. На ногах болтались сандалии. Точь-в-точь мелкий служащий на воскресном отдыхе. Не успел я как следует рассказать о себе, как вошли двое: один очень тучный мужчина — президент республики доктор Лакас, а второй — президент Национального банка. Генерал попросил подождать, пока он не решит с ними неотложные дела.

Прекрасно, у меня появилась возможность осмотреться и поговорить с Эстер. Вся обстановка комнаты, где я находился, состояла из пары диванов, составленных под прямым углом, да двух кресел-качалок, разделенных низеньким журнальным столиком. Диваны и кресла были обиты такой мягкой и пушистой искусственной шкурой, что посетитель в ней буквально тонул. Для тропиков это непрактично, здесь все, как губка, пропитано влажной духотой. Но меня предупреждали, что у генерала многое будет непривычным. Он никогда не пользовался услугами поваров, портных, декораторов, на всю жизнь остался в привычках простым солдатом. Все, что как-то облегчает быт, либо оставлено прежними владельцами, либо подарено кем-нибудь из друзей. На стенах висели две картины неизвестного живописца, изображавшие невероятно толстых женщин с грудями, выпиравшими из выреза платья; манера письма модерновая, видимо, тоже подарок случайного поклонника.

По профессиональной привычке стараюсь разговорить Эстер. Узнаю, что генерал начинает рабочий день в 5 утра и заканчивает в 10 вечера. Отдых его — это обычно путешествие по провинции, куда он отправляется на вертолете, постоянно дежурящем на пятачке перед домом. Все управление осуществляется телефонными распоряжениями или устными указаниями, которые Торрихос дает должностным лицам, когда они приезжают к нему с докладом. Никакого бюрократического аппарата практически нет. Но нет и случаев невыполнения указаний. Всего три секретаря несут вахту в Фаральоне. Они принимают бесчисленные телефонные звонки, передают заранее подготовленные указания и рекомендации генерала, ведут несложное делопроизводство и попутно выполняют функции денщиков: варят кофе, подают сигары, воду, чистят после прогулки в горах солдатские ботинки. Отдежурив трехсуточную вахту, они уезжают на отдых в Панаму.

Президент и банкир уехали, и Торрихос снова вышел ко мне.

Я старался нащупать ту волну, на которой говорит и мыслит генерал. В тон ему я снял галстук, так же, как он, поджал под себя одну ногу на диване, чтобы удобнее было сидеть к нему вполоборота. Наконец мы затронули тему, которая для нас была одинаково интересна — США. Зацепились за эту тему вроде бы случайно: плохо работавший телевизор прохрипел, что, по данным опросов, в Соединенных Штатах 28 млн. женщин систематически избивают их мужья, однако они вынуждены молчать из-за материальной зависимости. «Вот, — почти радостно закричал генерал, — на лету хватай такие сведения о нарушении прав человека в США! А вы из-за какой-то дюжины диссидентов разводите мировые стенания. Вообще вы люди без юмора. Неужели в нынешнем мире, где кругом царят беззаконие и насилие, вам необходимо делать вид, будто борьба Джимми Картера за права человека касается в первую очередь вас? Да отшутитесь, превратите все в хохму. Бросьте неуместную в данном случае серьезность.

Права человека — это проблема для нас. В Чили исчезло без всякого следа около трех тысяч человек, военные режимы в Аргентине, Уругвае отправили на тот свет десятки тысяч… а что творится в Бразилии, Парагвае! Там никого не судят, просто убивают, к тому же не за идеи, а за подозрение, что человек может иметь идеи… Мы Картера поддерживаем, нам здесь надо говорить о правах человека, а вам-то зачем? Какие вы обидчивые, невеселые люди…» Слава богу, разговор пошел.

Вскоре приехали еще два министра — финансов и иностранных дел. Сели за стол, подошло время обеда. Беседа стала очень оживленной. Меня засыпали вопросами, пришлось говорить самому, хотя предпочитал бы слушать. Я внутренне сердился на себя, потому что чувствовал, что трудно понимаю речь генерала: тембр голоса у него был низкий, глухой, артикуляция нечеткая, незнакомая, сама речь очень образная, афористичная. Однако через полчаса все встало на свои места.

Обед оказался на редкость скромным: сухой отварной рис, жесткое жареное мясо, овощной салат, вареная фасоль — все, никаких разносолов. На стол не поданы ни спиртные напитки, ни пиво, только холодная колодезная вода. «А как же надоевшие рассказы американских газет о болезненном тяготении генерала к выпивке, разговоры о циррозе печени?» — сам собой выплыл вопрос, на который есть только один ответ: пресса — не столько средство информации, сколько орудие политической борьбы.

За разговором не заметили, как стало смеркаться. Генерал подошел ко мне и сказал: «Знаешь, мне бы хотелось продолжить беседу с тобой, но, к сожалению, на завтра у меня назначено

заседание Государственного совета высоко в горах, где расположено крупное месторождение меди Сьерра-Колорада. Если нет возражений, давай полетим завтра вместе туда на вертолете, сможем продолжить разговор, а заодно посмотришь нашу страну. А ночевать останешься у меня дома. Идет?»

Вопрос был лишним. Конечно, я мотнул головой в знак согласия. Главное было сделано — удалось установить первый контакт, создать поле взаимопонимания, перекрестного интереса с высокой политической плотностью.

* * *

Более суток я провел бок о бок с генералом, большую часть времени сидя рядом с ним в вертолете. Он был моим гидом и наставником. С горечью показывал мне крохотные заплатки земли, распаханные на крутых горных склонах, — помещики все более и более теснили крестьян с плодородных равнин. «Чтобы посеять что-то на этих обрывах, приходится стрелять туда семенами из ружья», — не то шутя, не то всерьез говорил Торрихос, попутно замечая, что под американскими банановыми плантациями в Панаме занято несколько десятков тысяч гектаров отличных земель, которые держатся в резерве. Бананы сильно истощают землю, поэтому через семь-восемь лет ей нужно дать отдых для восстановления плодородия. «Американцам бананы нужны для фруктового десерта, а нам не хватает риса и кукурузы для пропитания». Мечты о процветании Панамы, заботы о благополучии своего народа так или иначе прорывались в каждом его комментарии, замечании.

После окончания полевого заседания Государственного совета, когда все приглашенные министры, бизнесмены, иностранные эксперты со скоростью похоронной процессии спускались вниз по скользким после дождя горным дорогам, Торрихос внезапно обратился ко мне: «Обидно, что слушали сейчас иностранных специалистов, докладывавших технические и экономические обоснования проекта, и не нашлось среди нас панамца, который по деловому раскритиковал бы проект. Пусть бы в чем-то оказался не прав, но обязательно дал бы им по зубам». Спросив руководителя работ о молодых специалистах, которые уже успели хорошо проявить себя, он пригласил их к разговору. Подошли три молодых человека. Они рассказали о себе, и генерал без всякой передышки предложил им поехать учиться на пару лет за границу: «Сами выберете себе страну, где

лучше всего поставлено меднорудное дело, и не возвращайтесь без докторского диплома. Ведь как здорово будет звучать: «Сеньор Лопес, панамец, доктор геолого-минералогических наук». Если поедете в США, то, ради бога, не женитесь на американках. Они эгоистичны, да и нам от них пользы мало».

По счастливой случайности оказалось, что на руднике работал выпускник Университета дружбы народов, которого тоже позвали, и он, сияющий, уже издали кричал мне по-русски: «Да здравствует Советский Союз!» К сожалению, он оказался не геологом, а экономистом. Известно, насколько примитивно знали и изучали экономику тогда в Советском Союзе, где даже академики от экономики выглядят беспомощнее рядовых управленцев коммерческих фирм Запада.

Но главное место в наших бесконечных разговорах занимали, конечно, Панамский канал и панамо-американские переговоры о заключении нового договора, предусматривавшего передачу канала Панаме в собственность с 1 января 2000 года. Тем временем в Вашингтоне шли тяжелые, напряженнейшие переговоры по доработке текста договора. Торрихос хотел использовать любую возможность нажима на американцев. Он не собирался скрывать свои встречи с представителем из Москвы, попросил дать мой московский телефон, заговорщически прошептав при этом: «Послушай, не удивляйся там, в Москве, когда я позвоню тебе и буду спрашивать совета, как поступить в тех или других вопросах. Отвечай как можно туманнее и загадочнее. Они любят слушать все наши международные переговоры, перехватят и этот. То-то будет у них переполох!» Они — это, конечно, американцы. Надо сказать, что эту игру мы довели с ним до конца. Он действительно звонил из Панамы на мою московскую квартиру, и мы, посмеиваясь в душе, разыгрывали несуществующие сцены. А потом он мне рассказывал, что расчет оправдался и на переговорах с американцами эффект угрозы сближения с Москвой действовал неотразимо: Вашингтон шел на уступки.

Но главное, Торрихоса заставляла искать с нами контакты серьезная озабоченность, что Соединенные Штаты могут отказаться от подписания договора о канале. Тогда перед генералом, связавшим свою политическую судьбу с борьбой за возвращение канала Панаме, не оставалось бы никаких иных путей, кроме как начать силовые действия против американцев: уйти в сельву, начать партизанскую борьбу, встать на путь диверсий. Эту альтернативу он излагал публично, но я видел, что она пугает его самого, что он был бы рад, если бы она сработала как угроза, не претворившись в реальность. Но надо было

готовить позицию на случай срыва переговоров, и тут без помощи Советского Союза было не обойтись.

Торрихос без конца рассказывал о Панамском канале. Вспоминал, как в период строительства канала американцы выселили из переданной им зоны площадью 500 квадратных миль вдоль трассы канала всех местных жителей, чтобы не иметь никаких проблем. 30 % всей зоны Панамского канала американцы заняли своими военными городками и базами, разместив на постоянной основе около 10 тыс. солдат — это втрое больше, чем все вооруженные силы Панамы. Давно многократно окупивший себя канал и его зона оставались колониальным анклавом, разрезавшим Панаму надвое. Генерал говорил о том, что в нынешнем виде канал оказывает разлагающее влияние на панамский народ. Каждый из 10 тыс. американских военнослужащих старается на время пребывания в Панаме обзавестись временной подружкой из числа задавленных нуждой молодых женщин. Теперь эти женщины протестуют против ухода американской армии в случае национализации канала. Обслуживает канал и зону около 8 тыс. панамских рабочих, занятых самым черным, неквалифицированным трудом. Им платят по низшей шкале американских зарплат, но это значительно выше, чем заработки панамских рабочих. Эта категория оказывается также в числе противников национализации канала, хотя им и стараются объяснить, что национализация не уменьшит доходы от канала и их интересы не пострадают.

Торрихоса серьезно заботила проблема пресной воды, которая расточительно расходуется, обеспечивая работу канала. Обе нитки шлюзов, спадающих к Атлантическому и Тихоокеанскому побережьям, питаются пресной водой, которая накапливается в водохранилищах в верховьях горных рек, перегороженных плотинами. До поры до времени сбор и сброс воды из водохранилищ в океаны не вызывали тревоги, хотя каждое шлюзование означало безвозвратную потерю 50 млн. л воды. Но по мере роста города Панамы резко увеличились и потребность в воде у горожан, и потребность в электроэнергии, производимой на гидростанциях, воду у которых, к сожалению, забирал канал. Расширение ирригационных систем также требовало воды, а она в основном аккумулировалась в зоне Панамского канала, и временами панамскому правительству приходилось покупать свою собственную воду у американской администрации канала.

Думая о решении этой проблемы в будущем, генерал развивал идеи строительства нового, бесшлюзового канала или

создания принципиально нового межокеанского пути, состоящего из многорельсового железнодорожного полотна, по которому будут ходить особые тележки, приспособленные для перевозки крупных морских судов. Это будет своеобразный «волок» — быстрый, дешевый и надежный.

Торрихос подробно рассказал мне о ходе панамо-американских переговоров, ответил на все вопросы, которые возникали в связи с революционным процессом, происходившим в самой Панаме. Провожая меня после пяти дней пребывания в Панаме, Торрихос распорядился выдать мне визу сроком на один год для въезда в Панаму. Это было лучшим признанием успеха встречи. И все-таки приятно польстили самолюбию последние слова, сказанные им при прощании: «Если все русские такие же, как ты, то это просто здорово!»

* * *

От треволнений, изнурительной, непривычной жары, полного отсутствия аппетита я здорово похудел. Мне очень хотелось домой, не терпелось доложить информацию, полученную от самых компетентных и авторитетных источников, о «белом пятне», которым была для нас до того времени Панама. Я не стал задерживаться в Париже, вечном пересадочном пункте при полетах в Латинскую Америку.

Я был сам доволен операцией, она разбудила было начавшие дремать охотничьи инстинкты разведчика. Оказалось, что порох не совсем отсырел в пороховницах за время работы в центре. Уже порядком общипанные жизнью крылья еще держали меня в воздухе.

В последующие годы я регулярно наведывался в Панаму, где так и не открылось советское посольство. 7 сентября 1977 года в Вашингтоне США подписали с Панамой договор о передаче Панамского канала Панаме с 1 января 2000 года. Цель жизни Торрихоса была достигнута. На церемонию подписания прибыли 18 глав американских государств, три или четыре вице-президента и несколько министров иностранных дел. Более ста человек входили в панамскую делегацию, среди которых были писатели Габриэль Гарсия Маркес, Грэм Грин. Торрихос хотел, чтобы весь мир стал свидетелем и гарантом честного договора.

Прошел год, и новые сомнения начали терзать Торрихоса. Теперь это было связано с ратификацией договора. В марте 1978 года он встретил меня как старого знакомого, и я сразу же

почувствовал его раздражение действиями США. Он рассказал, что с момента подписания договора по март 1978 года в Панаме побывали 50 сенаторов США (ровно половина состава сената) и каждый приезжал, чтобы на месте ознакомиться со страной, с ходом демократизации ее и т. д. Все они были уверены в том, что Торрихос — это «тиран», «диктатор», «сильная личность» и пр. Их взгляды нередко основывались на слухах, что генерал — выпивоха, бабник, друг и приятель Фиделя Кастро. Они требовали, чтобы Торрихос лично сопровождал их во время полетов, а в самолете досаждали вопросами: «Когда ты уйдешь от власти?», «Почему ты выслал своих политических противников из страны?», «Когда будут проведены выборы?» и т. д. Беспардонность сенаторов была невероятной, даже сопровождавший их тогда американский посол в Панаме Джордэн писал, что временами ему казалось: «Торрихос мог бы открыть дверь салона и выбросить парочку этих людей в Тихий океан». Посол видел, как часто ходили желваки на скулах у Торрихоса, и вмешивался, чтобы разрядить обстановку. Мне генерал говорил, что только сознание острой необходимости соглашения с США не позволяло ему сказать все, что хотелось, куражившимся политиканам. Они без конца поучали его, пили, жрали, лапали женщин и опять поучали, хапали подарки и снова назойливо поучали.

Стоило только не оказать какому-нибудь сенатору максимального внимания, как он становился в позу и пополнял ряды противников договора. Так получилось, например, с сенатором Деконсини (от штата Аризона). Он приехал в Панаму с женой, матерью и младшим братом в такое время, когда Торрихос, занятый делами, не смог лично уделить ему внимание. Этот обиженный политический карлик жестоко отомстил в ходе голосования, едва не поставив под удар плоды работы многих лет. Он стал и автором всех антипанамских поправок.

Генерал верил Картеру, который все время просил его потерпеть, подождать, не делать резких заявлений, обещал все постепенно уладить. Торрихос согласился до дня ратификации ничего не предпринимать, но намекал, что в случае срыва ратификации ситуация радикально изменится. «Я от своего не отступлю, — говорил он, — никаких дополнительных капитулянтских договоров подписывать не буду, иначе народ будет вправе повесить меня на первом же телеграфном столбе. Я распорядился транслировать напрямую все дебаты из американского конгресса на Панаму, чтобы весь народ слышал, какие гадости говорят про нас янки. Мы теперь повзрослели, нас нельзя ни запугать, ни обмануть». Когда я высказал ему идею о

провозглашении Панамы вечно нейтральной страной, он заинтересовался моей аргументацией. У США, говорил я, исчезают основания для особых претензий на оборону канала, ибо статус вечно нейтральной страны будет охотно признан мировым сообществом. Затем Торрихос спросил: «А не стану я в этом случае похожим на политического скопца, на бесплодного мерина? Сможет ли моя страна проводить активную внешнюю политику, оказывать помощь друзьям?» Я ответил, что Швеция остается уважаемой энергичной страной, Австрия стала местом международных организаций, переговоров, а ее гражданин Курт Вальдхайм — Генеральным секретарем ООН. «Да, — задумался Торрихос, — надо изучить». Но, по-моему, к этой идее он не возвращался. А зря! О своей внешней политике Торрихос иногда говорил с большим юмором. «Никто не может понять, кто же я такой. Сомоса звонит и просит прислать слезоточивые газы для разгона демонстраций, полагая, что я — его поля ягодка. А я отвечаю, что только что послал всю наличность в Перу и сейчас у меня нет ничего. Гватемальцы просят поделиться опытом борьбы за мировое общественное мнение для подкрепления претензий на спорную территорию Британского Гондураса — Белиза. Сандинисты — враги Сомосы — просят денег и оружия. Немного, но даю». Показывая на взлетную дорожку аэродрома, он внезапно выпаливает: «Ты думаешь, что здесь садится и взлетает только мой самолет? Нет, отсюда частенько стартуют самолеты, груженные оружием для партизанских сил в Центральной Америке. Труднее всего бывает спилить заводские марки с хорошей стали, но мы и это освоили!»

Многое было обговорено и обсуждено в те вечера на веранде его дома в Фаральоне, откуда открывался бескрайний Тихий океан с неумолкающим тяжелым вздохом волн. В оранжевом мареве заката вдоль кромки воды всегда с юга на север тянули в строгой кильватерной колонне мощные бакланы. Иной раз по песку проходили местные рыбаки, неизменно обменивавшиеся приветствиями с генералом, а то и заглядывавшие на рюмочку рома.

Уже в Москве я узнал, что после семимесячного изнурительного обсуждения в сенате США договор Торрихос — Картер был наконец ратифицирован 68 голосами против 32. Это была историческая победа. Для утверждения договора требовались 2/3 голосов сената. Если бы всего два сенатора изменили свою позицию и отказались поддержать договор, то не избежать бы миру очень острого и опасного конфликта, которого Торрихос не хотел. Мы тоже не хотели конфликта и делали все, чтобы договор стал царить там, где прежде всегда правила бал

сила.

* * *

В последний раз я виделся с генералом в 1979 году. Я приехал к нему, когда договор уже вступил в силу. В соответствии с его положениями сам канал и его сооружения окончательно должны перейти под юрисдикцию Панамы 1 января 2000 года, а территория зоны канала, то есть полоса земли шириной 10 миль по обе стороны трассы канала, составлявшая в общей сложности 1434 кв. км, передавалась Панаме немедленно. Я встретился с Торрихосом через семь дней после того, как вся территория зоны перешла под управление правительства Панамы. Я рассчитывал встретить ликующего триумфатора, а увидел снова озабоченного и несколько опустошенного человека. Оказалось, что он даже не принял участия в торжествах 1 октября 1979 года по случаю передачи территории зоны канала Панаме. В этот день он сидел перед телевизором на веранде своего дома, потом позвал помощников, сказав им: «Бывают моменты, когда человеку надо остаться одному». Отправив всех в Панаму, он приказал готовить вертолет и улетел на нем в районы, населенные индейскими племенами. Потом он объяснил свое поведение так: «Меня там не было, потому что это была не моя победа. Это была победа всего народа. Я просто был главным действующим лицом… я едва был заметен, хотя и был главным крикуном… Завоевание нашей независимости не является результатом деятельности одного человека, независимость стала возможной благодаря борьбе многих поколений, чьи усилия как бы слились воедино за 70 лет». Он не на словах, а на деле оставил народу в этот день роль главного действующего лица.

Мы очень много говорили с ним об умении работать с людьми. Он довольно жестко критиковал наших политических руководителей за их формализм, тяготение к официальным декларациям, коммюнике о переговорах, любым бумажкам. За редкими исключениями, советские послы не выходят за скучные чиновничьи рамки. «Я все время собирался открыть в Панаме советское посольство, хотя для меня это связано с немалыми политическими издержками. Но если мне пришлют какого-нибудь типа, с которым нельзя ни пооткровенничать, ни поговорить на заветные темы, то зачем мне такой посол. Уж лучше поддерживать неофициальный контакт». Тут я твердо заметил, что одно никак не исключает другого и нормальные

дипломатические отношения безусловно необходимы для развития связей между двумя государствами.

Рассказывая о своих методах работы с американцами, он иной раз раскрывал всю кухню, подноготную. «Нам удалось, — говорил он, — до такой степени сдружиться с некоторыми сотрудниками Белого дома, что они просили нас приносить им пиво на работу в нарушение установленного Картером порядка, запрещавшего в рабочее время распивать такие напитки. Мы иногда приглядывали за тем, не идет ли начальство, когда подчиненные тискали секретарш. Такая доверительность помогала нам получать огромное количество необходимой информации…» (Эти сведения были уже ценны мне как разведчику, и я с удовольствием наматывал их на ус.)

В конце 70-х годов в Центральной Америке возникла очень опасная для Соединенных Штатов ситуация. В результате договора с Торрихосом они теряли Панамский канал с 2000 года. В Никарагуа летом 1979 года в ожесточенной гражданской войне победили сандинисты. Они свергли власть кровавого диктатора Анастасио Сомосы, про отца которого в свое время Ф. Рузвельт цинично сказал: «Это сукин сын, но он наш сукин сын». В Сальвадоре занималось зарево партизанской войны, а в Гватемале ее пламя полыхало уже несколько лет. Торрихос прекрасно ориентировался во всем этом сложном калейдоскопе стран, интересов, лидеров. Для Советского Союза пока многое оставалось здесь «терра инкогнита»: ни в одной из центральноамериканских стран, за исключением Коста-Рики, не было советских посольств и представительств. И наши беседы с Торрихосом длились по многу часов в течение нескольких дней, пока не удовлетворялся взаимный интерес.

Летом 1981 года я снова собрался в гости к генералу, уже упаковал свой походный чемоданчик, когда услышал по радио сообщение, что 31 июля самолет, на котором Торрихос направлялся в свое любимое селение в горах Коклесито, разбился в ненастную погоду о скалы. Слова бессильны выразить острое горе, которое я пережил. Я искренне сочувствовал Панамскому народу, потерявшему такого выдающегося политического лидера и чудесного человека. С его смертью значение Панамы на карте мира стало съеживаться, как шагреневая кожа. Ни один из последователей Торрихоса не оказался даже мало-мальски сравнимым с ним по политической чистоте, харизме и человеческой привлекательности. В моем сердце навсегда осталась незарастающая каверна.

* * *

Прошло три года, и в мои руки попала книга, написанная Грэмом Грином о Торрихосе, с которым его связывала тесная дружба примерно в те же годы. Я жадно стал читать и вдруг наткнулся на строки, которые, как мне казалось, могли относиться ко мне. Грэм Грин писал: «Мы с генералом говорили как- то о России, и я стал развивать свою любимую теорию о том, что однажды КГБ возьмет власть в свои руки и тогда окажется, что гораздо проще вести дела с прагматиками, чем с идеологическими попугаями. КГБ набирает к себе на работу самые светлые головы из университетов, они владеют иностранными языками, знают внешний мир. Маркс для них не единственный свет в окошке. Они могут стать инструментами разумных реформ у себя дома».

Омар заметил: «То, что ты говоришь, для меня представляет особый интерес. Некоторое время назад ко мне из Южной Америки наведался офицер КГБ. Это был молодой, весьма подготовленный человек. Он говорил на хорошем испанском. Я с ним был очень осторожен, потому что опасался какой-нибудь ловушки. Он сказал мне, что вряд ли можно ожидать каких-либо изменений в России до тех пор, пока в Кремле сидят нынешние дряхлые старцы. Молодой человек сказал, что он приедет как-нибудь еще раз повидаться».

Не знаю, приезжал ли он. Он должен был бы знать о привязанности Торрихоса к Картеру. Собирался ли он передать какой-нибудь сигнал Картеру через генерала накануне президентских выборов в США, на которых должен был победить Рейган? Я никогда не узнаю ответа на эти вопросы».

Да, дорогой Грин, теперь уже не узнаешь. Вы оба с генералом покинули эту грешную землю, и единственный шанс вспомнить пряный запах креольской политики — встретиться в положенное Богом время в лучшем из миров, если он есть.

Политика — политикой, разведка — разведкой, а дружба — дружбой. Грэм Грин очень любил Торрихоса. Он посвятил ему книгу под названием «Узнавая генерала». Он как бы хотел подчеркнуть, что как личность этот человек был неисчерпаем. Книга получилась теплая, душевная, сердечная.

Мне казалось, что и я полюбил генерала не меньше. Я тоже написал книгу о Торрихосе, она была издана в 1990 году. Заголовком ее стала одна из его афористических фраз: «Я не хочу войти в историю, я хочу войти в зону канала». В книге, наверное, нет художественных достоинств, но в том, что она добросовестная и непредвзятая, я уверен. Предисловие к ней написал верный

адъютант Торрихоса, человек, сочетавший в себе философа, солдата, пилота, дипломата, которого знали все в бассейне Карибского моря под кличкой Чучу и по имени Хосе де Хесус Мартинес. Совсем недавно скончался и он, хранитель музея Торрихоса, его афоризмов.

А во время варварского нападения американцев на Панаму в конце 1989 года погиб и музей Торрихоса, сожженный американскими ракетами, уничтожены все экспонаты. Музей не был ни в коей мере никаким военным объектом, он расположен далеко от казарм Национальной гвардии. Кому-то надо было уничтожить саму память об уникальном явлении в истории панамского народа — жизни и деятельности Омара Торрихоса. Для меня уже давно стало привычным противоречить американцам. Поэтому я написал о генерале, а рукописи, как известно, не горят и не тонут.

Критические годы для СССР

Возвращаясь из Панамы или аналогичных поездок в другие страны, я вновь погружался в информационно-аналитическую круговерть разведки, стараясь отключиться от острых переживаний, забыть об эмоциях. При оценке поступавших материалов, при составлении информационных документов, уходивших к политическому руководству, надо было сохранять максимум непредвзятости, объективности. Но в обязанности информационно-аналитического управления в значительной мере входила и задача корректировки оперативных усилий разведки путем формулирования ее целей. Часто это делал начальник разведки, который давал нам указание подготовить циркулярную телеграмму для группы ведущих резидентур, а иногда «Всем, всем, всем» с требованием сосредоточить усилия на освещении каких-то определенных проблем. Мы могли и сами подготовить текст директивного указания, когда были уверены, что разведка должна ответить на те или иные вопросы, но подписывал документ начальник разведки.

Во второй половине 70-х годов, когда я уже основательно привык к безмерно широкому полю профессиональной ответственности своего управления, к необходимости быть постоянно готовым отвечать по телефону на самые разнообразные вопросы руководства разведки и Комитета госбезопасности, меня все больше и больше стало заботить положение дел в странах социалистического содружества, как тогда было принято именовать страны Варшавского пакта.

По положению разведка не занималась социалистическими странами. Это были наши союзники, с которыми отношения строились на основе тесной дружбы; мне известно, что запрещалось ведение оперативных разработок граждан этих стран. Естественно, что не было вербовок, списков агентуры и т. д. Единственное исключение представляла ГДР, где по договоренности с немецкими коллегами такая работа допускалась.

Во всех соцстранах находились представительства КГБ, которые поддерживали тесные контакты со своими партнерами из МВД, оказывали им методическую и организационно-оперативную помощь. Время от времени подписывались протоколы о сотрудничестве, которые конкретизировали практические области взаимодействия. Во главе этих представительств почти всегда стояли опытные генералы разведки, в подчинении у которых находился целый отряд

специалистов разного профиля: были и разведчики, и контрразведчики, военные контрразведчики, специалисты по оперативной технике и т. д. Из представительств в центр поступал большой поток информации о положении в этих странах. Источниками информации были сотрудники партийного и государственного аппарата, коллеги из МВД, хозяйственные руководители и т. д. Часто люди делились этой информацией с нашими сотрудниками, потому что не рассчитывали на должное внимание со стороны советских послов, которые сплошь были выходцами из партийного аппарата. Так и получалось, что информация советских послов из соцстран оказывалась окрашенной преимущественно в розовые тона, в то время как информация представительств КГБ давала значительно более близкую к реальной картину обстановки.

Помню, как в 1980 году вновь назначенный в Польшу послом Б. И. Аристов, начитавшийся нашей информации, позвонил Андропову и сказал, что считает наши материалы предвзятыми, необъективными и неверно отражающими состояние дел. У меня в кабинете раздался прямой телефонный звонок председателя: «Вот Аристов говорит, что мы сгущаем краски, оценивая обстановку в Польше. Так ли это?» Я ответил, что Аристов к польским проблемам едва прикоснулся, а у нас на протяжении многих лет десятки сотрудников внимательно следят за эволюцией страны. Мы можем предложить Аристову приехать в разведку и почитать накопившиеся тома материалов о Польше, поговорить с нашими сотрудниками, которые действительно знают страну. Председатель поблагодарил и повесил трубку, но мы напрасно ждали делового визита новоиспеченного посла. Уже потом мне приходилось наблюдать его растерянность в советском посольстве в Варшаве, когда Польшу сотрясали мощные социальные конвульсии.

* * *

Мне довелось не раз ездить по служебным делам в страны Варшавского пакта. Я выступал в качестве начальника информационно-аналитической службы разведки, вел деловые переговоры со своими коллегами из братских разведок, встречался с руководством МВД, а нередко нас принимали и руководящие работники очень высокого ранга из партийно-государственной элиты. Предметные, практически полезные обмены мнениями происходили, как правило, только с прямыми

коллегами, все остальные встречи носили скорее протокольный характер. Чтобы поездки наши не превращались в чисто профессиональные контакты, мы обязательно просили организовать для нас посещения промышленных предприятий, сельскохозяйственных кооперативов, встречи с учеными и т. д. Хотелось прикоснуться к жизни этих стран. Мне, выходцу из крестьян, всегда было интересно побывать в селе, поговорить с земледельцами. Помнится, как в Венгрии однажды мы провели почти целый день в семье крестьянина, который вел обширное хозяйство — откармливал свиней, — дававшее ему значительно больший доход, чем заработки в кооперативе. Мы старались понять экономику страны, технологию производства.

Почти десятилетие приходилось мне изо дня в день читать депеши советских послов из соцстран, знакомиться с записями бесед советских руководителей с лидерами этих стран в дополнение к информации, поступавшей из представительств. Много интересного рассказывали наши товарищи, возвращавшиеся из долгосрочных командировок в эти страны. Наши взгляды формировались под воздействием разных факторов и так или иначе находили отражение в информационных документах, направлявшихся в ЦК КПСС.

За четыре с лишним десятилетия, прошедших после Второй мировой войны, социализм как учение и как практика государственного строительства не проник глубоко в общественное сознание народов этих стран. Социализм пришел к ним вместе с Советской Армией и был воспринят как идеология освободителей или победителей. Сопротивление было бесполезно, поэтому внешне страны смирились со своей судьбой. Прежние владельцы земель, заводов, системы обслуживания и т. д., за редкими исключениями, остались у себя дома и приспособились к новым условиям существования. Любить новые порядки они никогда бы не стали, скорее наоборот. Отчасти это и проявилось в 1956 году в Венгрии, тремя годами раньше в ГДР, в 1968 году в Чехословакии, в 70-х годах в Польше.

Ни в одной из социалистических стран, например, не была произведена национализация земли. Сохранялась и видоизмененная форма частной собственности на землю, и до самых последних лет она продолжала быть предметом купли-продажи в ограниченных размерах. В Польше вообще частное землевладение охватывало 80 % всех сельскохозяйственных угодий.

Во всех странах сохранилась мелкая городская частная собственность: частные кафе, парикмахерские, сапожные и портняжные мастерские и т. д. Некоторые попали под контроль

государства, которое откачивало в свой карман долю прибыли, но сохраняло благоразумие, не убивая курочку, несшую золотые яички. То же самое относится и к жилищному фонду. В этих странах не было огульного присвоения государством всей городской недвижимости, как это произошло в России после 1917 года. Люди жили в своих собственных домах, имели возможность строить новые.

Только тяжелая промышленность, банковское дело, транспорт были национализированы, хотя везде сохранялись более гуманные условия взаимоотношений между работодателем-государством и наемными рабочими.

Почти повсеместно церковь сохраняла значительное духовное влияние на население, пользовалась большой независимостью от государства. В Польше влияние католической церкви всегда превосходило влияние правящей партии, в Венгрии церковь и партия могли бы соперничать.

В отличие от СССР, во всех этих странах сохранялась многопартийная система. Везде существовали две-три партии, причем не формальные, а настоящие, с собственной социальной базой. Эти партии не лезли на рожон конфронтации, они входили в различные фронты (национальные, отечественные и пр.) вместе с правящей коммунистической или рабочей партией, как бы находясь в политической полудреме, но это была готовая структура демократии, которая вышла на арену в подходящий политический момент.

За исключением ГДР, ни в одной социалистической стране правящая партия, органы госбезопасности не имели такого влияния и веса, как это было в СССР.

* * *

Наши европейские союзники раньше, чем советские руководители, стали настойчиво искать выхода на Запад, укреплять связи с капиталистической системой. Особую активность проявила Венгрия, которая охотно принимала кредиты от Запада, переориентировала на другие рынки свои товары. Не отставала и Польша.

Даже столь, казалось бы, непримиримые немцы в ГДР вскоре установили «особые» отношения с ФРГ, получали ежегодные денежные субсидии, развивали приграничную торговлю. Запомнился случай, когда корреспондент ТАСС передал в Москву сообщение о том, что ГДР, настойчиво добивавшаяся ежегодных

прибавок в поставках нефти, наладила перегонку нефти на своих заводах, а продукты перегонки (бензин, смазочные масла и т. д.) по хорошим ценам продает, пользуясь энергетическим кризисом, за валюту на Запад, в частности в ФРГ. В этом материале содержались и точные цифры поставок на Запад. Руководство ТАСС, понимавшее всю пикантность информации, особенно если учесть, что Советский Союз «продавал» соцстранам нефть за 50 % мировой цены, не решилось дать эту информацию в распоряжение газет. Оно опубликовало ее в полузакрытом, с грифом «Для служебного пользования», вестнике. Но, как потом выяснилось, посольство ГДР в Москве было подписчиком этого вестника на правах «надежного союзника» и материал попал в посольство, а следовательно, в Берлин. Разразился невероятно шумный скандал, в который были вовлечены секретари ЦК партий с обеих сторон, послы. Немцы артистически изобразили оскорбленную невинность, а наши вместо того, чтобы воспользоваться представившейся возможностью для откровенного разговора о сущности экономических взаимоотношений, отозвали корреспондента ТАСС из ГДР и, наверное, дали еще и выговор, чтобы не лез не в свои дела.

Алексей Николаевич Косыгин, Председатель Совета Министров СССР, один из наиболее самостоятельно мысливших и разумных людей того времени, в беседе со своим коллегой из Чехословакии прямо говорил, что союзники получают из СССР высококачественное валютное сырье (нефть, хлопок, газ, металл), а для поставок в СССР выделяют второсортную продукцию своей обрабатывающей промышленности, которая не находит сбыта на западных рынках. Он демонстрировал смущенному коллеге чешские ботинки, купленные на Западе нашими товарищами, и мятую, по существу бракованную, обувь, которую в мешках поставили в СССР.

Подобные факты были не исключением, а составляли ткань отношений между нашей страной и союзниками. Ткань была гнилой и легко разорвалась, когда лопнули военно-политические обручи, сковывавшие соцсодружество в Варшавский пакт.

Как-то, излагая свою концепцию государственной безопасности СССР, Ю. В. Андропов нарисовал четыре концентрических круга — пояса безопасности. «Первый, — говорил он, — и главный — это внутреннее единство, экономическое благополучие и моральное здоровье нашей собственной страны — СССР; второй круг — это надежность наших союзников по мировоззрению, по оружию; третий круг — международное коммунистическое движение; четвертый — это весь остальной мир. Если мы будем уверены в надежности и

прочности первых трех поясов, то нам не страшны никакие угрозы, исходящие из четвертого круга». Нельзя было не разделить мнения, что страны соцсодружества, наши союзники по мировоззрению и по оружию, были важнейшим компонентом безопасности СССР.

* * *

Информация, поступавшая по линии разведки, об обстановке в соцстранах носила преимущественно острый, тревожный характер. Большое место в ней занимали сведения о взаимоотношениях в высших эшелонах власти, о взглядах и настроениях руководителей и их ближайших соратников. Сведения эти не добывались средствами разведки, их охотно приносили сами представители руководства, те, кто числил себя в верных сторонниках СССР, или те, кто думал заручиться нашей поддержкой в продвижении по партийно-государственной лестнице. Информация шла из высших сфер и была, как правило, объективной, с небольшой поправкой на личностный коэффициент. Если суммарно оценить всю информацию, поступавшую по этим вопросам, то можно заметить, что в руководстве каждой социалистической страны постепенно определились две группы: одна твердо ориентировалась на СССР, а другая не менее настойчиво и упорно тащила свои страны на Запад. В первую входили чаще всего министры обороны, внутренних дел, высшие руководители партийных структур; к Западу упорно тяготели премьер-министры, все, кто ведал экономикой, министры иностранных дел. Прозападная ориентация части партийно-государственного истеблишмента тщательно скрывалась, маскировалась многочисленными заявлениями дружественного характера.

В разведке не было никаких разногласий в оценке состояния дел в соцстранах и прогнозах на будущее. Ежегодно в Москве собирались руководители представительств КГБ в соцстранах и проводили «сверку часов», обменивались новыми данными «о подрывных действиях противника», делились опытом работы. Комитет государственной безопасности однозначно давал знать политическому руководству страны, что дела в стане союзников идут из года в год все хуже и хуже, что нарастает опасность для наших отношений. 6 декабря 1977 года я записал применительно к Польше: «Укрепление класса кулачества, переход в частную собственность городской торговли, развитие капитализма в

промышленности закладывают базу для антисоциалистических сил. При польском антирусском национализме, при всесильном духовенстве во главе с кардиналом Вышинским, при разладе в руководстве ПОРП и правительстве Польши нам остается только ждать даты внутреннего взрыва и гадать о формах, в которых он произойдет, но при нынешнем ходе событий он неизбежен… Мы давно трубим «подъем!», но все спят».

Не было никаких сил докричаться до наших вождей. Каждый год во время отдыха Л. И. Брежнева в Крыму, в Нижней Ореанде, к нему приезжали по очереди руководители братских партий, вроде чтобы в неофициальной обстановке поговорить начистоту о всех накопившихся проблемах. Но на деле гости Брежнева старались приукрасить обстановку в своих странах, срезать острые углы, выцыганить еще какую-нибудь помощь. В порядке подготовки генерального к таким встречам разведке иногда поручали дать оценку ситуации и прогноз ее развития. Наши документы, как уже говорилось, были окрашены колером озабоченности. В 1980 году в Крым приезжал Э. Герек, в беседе с которым Брежнев, судя по записи, использовал многие данные из материалов разведки и пробовал вести разговор «нажимисто», как любил говаривать А. А. Громыко. Герек всполошился не на шутку, стал энергично опровергать приведенные данные и оценки, доказывать, что некоторые советские люди, работающие в Польше, дают искаженную картину действительности, клевещут и т. д. Брежнев дал ход назад, сделал вид, что принял за чистую монету объяснения Терека, и предложил ему остаться на несколько дней для отдыха в Крыму. Тот успокоился и остался, только отдохнуть ему уже не довелось. Буквально через считаные дни начались массовые забастовки, он был вынужден срочно вернуться в Варшаву и через несколько недель подать в отставку под давлением событий. Начался десятилетний период нестабильности в Польше, завершившийся разрушением псевдосоциалистической системы.

* * *

В хлопотах и заботах шло время. Подступил критический период для СССР: по моим оценкам, такими критическими годами были 1979-й и 1980-й. Именно тогда произошли события, которые предопределили в значительной степени драматические развязки конца 80-х — начала 90-х годов.

В первую очередь к таким событиям надо отнести ввод

советских войск в Афганистан в рождественскую неделю 1979-го. Что послужило основанием для принятия решения, как аргументировали Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко и Л. И. Брежнев свое предложение о вступлении 40-й армии в Афганистан?

Могу выделить три причины, которые находились в очевидном для меня спектре политических обстоятельств.

Во-первых, из Афганистана шел поток эмоционально окрашенной информации из кругов «парчамистов» («Парчам» — «Знамя» — одно из крыльев Народно-демократической партии Афганистана), которые были отстранены от власти людьми из группы «Хальк» («Народ»), возглавляемой Хафизуллой Амином. По этим сведениям, «халькисты» развязали кровавый террор по всей стране, все тюрьмы были переполнены «парчамистами», по ночам шли массовые расстрелы, трупы хоронили в траншеях, отрытых бульдозерами, или сбрасывали в горные речки. Все оставшиеся в живых члены НДПА вынуждены были скрываться, и за ними была организована настоящая охота… «Парчамисты» припоминали, что Амин когда-то учился в США и, следовательно, мог попасть на крючок ЦРУ.

Второй причиной могло стать личное недоверие советского руководства к Амину. Этот человек отличался неуемным властолюбием и был способен на любые действия ради сохранения власти. Он был детонатором саурской революции в апреле 1978 года, когда отдал приказ армейским офицерам начать военное выступление против режима Дауда, развязавшего преследования коммунистов. Как только была одержана победа, он взялся за своих же товарищей по партии. «Хальк» объединял рабочий и крестьянский компоненты партии, менее образованные, более отсталые. «Парчам» состоял из студенчества, интеллигенции, чиновничества. Возглавлял его Бабрак Кармаль, назначенный после победы революции заместителем премьер-министра, ставший членом Политбюро и секретарем ЦК. Формально Хафизулла Амин и Б. Кармаль находились в равном положении. Президентом Афганистана, председателем Революционного совета и премьер-министром был Тараки, которого все воспринимали как учителя, старшего товарища. Тараки был доверчив и безволен. Уступая давлению Амина, он дал согласие на отстранение Б. Кармаля от всех постов и отправку его послом в Чехословакию. Сам Амин последовательно занял посты министра иностранных дел, затем премьер-министра, а потом и военного министра по совместительству. Он практически открыто ломился к власти. Предыдущий военный министр — герой саурской революции Кадыр был арестован,

подвергся пыткам и был заточен без суда и приговора в тюрьму. Амин всюду, не церемонясь и не стесняясь, насаждал своих людей.

Приход к власти в Афганистане такого деспотичного, не считающегося ни с чьим мнением человека пугал советское руководство. Оно, конечно, предпочитало иметь дело с покладистым, гибким Тараки. Не один раз советские руководители предупреждали по разным каналам Тараки о грозившей ему опасности со стороны Амина. А тут, как на грех, в начале сентября 1979 года в Гаване собралась 6-я конференция глав неприсоединившихся государств, и Тараки, естественно, получил приглашение прибыть туда. Специальным посланием из Москвы Тараки был уведомлен о том, что ему не следовало бы отлучаться из Кабула в связи со сложной внутриполитической обстановкой в Афганистане. Было даже подсказано, что можно послать кого-нибудь другого. Представился случай избавиться от грозящей опасности, но Тараки им не воспользовался. Он решил, несмотря ни на что, ехать в Гавану, где пробыл с 1 по 11 сентября.

Возвращаясь с Кубы на родину, он сделал кратковременную остановку в Москве, где его еще раз самым серьезным образом предупредили о смертельной опасности. Он молча выслушал и улетел домой, практически на верную смерть.

13 сентября вечером Амин приехал во дворец к Тараки с большой вооруженной охраной, и там между охраной дворца и приехавшими молодцами произошла перестрелка, инициаторов которой так и не удалось выявить. Амин немедленно прибыл в Министерство обороны, отдал приказ о смещении Тараки, который и был арестован. Все руководящие посты, какие только были в стране, занял Амин. Пленум ЦК НДПА проштамповал все предложенные Амином резолюции.

Сколько Кремль ни просил Амина пощадить престарелого Тараки, Амин не реагировал. Через несколько дней Тараки был убит. Рассказывают, что его задушили подушкой.

В таких условиях всякое сотрудничество с Х. Амином становилось для советского руководства невозможным. Не оставалось никаких надежд и на то, что удастся создать хорошую опору для советского влияния в его окружении: Амин подбирал людей по принципу абсолютной личной преданности. Оставался один путь сохранения на желаемом уровне советско-афганских отношений — устранение Хафизуллы Амина силой.

* * *

Третья причина, пожалуй, заключалась в том, что СССР не мог допустить укрепления в Афганистане враждебного режима. Это диктовалось всеми элементарными геополитическими соображениями. За годы советской власти почти все афганские правительства проводили в отношении СССР вполне лояльную, даже дружественную политику.

Это объяснялось тем, что Советская Россия, а потом СССР последовательно поддерживали независимость и суверенитет Афганистана. Но афганские правительства никогда не осуществляли реальной власти на всей своей территории, страна была конгломератом феодальных уделов, руководители которых формально признавали власть Кабула, но вели себя в рамках своих владений достаточно независимо. На севере Афганистана в течение длительного времени действовали крупные силы, поддерживавшие басмачей в Средней Азии. Вооруженные басмачи уходили под ударами Красной Армии к своим соплеменникам в Афганистан, где проживает много узбеков, таджиков. Там они отдыхали, вооружались, отряды пополнялись новыми бойцами и возвращались в СССР. Этим в большой степени объяснялась живучесть басмаческого движения. Дело дошло до того, что в 1929 году Красная Армия, с согласия кабульского правительства, совершила рейд по афганским базам снабжения и обеспечения басмачей, после чего движение басмачей пошло на убыль.

Если про Балканы говорили, что это «мягкое подбрюшье Европы», то Афганистан, безусловно, является таким же подбрюшьем Средней Азии. Сохранение Афганистана в сфере влияния СССР диктовалось чисто оборонительными соображениями. На протяжении 60 лет мы удовлетворялись теми политическими позициями, которые были у нас в Афганистане. Никуда дальше советская «экспансия» не распространялась. Если бы вдруг возникла историческая перспектива раздела Афганистана на Северный и Южный (а об этом шел разговор в середине 80-х годов), то, я уверен, Советский Союз вполне удовлетворился бы сохранением своего влияния только в Северном Афганистане, отдавая себе отчет в том, что южная часть его ориентирована на Пакистан и теснее связана с ним.

После захвата власти Х. Амином впервые с 1920 года создалась угроза того, что Афганистан может отойти от традиционной дружественной политики в отношении СССР и стать игрушкой в руках более сильных его противников.

* * *

Таковы были причины ввода советских войск в Афганистан. Но вступление 40-й советской армии в эту страну состоялось в такой форме, что вызвало панику на Западе, где раздались озабоченные голоса о том, что-де русские начали прорыв к Индийскому океану, реализуя свою «вековую мечту» о выходе к теплым морям. В самом деле, 40-я армия вошла в Афганистан со всем своим штатным вооружением, включавшим и тактические ракеты. Наблюдатели не могли понять, зачем для решения оперативных задач борьбы с партизанскими формированиями потребовались ракеты, предназначенные для ударов по целям стратегического характера. Через границу ползли колонны бронетехники, не приспособленной и ненужной для нерегулярной войны в горной местности. Простая деталь: малый угол подъема (всего до 30 градусов) орудийных и пулеметных стволов, установленных на бронетехнике, делал их бесполезными в борьбе с душманами, если те располагались на отвесных склонах ущелий. Сами участники войны рассказывали потом, что приходилось съезжать с дороги, поднимать переднюю часть машины на склон горы и обеспечивать таким нелепым образом необходимый сектор для ведения прицельного огня.

А внешне создавалась ошибочная картина, будто русские вошли в Афганистан не для оказания помощи партии своих сторонников, а для дальнейшего броска к югу, например к Ормузскому проливу, ведущему в Персидский залив, к ближневосточной нефти. Нефть Ближнего Востока всегда рассматривается Западом как жизненно важный фактор для развитого капиталистического мира. Покушение на нефть с чьей бы то ни было стороны — это «казус белли» (причина для начала войны) для США и их союзников. Без этой нефти весь цивилизованный мир сразу же потеряет свой лоск и привлекательность, он погрузится в глубокий и опасный кризис.

Напуганный сверх меры Запад стал быстро прорабатывать меры по противодействию. США увидели в создавшейся ситуации прекрасную возможность отплатить своему противнику — СССР — за свое поражение во Вьетнаме той же монетой. Тогда советская военная помощь вьетнамцам оказалась важным компонентом создания потенциала победы над американцами, теперь американцы решили оказать максимальную помощь моджахедам, чтобы нанести поражение советским войскам. Пакистан воспользовался представившимся шансом, чтобы резко усилить свои позиции в регионе, получить дополнительную помощь от США, отодвинуть на неопределенно далекое время всякие претензии Афганистана на пуштунские территории, входившие в состав Пакистана. Так сформировался блок сил,

вмешавшихся в гражданский конфликт в Афганистане, в который уже был вовлечен СССР. Началась война, ставшая одним из мощных разрушительных факторов псевдосоциалистической системы в СССР.

* * *

В не меньшей степени опасными оказались и события в Польше летом 1980 года. Записи, сделанные по горячим следам тех дней, дают если не полное, то достаточно яркое впечатление от событий: «21 августа 1980 г. Уже пятые сутки гудит вся Польша. В нашей прессе, на радио и телевидении об этих событиях ни гу-гу. Нет их! Не должно быть! Только вчера было опубликовано краткое изложение выступления Эдварда Терека, из которого вряд ли что может понять нормальный рядовой читатель. Там говорится о «перерывах в работе», о трудностях в экономике, об «остром положении» и пр., но непонятно, откуда растут ноги, нет никакой объясняющей информации. А дело-то очень серьезное! Все началось еще в конце июля. Эдвард Терек и предсовмина Бабюх отдали распоряжение о повышении цен на качественное мясо, которое продавалось прямо на территории промышленных предприятий в магазинах и ларьках. Было это сделано вроде бы так же, как у нас, то есть тихо, без анонсов, без «решений Центрального Комитета и Совета Министров». Но расчет на «незаметность» оказался неверен. Поляк — это далеко не типичный русский. За плечами поляков такие крупные общенациональные выступления, как в 1956 и 1970 годах, когда антиправительственная «буза», поднимавшаяся сначала в Познани, а затем в Гданьске, приводила к смене руководства. В 1956 году была свергнута администрация Берута, а в 1970-м — Гомулки. Теперь, кажется, настала очередь Терека.

Движение началось в этот раз с отдельных забастовок в Люблине, где выступили транспортники, потом метастазы дошли до Варшавы, где поднялись автобусные и трамвайные парки. Власти ничего не предпринимали в общенациональном масштабе и латали каждую дырку отдельно. Кое-как это удавалось, тем более что забастовки носили пока только экономический характер. Люди требовали прибавки жалованья, улучшения снабжения, наведения порядка. Движение тлело почти две недели, пока не докатилось до пороховой бочки — до побережья. 17 августа начался «пожар». В этот день забастовали 30 предприятий, в том числе все судостроительные верфи. Сейчас

страна отрезана от моря. Судам под польским флагом запрещено входить в родные порты. Власти просят нас принять в прибалтийских республиках срочные грузы и отправить их поездами в Польшу…

Сказывается опыт старых выступлений. Сразу же повсеместно создаются забастовочные комитеты, они объединяются в городские комитеты и т. д. Губошлепое правительство всегда делало вид, что в стране нет оппозиции. Теперь диссиденты спешно выехали на север и включились в забастовочную борьбу, придав ей острый политический привкус. В требованиях появились такие пункты, как создание подлинно независимых профсоюзов, свобода печати и слова, предоставление церкви права пользования средствами массовой информации. Слышатся голоса о привлечении к ответственности людей, которые довели страну до такого положения…

Все предприятия блокированы пикетами. Члены партии кое-где изгнаны с территории заводов и верфей. Над замершими в бездействии цехами подняты огромные кресты. Идут богослужения с антиправительственным подтекстом. Кое-где печатаются листовки, зовущие к продолжению борьбы. Власть парализована. Партия отсутствует как фактор. Заседания воеводских комитетов не дают никаких вразумительных решений. Политбюро заседает непрерывно, но также безрезультатно. Выхода никто не видит!»

Число бастовавших достигало 600 тыс. Во главе движения на Побережье встал 36-летний электрик с Гданьской судоверфи Лех Валенса. Его отец находился в США и часто появлялся в свите Р. Рейгана, который вел президентскую кампанию. Было известно, что Валенса имел только начальное образование, но волевых качеств ему не занимать. Это прирожденный лидер. Около него сразу же сформировались группа консультантов и целое «правительство» из восьми адвокатов, социологов, историков, которые и формулировали основные политические требования.

5 сентября 1980 года Терек был снят с поста руководителя партии, опять со лживой формулировкой «из-за серьезной сердечной болезни». Новым первым секретарем стал Станислав Каня, 53-летний аппаратчик. Кризис в верхах был разрешен, забастовки пошли на убыль. Правительству даже удалось получить от свободных профсоюзов формальное заявление об уважении конституции и признании социалистического строя.

Но страна вышла из повиновения. Из края в край плескались волны независимого самоуправленческого разгула. Студенчество, интеллигенция активно нападали на правительство. Партия болтала ногами в пустоте, тщетно пытаясь найти хоть какую-то

опору. Пленумы, активы, конференции сыпались, как из дырявого мешка, а улицы, массы были отданы оппозиции. Вся Польша превратилась в горящее торфяное болото. На метровой глубине полыхала вся социальная толща.

* * *

Мне приходилось каждое утро докладывать начальнику разведки телеграммы, которые мы рекомендовали к рассылке членам политбюро, секретариату ЦК и в ведомства. В один из дней, когда в стопке рекомендуемых телеграмм оказались две-три, освещавшие положение в Польше, Крючков, не отрываясь от чтения, спросил: «Как думаешь, Леонов, начнется теперь стабилизация у поляков?» Я набрал побольше воздуха в легкие и очень печально, хотя и убежденно, произнес: «Нет, думаю, что оппозиция победила, она завоевала главное — народ. А власть сама упадет ей когда-нибудь в руки».

Прошло некоторое время, и Андропов пригласил несколько человек из разведки для откровенного разговора о положении в Польше. За столом были начальник разведки, его заместитель, отвечавший по оперативной линии за участок работы по Восточной Европе, начальник соответствующего отдела и два представителя информационно-аналитического управления, в том числе и я.

— Кто будет докладывать? — обратился председатель КГБ к Крючкову.

Тот внимательно посмотрел на меня, как бы давая мне 30-секундную паузу для подготовки, и сказал:

— Доложит начальник аналитического управления.

Я не готовил специального сообщения, обычно в таких случаях докладывал или сам начальник разведки, или в крайнем случае его заместитель, но пришлось принять главный удар на себя.

Я честно и откровенно изложил наше понимание обстановки в Польше, обратил внимание, что мой доклад не противоречит той информации, которая регулярно направляется в политбюро по линии разведки. Помнится, закончил я свое короткое выступление словами:

— Партия и правительство в Польше утрачивают контроль над обстановкой. При сохранении нынешних тенденций развития внутриполитической ситуации взрыв неминуем, причем он может произойти в самом ближайшем будущем, измеряемом

несколькими месяцами.

Разговор состоялся осенью 1980 года. За столом воцарилось молчание. Андропов посмотрел отрешенно в окно и спросил:

— Как вы думаете, на чем сейчас держится власть в Польше?

— Практически на трех опорах: партийных функционерах, Министерстве внутренних дел и армии. Социальная база истончена до крайности.

— Сколько наших войск в Польше?

— В районе Легнице стоят две дивизии и воздушная армия общей численностью, колебавшейся в разное время, от 40 до 60 тыс. человек да в Свиноустье бригада морских катеров с морской пехотой. Эти силы ориентированы на защиту в случае необходимости железнодорожных и морских коммуникаций, связывающих Центральную группу войск (так называлась группировка войск в ГДР. — Н.Л.) с территорией СССР.

Андропов вновь на какое-то время отключился, размышляя про себя, а потом задал неожиданный вопрос:

— Поляки бунтуют, потому что у них мясо подорожало и его стало меньше, потому что выплачивать долги надо только за счет увеличения экспорта сельскохозяйственной продукции. Но вы говорите, что поляки и сейчас потребляют в год по 70 кг мяса на душу населения? (Я утвердительно кивнул.) Почему же не бунтуют тогда наши люди, которые едят вдвое меньше?

Я не нашел ничего умнее, чем сказать:

— Потому что наши не в пример терпеливее!

Сидевшие за столом смотрели на меня с явным сочувствием. За такие ответы можно было получить крупные неприятности.

Андропов подвел итог разговору довольно неожиданным образом:

— Будем считать, что сегодня у нас не было ни победителей, ни побежденных. Надо думать над тем, как стабилизировать обстановку в Польше на длительный период, но исходить из того, что лимит наших интервенций за границей исчерпан.

Яснее сказать было нельзя…

* * *

Третьим критическим для СССР фактором на рубеже 1970—1980-х годов была смена руководства в США, других странах Запада, а также в Китае.

На выборах в ноябре 1980 года американцы отдали предпочтение Рональду Рейгану, бывшему губернатору

Калифорнии, который шел к власти под знаменем неприкрытой и жесткой конфронтации с социализмом как учением и с Советским Союзом как государством. Для него СССР был «империей зла». Одним этим все уже сказано. Была сделана ставка на достижение над Советским Союзом военного превосходства по всем направлениям. У русских известна поговорка: «Сила есть — ума не надо». Вот по этой присказке и стала строиться политика Рейгана, опиравшаяся на огромное экономическое, технологическое и научное превосходство Соединенных Штатов. Получила развитие программа строительства стратегических бомбардировщиков с технологией «Стеле», делающей их малозаметными на радарных экранах. Вскоре после прихода в Белый дом Рейган выдвинул программу «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), ориентированную на защиту США от нападения советских стратегических ракет. Специалисты всех стран ломали голову, чтобы определить, что в этой программе было обеспечено научными разработками, а что пропагандистски использовалось для запугивания и психологического подавления противника. Реальность или блеф? Споры продолжаются и до сих пор.

США решительно повели дело к развертыванию в Европе ракет среднего радиуса действия и крылатых ракет в качестве ответа на развертывание советских комплексов «СС-20». В общем, американцы повели политику, которая в Китае получила название «острие против острия». Для такой политики у них нашелся лидер, а в Европе таким лидером стала Маргарет Тэтчер — «железная леди». На все последующее десятилетие эти два политических деятеля наложили свой неизгладимый отпечаток агрессивности, твердости, последовательности.

В Китае к этому времени тоже произошли перемены в руководстве, которые были многообещающими. 9 сентября 1976 года скончался «великий кормчий» Мао Цзэдун, и ящик Пандоры раскрылся сам собой. Через 20 дней после кончины китайского супервождя были арестованы сразу четыре члена Политбюро, и среди них жена покойного Цзянь Цин. К их именам были привешены ярлыки типа «свора», «собачье дерьмо» и т. п.

Мы уже давно привыкли не обращать внимания на риторику и, трезво поразмыслив над существом событий, пришли к выводу, что наступает пора прагматизма и здравомыслия в Китае — на благо народу и стране, но на горе соседям. Вспомнилось, сколько раз мы в начале 70-х годов анализировали обстановку в Китае и неизменно приходили к выводу, что для нашей страны, для СССР, — это парадоксально! — было выгодно пребывание у власти стареющего и телом, и умом Мао Цзэдуна. При нем

великий Китай оказался связанным по рукам и ногам, фракционная борьба в руководстве, выражавшаяся в диких формах «культурной революции», поглощала все силы и энергию правящей элиты. Репрессии, обрушившиеся на интеллигенцию, студенчество, массовая отправка их в деревню «на перевоспитание» тормозили развитие экономики, наращивание научно-технического потенциала и, стало быть, военно-стратегических возможностей. Получалось, что чем дольше стоит у власти такой человек, тем спокойнее и надежнее могут чувствовать себя соседи. Китай был обречен на длительное самопожирание. И вот теперь закатилось «красное солнышко», и китайцы начали нащупывать ту самую дорогу, которая вела из тупика «великих скачков», «коммун» и т. п.

Мы им завидовали и стали изучать их непростой путь к выздоровлению без предания своего прошлого анафеме…

Обреченная революция

Хотя душу уже щемили самые мрачные предчувствия, я тем не менее продолжал делать свое профессиональное дело. Главным занятием для меня оставалось руководство информационно-аналитической работой, но время от времени я отвлекался от чисто кабинетных обязанностей и с большой охотой «нырял» в «работу с людьми». Тем временем в Латинской Америке происходили события, которые при других условиях стали бы центром нашей политической и иной деятельности. Шутка сказать, в 1979 году восстал целый центральноамериканский регион. В Никарагуа летом победила сандинистская революция и к власти пришли патриотические силы, придерживавшиеся явно антиамериканских взглядов.

Да и как они могли быть иными, если ставленник США диктатор Сомоса и его сыновья управляли страной как своим личным поместьем в течение почти полувека, отправив за это время на тот свет десятки тысяч своих политических противников, в том числе и такого незапятнанного патриота, как генерал Аугусто Сандино. В отчаянной попытке сохранить власть Сомоса бросил против восставшего народа авиацию, танки.

Под влиянием победы сандинистов началось широкое партизанское движение в соседнем Сальвадоре, а в Гватемале оно уже бушевало в течение почти 20 лет. Пожалуй, единственным островком относительного спокойствия оставалась Коста- Рика, правительства которой исстари старались держаться подальше от беспокойных центральноамериканских соседей. Ей это удавалось в силу ряда преимуществ. Во-первых, ее население однородно и состоит почти из одних белых, что освобождает страну от возможности этнических конфликтов. Во-вторых, там давно укрепились основы буржуазно-демократического строя в результате широкого развития мелкой и средней земельной собственности. В-третьих, там не пользовались таким безраздельным влиянием американские фруктовые компании, которые в соседних странах грубо и неуклюже вмешивались во внутренние дела, усиливая нестабильность.

С тех пор как была опубликована моя работа по истории Центральной Америки, я считался специалистом по этому региону. Знакомство с Торрихосом укрепляло такое мнение, поэтому перст начальства неизменно останавливался на мне, когда надо было в регионе Карибского моря искать и устанавливать политические и оперативные контакты.

* * *

Осенью 1979 года я отправился в Никарагуа, чтобы на месте оценить обстановку, создавшуюся в результате победы сандинистов, внести предложения по политике Советского Союза в отношении этой страны и всей зоны, которая была очень чувствительной для США. Операция представлялась достаточно сложной. Я выехал в состоянии заметного внутреннего напряжения. Для получения необходимых виз пришлось остановиться в Париже. Пара дней потерянного времени еще больше вызывает раздражение. Это сказалось на моем восприятии красавца города, и вот что я записал в своей книжке:

«Париж такой же, вечный. Его красота, изобилие, слава начинают вызывать раздражение. Это не город-герой, а очень удачливая кокотка. Кто только не грешил с Парижем, кто не топтал свои принципы, чтобы добиться его расположения. Генрих IV сменил свою веру, чтобы эта красотка открыла ему свои чары.

Тучи поклонников спешат в Париж, чтобы потом пронести через всю свою жизнь восторженное обожание его. Для писателей и художников громкое восхищение Парижем стало обязательным во время экзамена на приобщение к интеллектуальной и богемной элите.

Но сам-то Париж никогда не отличался верностью и преданностью людям и идеалам. Париж отвернулся и предал Жанну д'Арк, как потом предавал последовательно республиканцев всех мастей в годы Великой французской революции, предал коммунаров в 1871 году, предавал участников Сопротивления в 1940–1944 годах. Никто не сыщет могил Робеспьера, Дантона, Сен-Жюста, Марата, да и не вспоминает о них Париж. Нищие идеалисты противны ему по духу. Голая стена коммунаров на Пер-Лашез с завядшими цветами, принесенными советскими туристами, как скорбь по неблагодарности Парижа к тем, кто «штурмовал небо».

Париж не любит неудачников. Зато с какой собачьей верностью, безотказностью служит этот город Наполеону. Здесь боготворится все, что связано с «корсиканским чудовищем», но во сто крат чтится его вторая — и последняя, имперская — часть жизни. Вот когда Бонапарт стал Наполеоном I, а его маршалы — герцогами, когда он стал всесилен, богат, тогда блудливый Париж стал млеть перед ним и млеет до сих пор. Да, такого содержателя у Парижа больше не было, и теперь он, как старая гризетка, живет воспоминаниями о своем любовнике.

Город-маркитантка на вопрос «жизнь или кошелек?» обязательно ответит «кошелек!» и отдастся любому насильнику.

Души у Парижа давно нет, хотя ее пытаются изобретать. Э. Золя убедительно показал нам только «чрево Парижа». Миллионы туристов мнут, тискают, щиплют тело Парижа, не впитывая сейчас почти ничего духовного. Поэтому-то «Фоли Бержер» и «Мулен Руж» стали символами этого слащавого, сытого города.

Мне сродни города-мученики: Троя, Карфаген, Нумансия, Верден, Сталинград. 15 тыс. погибли за всю историю французского Сопротивления и 900 тыс. отдали жизнь за Ленинград — разве это не крик души? Париж за идею не стоял и стоять не будет. Сытость и плотские радости для него превыше всего. Париж — кумир тех, кто любит не свободу, а распущенность.

На угрюмом, скучном кладбище поклонился могилам Мольера, Бальзака, А. Доде, Лафонтена. Париж, как и положено кокотке, хорош в молодости, но непривлекателен в старости».

Конечно, я был не прав в такой односторонней оценке Парижа, но меня просто злило ставшее почти обязательным его восхваление. Это что-то сродни принудительному культу личности. Как спасительное заклинание от социального психоза я повторял библейское выражение «Не сотвори себе кумира» и старался на всех претендующих на эту роль смотреть с критической точки зрения. Досталось, как видите, даже Парижу.

* * *

Длительный перелет через Атлантический океан дал возможность успокоиться, выработать примерный план действий. В Манагуа я не спешил выходить из самолета: всегда стараешься выиграть пару-тройку лишних минут, чтобы зрительно освоиться с новой обстановкой. В окошко видны были бойцы сандинистской армии, до боли напомнившие солдат кубинской Повстанческой армии, одержавшей победу над Батистой в 1959 году, они в таких же мундирах оливкового цвета, многие так же перепоясаны пулеметными лентами, у всех в руках или за плечами оружие. Здесь, на аэродроме, они, по-моему, делают все сами. К окошечку паспортного контроля выстраивается длинная очередь. Одному инспектору работы явно хватит надолго. Юный сандинист, по-видимому, старший на контроле, сам встает за свободную конторку и с широкой улыбкой приглашает: «Идите сюда!» Его исхудавшее лицо светится радостью, на тонкой шее болтается большущий деревянный крест, за пояс заткнут пистолет без кобуры. Он быстр, строг, но не может скрыть удовольствия от

того, что его работа помогает людям побыстрее избавиться от томительного ожидания во влажной духоте тропиков. У него нет ручки, он пишет одним полупустым стержнем, и я с удовольствием дарю ему свою. Взглядом ясных глаз он благодарит меня. Революции делают людей красивыми, добрыми, душевно щедрыми. Они полны веры в то, что теперь действительно все будет хорошо, что больше никогда не вернется кровавая несправедливость, что теперь народ, их народ, будет и независим, и счастлив. Вспоминается попутно, что только революционный подъем духа рождает красивые, живущие десятилетиями и веками песни. Так появились «Марсельеза», песни нашей революции и Гражданской войны, знаменитые мексиканские «Аделита», «Кукарача», кубинский «Марш 26 июля». Контрреволюции, повороты вспять песен не рождают.

Никарагуа — это моя сердечная боль. И вечная любовь. Нет, наверное, на этом свете страны более красивой и более несчастной. Нет народа более доброго и трудолюбивого и в то же время более истерзанного и забитого. На беду никарагуанцев, Господь Бог поместил их родину в самом стратегически выгодном месте всего Американского континента, там, где берега Атлантического и Тихого океанов близко сходятся друг с другом, а на узком перешейке расположились два глубоководных озера — Никарагуа и Манагуа, соединенные к тому же рекой Сан-Хуан с Атлантикой. Не придумать более удобного межокеанского пути. Но эти преимущества стали источником громадных бедствий. Как только американцы в середине XIX века открыли в далекой Калифорнии золото, они стали искать удобный путь туда: пробираться через прерии, Скалистые горы, без дорог, сквозь не принадлежавшие белым земельные владения индейцев было опасно. Куда проще отплыть из Нового Орлеана, войти в реку Сан-Хуан, пересечь озеро Никарагуа, а там рукой подать до Тихого океана, где уже ждали другие корабли, следующие прямо в Калифорнию. Так и потек через Никарагуанский перешеек муравьиный поток авантюристов, искателей золота. Вскоре американцы построили железную дорогу через перешеек, стали вести себя здесь как дома. Потом увидели, что земли в Никарагуа плодородные, климат жаркий, хлопок растет хорошо, рабочей силы много, и решили прибрать к рукам всю страну.

В июне 1855 года в Никарагуа высадился отряд американских авантюристов-флибустьеров, которые прибыли из Сан- Франциско под предлогом помощи одной из споривших за власть партий в стране. За несколько месяцев главарь этой экспедиции Уильям Уокер практически установил контроль над всей страной, сверг законное правительство, организовал свое избрание на пост

президента Никарагуа. Его не смутило то, что он не знал ни слова по-испански и присягу принес на английском языке. Уокер принял декрет о восстановлении рабства на территории Никарагуа и поставил задачей завоевание всей Центральной Америки и присоединение ее к рабовладельческой Конфедерации южных штатов. На несколько лет несчастная Никарагуа превратилась в поле сражения, на котором скрестили оружие все армии центральноамериканских государств — с одной стороны и американские захватчики- авантюристы — с другой. В конце концов флибустьеры были разгромлены, и лишь прямое вмешательство американского военно-морского флота спасло их руководителей от справедливого возмездия. Уокер уехал в США, откуда вновь предпринял попытку захватить Центральную Америку в 1860 году, но попал в Гондурасе в плен и был расстрелян.

С 1903 года, когда США приобрели монопольное право на строительство Панамского канала, они стали ревниво следить за тем, чтобы никто в мире не смог начать строительство более дешевого канала через Никарагуанский перешеек. Никарагуа рассматривалась ими как запретная зона, обеспечивающая безопасность Панамского канала. Под любым предлогом вмешиваясь во внутреннюю жизнь этой страны, американцы ввели в Никарагуа в 1910 году свои войска, которые оставались там почти четверть века. Они, наверное, и не ушли бы оттуда, если бы в 1927 году не началась партизанская национально-освободительная война, которую возглавил выдающийся патриот генерал Аугусто Сандино. В маленьком, прямо- таки тщедушном теле генерала жили железная воля и редкое по политической незамутненности сердце патриота. Он все сосредоточил на одном — добиться военного разгрома американских оккупантов и изгнания их из Никарагуа. Шесть долгих лет в тропических лесах севера страны партизаны вели войну против оккупантов. Народ Никарагуа открыто симпатизировал и помогал Сандино. Отряды партизан окрепли, стали совершать глубокие рейды в далекие районы, нанося удар за ударом по «белокурым бестиям». Наконец американцы сломались, не выдержали потока фобов, покрытых звездно-полосатым флагом. Но, уходя, они оставили страшную мину замедленного действия в виде сформированной ими наемной армии (под названием Национальная гвардия) во главе со своим агентом Анастасио Сомосой.

Чистый до наивности, партизан-победитель Аугусто Сандино согласился разоружить своих бойцов после отплытия последнего янки, доверчиво приехал в столицу для переговоров о будущем устройстве страны, и тут сработала оставленная американцами

мина. Анастасио Сомоса, по-волчьи выслеживавший своего врага Сандино, приказал схватить его, безоружного, во время поездки в автомобиле по городу, вывезти в район аэродрома и там расстрелять. В 1934 году февральской ночью где-то здесь недалеко от стоянки самолетов был убит Сандино, имя которого теперь носила победившая революция. Бог долго ждет, но сильно бьет. Старый предатель генерал Анастасио Сомоса тоже был давно убит патриотом-террористом, а теперь революция свергла его сынка Анастасио Сомосу. Он будет убит годом позже в Парагвае, где его поселили прежние хозяева.

* * *

Господи, сколько же крови пролито на этой земле, истосковавшейся по свободе! Только за два года, на заключительном этапе гражданской войны никарагуанского народа против деспотии Сомосы, было убито более 50 тыс. человек!

Еду по городу, и сердце сжимается от боли. Столицы как таковой нет. Она уничтожена жесточайшим землетрясением 1972 года, эпицентр которого был, наверное, под самой центральной площадью. Скелет кафедрального собора стоит посреди руин, точь-в-точь как известная церковь в Хиросиме. Все пространство вокруг— кучи городских развалин, кое- где покрывшихся травой и чертополохом. В руинах гуляет ветер, опасно и жутко поскрипывают переломившиеся бетонные стропила, треснувшие наискось стены и покосившиеся колонны.

Манагуа — единственная столица в Латинской Америке, в которой нет президентского дворца. Был когда-то, но предыдущее землетрясение, в 30-х годах, столкнуло дворец с фундамента, и он рассыпался по склону горы. Сомоса не стал строить новый. Он отлил из монолитного цемента на вершине горы свой «бункер» — помесь казармы с тюрьмой — настоящее «вольфшанце».

Город убежал от смертельно опасного центра и стал расти по периферии вдоль шоссе. Но и новые районы столицы выглядели изувеченными. Мы непрерывно натыкались на группы людей, разбиравших баррикады, сложенные из брусчатки. Следы войны были на каждом шагу. Не встретилось ни одного промышленного или складского здания, которое не было бы сожжено или разбомблено. Попадания были везде прямые. Сомоса бомбил с вертолетов, зависавших над целью, повстанцы ничем не могли ответить. Рассказывают, что женщины вытаскивали зеркала и

солнечными зайчиками пытались слепить пилотов. По воздушным палачам стреляли карнавальными ракетами. Почти все дома изрешечены пулеметными очередями, даже те, на которых были надписи: «Пожалейте, в доме дети!»

Люди знали, что стреляли пилоты, обученные в США, из вертолетов и самолетов, созданных в США, боеприпасами с надписями «Made in USA». От этого никуда не деться.

Бедность и отсталость имели какой-то беспросветный, заматеревший оттенок. Даже сами люди походили на узников, только что освобожденных из-за колючей проволоки концлагерей. Они еще полностью не верили в то, что пришло наконец освобождение, в борьбе за которое они сами принимали участие. Недоумение и радость не сходили с лиц. Что-то ждет эту страну?..

В мою задачу входило разобраться в создавшейся ситуации, поскольку в стране не было советского посольства, установить контакты с руководителями основных политических сил, понять и определить возможное направление дальнейшего развития событий. Советская разведка имела свою агентуру среди оппозиционно настроенных по отношению к Сомосе людей, но часть из них погибла в боях гражданской войны, другие находились вдалеке от столицы, с третьими не были обговорены условия встреч в Манагуа — работа обычно велась с территории других стран, где и происходили встречи. Да и зачем нужна теперь агентура, когда приходится работать в дружественной стране? Те задачи, которые раньше решали с помощью агентуры (против США), теперь становились задачами сотрудничества по защите никарагуанской революции.

Времени у меня в обрез. Разрешение на командировку предусматривает лишь 15-дневное пребывание за рубежом. Больше нельзя — нет денег, хотя нам платят 15 долларов в сутки. Перелеты, технические потери времени на получение визы съедают ценные часы и дни. Субботы и воскресенья становятся самыми противными днями. За две недели их набирается целых четыре! А тут еще накладка: 12 октября никто в Америке не работает — все празднуют день открытия Колумбом Нового Света в 1492 году. На все про все остается семь дней. Я готов работать день и ночь, но не вернусь домой с пустыми руками!

* * *

Первую встречу я провожу с послом ГДР Герхардом Кортом. У него сложно складываются отношения со своими властями. Он

был послом в Испании, в Мехико, а теперь попал сюда. По дипломатической иерархии ступени ведут явно не вверх. Но что это за человек! Любое государство может гордиться такими дипломатами. Он прежде всего великолепный профессионал, тщательно и скрупулезно изучающий страну своего пребывания, имеющий широкие и добротные деловые связи, чутко улавливающий малейшие политические дуновения. Говорить с такими людьми — все равно что мед пить. Понимаем друг друга с полуслова, с полужеста. Все лучшее, что есть у немцев, — дисциплина мысли и слова, порядок в делах, четкость — сочеталось в нем с прекрасными качествами, встречающимися у наших земляков, — горячей страстностью, самоотверженностью. Он уже находился в Никарагуа несколько недель, а это много, если учесть, что революция победила всего лишь три месяца назад и в городе ночами еще слышна стрельба и действует комендантский час.

Груда окурков и дюжина выпитых чашек крепчайшего кофе скрепляют нашу дружбу. Я впитываю его знания, он — мои. Информация — особый товар. Когда люди обмениваются информацией, то каждый из участников становится вдвое богаче: свое остается при себе да приплюсовывается то, что сообщает тебе собеседник. Совсем иное при обычном товарном обмене, когда ты безвозвратно отдаешь свое и получаешь что-то чужое. Мы никого не обираем, мы всех обогащаем. Это вообще привилегия интеллектуального общения.

Герхард помогает мне составить список нужных источников информации и обещает содействие в организации некоторых встреч. Начинается лихорадочная работа. Каждую встречу надо тщательно подготовить, заранее составить перечень вопросов и держать их в памяти, продумать, как сделать, чтобы собеседник не задерживался на важных, но мне уже известных моментах, как управлять всем ходом беседы, чем ее закончить, чтобы встреча стала началом длительного сотрудничества.

Другим моим помощником будет кубинский посол Хулиан Лопес. Он здесь чувствует себя как рыба в воде, но, похоже, относится ко мне чуть-чуть покровительственно, как морской волк к салаге. Я не страдаю комплексами, главное — чтобы он был полезен. Через неделю он избавится от ощущения превосходства, а пока окажет мне ценную помощь.

Я провожу по три-четыре важные встречи в день: высокопоставленные деятели сандинистского движения, экономисты, юристы, писатели, журналисты, дипломаты. Стараюсь в круг своих контактов включать представителей западных стран, чтобы видение политического процесса было

стереоскопическим, а не плоскостно-левым. В разведывательной работе всегда необходимо иметь источники информации «с обеих сторон баррикады». Это общее правило, которое часто не соблюдается в силу того, что приобретение источников информации в родственных по духу и убеждениям кругах — дело более простое, нежели обзаведение источниками в кругах, воинственно враждебных по убеждениям.

* * *

Постепенно, как на фотопленке, опущенной в проявитель, в голове начинают складываться контуры реальной обстановки в стране. Очевидно, что внутриполитические позиции сандинистов прочны, их безоговорочно поддерживает большинство народа. Никакой альтернативы их власти нет. Моральный авторитет их велик не только в Латинской Америке, но и во всем мире, кроме, разумеется, США, где их победа встречена с открытым недовольством. Остатки разгромленных войск Сомосы ушли за границу, на территорию соседнего Гондураса и частично в Коста-Рику. Какое-то время они будут беспокоить новую власть, но поколебать ее они не в состоянии.

Руководители победившей революции находятся под сильным влиянием социалистических идей. Они верят в то, что общественная собственность на орудия и средства производства обеспечивает более быстрое развитие производительных сил страны. Они не собираются копировать чью-либо модель, но склоняются все-таки к социалистическому варианту развития экономики. В результате победы революции под контроль правительства сразу попало большое количество земли, предприятий, ранее принадлежавших лично семье бежавшего диктатора или приближенных к нему военных преступников. (Сомоса рассматривал всю страну как свою частную собственность.)

Прийти к такому выводу в то время было не так просто: сандинисты из тактических соображений не раскрывали все свои карты.

Самой слабой стороной революции, ее ахиллесовой пятой, оставалась экономика. Страна разрушена гражданской войной. Американцы уже начинают накидывать на ее шею привычную петлю блокады. Вся система внешней торговли, ранее ориентированной на США, приходит в расстройство. Валюты нет, казна опустошена Сомосой. Единственная надежда — на помощь

соцсодружества. Молодые сандинистские руководители еще не знают, что силы Советского Союза уже подорваны, пролетарский интернационализм практически умер, европейские соцстраны готовы вести дела только на строго коммерческой основе. Китай мог бы оказать кое-какую помощь, но у него свое непременное политическое условие — порвать дипломатические отношения с Тайванем. А сандинистам не хочется сразу начинать с подчинения каким-либо внешним давлениям, они еще не успели как следует вдохнуть свободу, сбросив с шеи американский хомут.

Еду на встречу с Даниэлем Ортегой, Байярдо Арсе, Виктором Тирадо. На улице много солдат. Мундиры самые разные, но все оливкового цвета, у одних зеленые кепи, у других малиновые береты, у третьих просто нечесаная копна густых черных волос. Пока это партизаны. Я нигде не видел солдат, идущих строем. Зато у меня не раз екало сердце, когда замечал, как бойцы без нужды вскидывали на изготовку автоматы, целясь куда-то на уровне головы. Видно было, что они мало готовы к мирной жизни. У входа в здание надпись: «Часовые не должны играть с оружием. Затворы должны обязательно стоять на предохранителе». Часовые, страшные с виду, очень любезны, дружелюбны и с большой охотой вступают в разговор. Но все-таки их многовато, тем более что все утверждают в один голос: внутренней угрозы нет.

При входе в служебные кабинеты еще одна надпись: «Товарищ! Мы потеряли 45 лет. Надо наверстать упущенное. Будь краток!» На нас как бы не распространяется содержание этой надписи: мы беседуем три часа. Снимаются последние неясные вопросы. На этом этапе можно считать задачу выполненной.

Ночью я лежу с открытыми глазами. Сон не идет. Я думаю, что эта революция родилась поздно с точки зрения социализма. В грудях у матери-кормилицы уже нет молока. Советский Союз вряд ли сможет оправдать надежды, которые еще питают в отношении него в странах «третьего мира». Снова бродит в голове мысль, что теперь судьбы революций зависят не от позиции народа, а от меры внешней поддержки или от силы иностранного нажима. Соотношение сил между СССР и США неуклонно меняется в пользу последних, особенно в экономике. Суммы, которые они выбрасывают на помощь иностранным государствам — своим союзникам, кажутся нам баснословными. А то, что наскребаем с огромными усилиями мы, представляется мелкими карманными расходами. Казалось бы, сбываются наши давние мечты, о которых мы когда-то писали Андропову, — заводить друзей среди маленьких государств, имеющих важное стратегическое значение.

Никарагуа — как раз такое государство. Население насчитывает не более 4 млн. Географическое расположение — лучше не придумаешь. Но… смогу ли убедить Андропова в том, что надо найти средства для помощи… сможет ли Андропов убедить политбюро… Засыпаю от бесконечного повторения этой мысли.

* * *

Возвращаюсь в Москву со смешанным чувством радости за победивший народ и тоскливым предчувствием ожидающих его больших горестей и лишений. Сажусь, как положено, за составление «записки» в ЦК КПСС, в которой я должен изложить свои впечатления от бесед, высказать оценки и внести предложения о наших действиях. Моя работа будет подписана членом политбюро, председателем КГБ Андроповым, что придаст ей нужный авторитет. Мнение опытного профессионала-разведчика, пусть даже с генеральскими лампасами, не имело бы никакого веса. Сами мы еще в молодости, выбирая путь разведчика, отказались напрочь от известности, честолюбие не мучает подавляющее большинство из нас. Мы знаем, что наша работа будет всегда анонимной. Это добровольно избранная судьба. Разведчик остается разведчиком, пока никому не известен как таковой, а когда раскрыт, то он уже не разведчик.

Пишу в этот раз с особым тщанием. Я не найду себе союзников даже в советских ведомствах. Министерство иностранных дел меня в упор не захочет видеть. Оно «оскорблено» моим сообщением о скандальном происшествии с советским послом, который прибыл в Никарагуа, как раз когда я там находился для подписания соглашения об открытии посольства. Со стыдом вспоминаю, как меня срочно вызвал в свою резиденцию кубинский посол. Там я увидел двух представителей высшего руководства Сандинистского фронта национального освобождения, которые были явно взволнованы необходимостью заявить официальный протест советскому представителю. Из их слов я узнал, что накануне в Манагуа из одной латиноамериканской страны прибыл аккредитованный там посол СССР, чтобы выполнить формальную процедуру установления дипломатических отношений. Встречавшие его на аэродроме высшие политические руководители и сотрудники МИД молодой республики были поражены, увидев, как посол, едва устояв на ногах на лестнице, свалился на руки ожидавших его людей. От него за версту несло спиртным, он был мертвецки пьян. Кроме

спиртного в воздухе запахло скандалом. На помощь пришла библейская «ложь во спасение». Было сказано, что послу «стало плохо в результате тяжелого полета». Он был доставлен в гостиницу, где сопровождавшие его дипломаты делали все, чтобы привести в порядок незадачливого шефа: уже вечером должен был состояться политический акт в присутствии дипломатического корпуса.

Кое-как посол добрался до театра, где проходило действо, но через полчаса пришлось покинуть ложу, чтобы не осрамиться вконец. Но уход посла из ложи — это акт политический. Даже дети знают, что он означает протест против самого мероприятия, против речей, которые там произносятся. Незадачливый дипломат рухнул в постель, и не успели подручные снять с него ботинки, как появился один из министров правительства, пожелавший узнать, в чем дело. Но чрезвычайный и полномочный был уже «бездыханен». Можно себе представить возмущение сандинистов.

Наутро они пригласили меня в дом кубинского посла, чтобы высказать все, что они надумали за ночь. Это были горькие, но справедливые речи. Они протестовали против такого поведения, объявили посла персоной нон грата на будущее, потребовали объяснений. Я никак не рассчитывал оказаться в таком положении. Дав возможность моим возмущенным хозяевам полностью выговориться, я как можно спокойнее сказал, что разделяю их оценки и чувства, однако вряд ли стоит начинать историю наших отношений с протеста и дипломатического конфликта: посол — это человек со своими слабостями, болезнями, возрастом. Его слова и действия могут быть дезавуированы. Официальная нота протеста (она лежала передо мной на столе) не нужна, потому что она не отражает реального климата наших отношений, а, наоборот, может подпортить его. Я твердо пообещал поставить в известность о происшедшем политбюро, но предпочел бы сделать это устно. Ноту мне неудобно принимать, ибо я не имел никакого официального статуса, а посольство еще не было открыто. Я говорил и говорил, чтобы дать времени возможность остудить страсти.

Наконец, по разгладившимся лицам мне стало ясно, что лед растоплен. Я прервал фонтан красноречия. Конфликт перешел в эндшпиль и, к величайшему душевному облегчению, рассосался тут же за столом.

Шифровка об этом ушла Андропову с пометкой «лично». Он показал ее Громыко тоже «лично», но об этом вскоре знало пол-МИДа. Никарагуа стала для них страной нон грата.

С какой глубокой благодарностью я вспоминаю советских

послов, которые принимали на себя тяжелые удары протестов в связи с провалами наших разведчиков! Нередко им приходилось выслушивать требования о немедленной отправке домой наших незадачливых коллег, помогать организовывать их отъезд. Я и сейчас мысленно отвешиваю им глубокий земной поклон. Они прикрывали наши ошибки и неуклюжие иной раз провалы, понимая, что разведка ведет постоянную войну, в которой есть и свои потери, и ошибки, ведущие к неудачам. Я побывал в их положении только один раз, тогда в Никарагуа, когда выводил из-под удара нашего посла…

* * *

Я пишу и пишу «записку» в ЦК КПСС. На военных рассчитывать не могу. Они слишком разбросали свои усилия по белу свету. Вряд ли они решатся на серьезную работу в Центральной Америке. Память о Карибском кризисе будет травмировать их. Да и что они могут сделать? Защитить сандинистскую революцию от американского вторжения? СССР никак не может этого сделать, разве что пригрозив всеобщей ракетно-ядерной войной, а на такое был способен только Никита Хрущев. Помочь создать современную мобильную, небольшую по численности, но сильную по огневой мощи армию в Никарагуа мы тоже не можем. Мы умеем воспроизводить только то, что имеем у себя дома. Никаких творческих вариантов у нас не разрабатывается. У нас есть избыток танков и ствольной артиллерии. Мы предложим их к поставке, хотя они там не нужны. Бронетанковые войска, незаменимые на степных просторах России, на равнинах Европы, выглядят нелепыми в горах, на сплошном бездорожье, в тропических джунглях. Мы кое-как сумели создать войска, предназначенные для классической войны с внешним противником, но здесь нужно было создавать войска для борьбы с полувоенными, нерегулярными формированиями, которые одни называют бандитскими, другие — партизанскими. Для такой войны нужны вертолеты, подвижные средства радиоразведки, легкая колесная бронетехника, защитные легкие пуленепробиваемые жилеты, средства минной войны. Но как раз этого у нас нет. Мы никогда не воевали с партизанами. Умеем сами партизанить. Лучиться у западников, веками воевавших в колониях против повстанцев, мы не хотим.

Наши военные придут на помощь сандинистам. Но придут неохотно, как бы по инерции, с типовыми проектами решений,

которые уже доказали свою неэффективность в других странах.

Я заканчиваю работу над «запиской», отправляю ее в секретариат КГБ, потом узнаю, что она подписана и ушла в Политбюро. Идут месяцы, медленно поворачивается колесо бюрократической машины. Все, что связано с Никарагуа, делается, мне кажется, особенно неспешно. Капля за каплей выжимается из опустевших грудей помощь. Никарагуа надо 500 тыс. т нефти в год. Больше не требуется, такова перегонная мощность единственного на всю страну завода. Наша добыча еще равна 600 млн. т в год. Речь идет об 1/1200 части нашей добычи, то есть менее чем о 0,1 %. Но и эта ноша невыносимо тяжела для наших паралитических ног. Газеты пишут, что мы в десятки раз больше оставляем нефти на дне цистерн после их небрежной, неполной разгрузки, но исправить ничего не можем.

Начинаются затяжные сложные «консультации» с европейскими соцстранами, каждую поодиночке мы уговариваем поступиться небольшой частью своей ежегодной квоты импорта нефти из СССР. Если ГДР получает в год 20 млн. т, то мы просим, чтобы она не добирала 60–70 тыс. и как бы пожертвовала их в пользу Никарагуа. Никто не желает добровольно отказываться от своей доли, переговоры идут сложно. Градусник интернационалистских настроений показывает, что каждая страна имеет свою собственную температуру. Мне они представляются выстроенными в следующем порядке: ГДР, лучше других откликавшаяся на совместные акции в мире, затем Болгария, потом Чехословакия, и уже в рядах замыкающих идут Польша и Венгрия. О Румынии вопрос давно не возникает, отношения с ней настолько сложные, что, по-моему, все старания наших руководителей сводятся к тому, чтобы ни в СССР, ни в Румынии народы не узнали о том, что на самом деле происходит в наших отношениях. В Бухаресте нет представительства КГБ, контакты между нашими ведомствами прерваны давно, и никакого сотрудничества не ведется.

Кончаются хлопоты с нефтью (кое-как удается наскрести требуемое количество), начинаются новые — с продовольствием, товарами ширпотреба. И повсюду непреодолимой стеной встают наши нехватки материального производства. Я стараюсь во всех своих встречах-беседах быть крайне сдержанным: никаких иллюзий, никаких, даже самых туманных, обещаний, — однако это мало помогает. Слишком распространено, пустило глубокие корни убеждение о неисчерпаемости ресурсов Советского Союза. Бравурные съездовские речи, реклама несуществующих успехов служат нам плохую службу за рубежом. Каждому человеку невозможно объяснить, что мы живем в королевстве кривых

зеркал, что между словом и делом у нас большая дистанция. Левонастроенным политическим руководителям за рубежом кажется, что мы недопонимаем наших собственных выгод, когда отказываемся оказать им поддержку. Иногда приходится резать правду-матку, чтобы просто не терять времени попусту на взаимные попреки.

* * *

Мне не верится, что американские аналитики-советологи настолько неглубоки, что выдают своему правительству, президенту США противоположные моим заключения. Непонятно, почему пресса США заливается лаем в адрес маленькой Никарагуа, почему все шаги Белого дома носят откровенно агрессивный характер. Откуда берутся явно провокационные схемы воздушных рейдов советских бомбардировщиков, стартующих с никарагуанских аэродромов с грузом бомб, предназначенных для американских городов? Почему ЦРУ начинает создавать базы для ведения торпедно-минной войны против редких советских и иных торговых судов, которые будут направляться в никарагуанские порты? Американцы должны знать, что СССР не собирается ни создавать базы в Никарагуа, ни пользоваться какими-либо имеющимися. Нет решительно ни одного элемента, который бы свидетельствовал о таких намерениях. Я убеждаюсь еще и еще раз, что военно-политическое руководство США заинтересовано в укреплении американского преобладания в регионе, а не в установлении истины и адекватной реакции на нее.

Временами, однако, у нас возникает сомнение, а так ли уж правы американские эксперты и аналитики, когда они оценивают внешнеполитические ситуации. Разве мы не были свидетелями их грубых просчетов в Индокитае, откуда США пришлось уходить с крупными потерями в престиже и крови американцев? Разве не мы удивлялись зимой 1978/79 года поразительной слепоте американских профессионалов и политиков, упорно поддерживавших иранского шаха, трон которого трещал под напором народного восстания? Ведь у американцев в Иране были тысячи глаз и ушей, под их контролем находились спецслужбы, армия, они должны были знать все и тем не менее действовали вопреки очевидной истине. В анналах истории останется вульгарная ошибка в оценке кубинской революции 1956–1958 годов, когда американцы решили, что речь идет о тривиальной

борьбе за власть, не увидели в ней ни национально-освободительного, ни социального сердечника и позволили себе снисходительно-пренебрежительное отношение к руководителям Повстанческой армии. А ляпсус с вторжением на Плайя-Хирон? Список этот можно продолжать сколь угодно долго. Оглядываясь теперь на путь, оставшийся позади, могу сказать, что американцы, конечно, были сильнее во всем, что связано с материально-технической подготовкой, с организационной работой. Они последовательнее и методичнее в достижении поставленной цели. Но что касается точности и адекватности политических оценок, выбора более подходящего инструмента для более тонкого вмешательства в ситуацию, то в этом, мне кажется, советские профессионалы недавнего прошлого превосходили своих коллег на той стороне Атлантики.

Вспоминается, что, когда во второй половине 70-х годов, во времена президентства Картера, над ЦРУ разразилась гроза в связи с разоблачениями его участия в подготовке и проведении террористической деятельности, в превышении полномочий, проводилась и проверка информационно-аналитической работы в ЦРУ, инспекцию осуществляла комиссия конгресса. Главный вывод, к которому пришли контролеры, состоял в том, что ЦРУ располагает избытком информации и не следует выделять больше средств на приобретение новых ее источников, а самым слабым местом являются анализ собранной информации и выработка правильных рекомендаций. Документ комиссии конгресса был нашим настольным справочным материалом, по которому мы сверяли соотношение возможностей разведок США и СССР. Мы, пожалуй, чаще ощущали нехватку конкретной, фактической информации, но не испытывали трудностей в проведении объективного научного анализа. Точность прогнозов была достаточно высокой, она превышала 90 %. Другое дело, что оценки и прогнозы зачастую оказывались невостребованным интеллектуальным запасом.

* * *

Иной раз, когда вдруг выдавалась пауза в работе и было хорошее настроение, кто-нибудь из сотрудников шутя предлагал направить нашим коллегам из ЦРУ вызов посоревноваться в точности анализа и прогноза конкретной международной ситуации. Мы были уверены, что выиграем такой конкурс и самый объективный судья — время, как рефери на ринге,

поднимет нашу правую руку.

США продолжали через усилители убеждать мир и самих себя в том, что в Никарагуа создается континентальная угроза для существования Соединенных Штатов, а мы получили письмо из Министерства внутренних дел Никарагуа, в котором говорилось, что в стране нет самых элементарных условий для жизнедеятельности. Наши коллеги просили прислать канцелярские принадлежности, незатейливый спортивный инвентарь, мыло, туалетную бумагу и т. п. Поскольку не было надежды на помощь по линии государственной, коллектив обращался к коллективу за товарищеской поддержкой. Нельзя было оставаться глухими, мы собрали, что могли, из наших ресурсов и отправили груз самого мирного, бытового назначения.

Прошли годы, много воды утекло, и Никарагуа нашла свой путь в будущее, вероятно, что этот путь может оказаться самым обещающим. Хорошо, что ее не касается больше черное крыло конфронтации Запада с Востоком. Еще лучше, если она не сойдет с тропы укрепления национального согласия в главном — защите своей свободы и создании условий для процветания народа. Но сандинисты сделали неоценимо важную работу: они разорвали и уничтожили смирительную рубашку — марионеточную диктатуру Сомосы. За это им вечно будет благодарен никарагуанский народ.

Горькие думы аналитиков

Когда заканчивалась очередная зарубежная поездка, я возвращался к своим обязанностям начальника информационно-аналитического управления. Меня радостно встречали коллеги по работе. Теперь с них снимался груз ответственности, и они чувствовали себя раскрепощенными и счастливыми. Кстати, начальнические должности в прежнем аппарате разведки практически не давали никаких материальных преимуществ, разница в зарплате с заместителями составляла всего 20–30 рублей, а психологические нагрузки, затраты времени возрастали на порядок, а то и больше. Удовлетворялось в основном честолюбие. Начальник управления — это почти стопроцентный шанс получить генеральское звание и с ним очередную прибавку к жалованью — 30–40 рублей. Денежный приварок крошечный, незаметный, зато «лампасы» компенсировали все издержки. Если человек не терял трезвого, нормального восприятия жизни, то он относился ко всем «начальникам» с сочувствием, а не с завистью. Слишком многого они лишались в этой земной юдоли, и скудной была компенсация. Я себя считаю безгранично счастливым человеком, потому что в работе меня постоянно окружали люди высокой пробы. Надо мной было всего два начальника: председатель КГБ Андропов и начальник разведки Крючков. Первого я не раз упоминал, но не грех сказать еще, что он был глубоко уважаемым старшим товарищем, мудрым, честным, демократичным. Мы чувствовали, что он критически, как и мы, относился к тогдашней действительности, искренне переживал за судьбы страны.

Владимир Александрович Крючков под стать ему, он прошел с Андроповым весь путь от совместной работы в советском посольстве в Венгрии в 1956 году до самой кончины Юрия Владимировича в 1984-м. В школе он наверняка был отличником, потому что по собранности, работоспособности, немецкой организованности я не знал в разведке человека, равного ему. В дождь, стужу, зной, у себя дома или в командировке за тридевять земель Крючков в свой час выходил на утреннюю зарядку, что бы ни творилось на белом свете. По субботам он не любил заниматься текущими делами, он быстро-быстро читал кучи журналов, информационных бюллетеней, научных разработок и делал в них пометки красным карандашом. Всю неделю потом машинистка печатала карточки с выбранными абзацами, и они пополняли огромную личную картотеку, которая систематизирована самим хозяином. Когда ему предстояли

встречи или ответственные поездки, он просматривал или брал с собой нужные разделы, и его собеседники удивлялись аргументированности суждений и эрудированности начальника разведки.

Память у него отменная, и он сердился на забывчивость своих подчиненных. Рационализм и жесткая логика выкрасили всю его жизнь в один серо-стальной цвет. В редкие минуты, когда трескалась корка официальных отношений, он, вспоминая наиболее яркие сцены своего детства, рассказывал, как однажды школьником шел по улице в родном Волгограде в слякотную осеннюю пору и увидел, как рабочие укладывали в траншею трубы. Дело у них не клеилось, трубы выскальзывали, ложились не так, как надо. Он постоял, посмотрел и потом сказал, что надо делать иначе, рассказал, как именно. Удивленные работяги ругнулись на себя, похвалили пацана за сообразительность, и работа пошла на лад.

Работа на военном заводе, освобожденный комсомольский деятель в тяжелые послевоенные годы, нелегко полученное юридическое образование, работа в суде, прокуратуре, Высшая дипломатическая школа и, наконец, встреча с Андроповым в Венгрии. По своей методичности и упорству Крючков никак не похож на русского человека, скорее он сродни немцам Поволжья. Из трех слушателей ВДШ, которые изучали венгерский язык, не капитулировал только один Крючков. Он до конца активной работы читал венгерские газеты.

В 50 лет Крючков возглавил разведку, при нем было закончено строительство комплекса зданий — одного из лучших в Москве по своей функциональности. Он привнес политическую осмысленность в работу разведки, ничем не ограничивал профессиональную выдумку и изобретательность. Конечно, он был в большой степени политическим роботом. Каждодневный труд с 9 до 21 часа в бешеном ритме, рваном темпе, с массой отрицательных эмоций. Невозможность иметь друзей, чтобы не плодились интриги, да и откуда их взять: весь мир поделен на руководство и подчиненных. Вся радость его — театр. В кабинете начальника разведки в «Ясенево» стояли на самом видном месте переплетенные тома с театральными и концертными программами за многие годы. Он любит и знает театр. Это тоже роднит его с Андроповым, только тот читал пьесы дома чаще, чем видел их на сцене.

Крючков чуточку суеверен. Когда-то ему привезли из Бразилии, из бассейна Амазонки, голову водяного, вырезанную из дерева. Там, в сельве, такие идолы крепятся на носу лодки и отгоняют от нее все злое и нечистое. Люди верят, что если такой

болван с ощеренными зубами и вытаращенными глазами будет стоять в доме, то никто не посмеет и пальцем тронуть хозяина. Этот страшенный, хотя и добрый дух стоял на полке его кабинета и скалился на всех входящих, изгоняя из них недобрые намерения. Не знаю, взял ли он его с собой в 1988 году в новый кабинет на Лубянке, когда был назначен председателем КГБ. Во всяком случае, мне его не приходилось видеть больше на сторожевом посту. Не уберег он и своего хозяина к концу службы.

У Крючкова были и недостатки. Он нередко ошибался в выборе кадров, что быстро замечалось в коллективе разведки. Обладая прекрасной памятью, он подолгу не мог забыть и зла, причиненного ему. Это зло мучило его и толкало на ошибочные поступки. Но, как бы то ни было, Крючков дольше и лучше своих предшественников руководил разведкой, оставаясь верным и убежденным слугой своего дела. У меня никогда не было оснований сомневаться в его патриотизме.

Его участие в событиях августа 1991 года — это вопрос, на который ответит история. Люди, в мантиях или без, будут предвзяты и необъективны хотя бы потому, что они принадлежат только нашему времени.

* * *

Волна теплой благодарности неизменно окатывает мое сердце при воспоминании о моих друзьях-подчиненных. Жалею, что невозможно назвать всех. Но о своих заместителях умолчать было бы грешно, мы с ними делили все тяготы и скупые радости. Каждое утро начиналось со сбора в моем кабинете, где просматривалась вся ночная доза поступившей информации, происходил короткий обмен мнениями и ставились текущие задачи. Каждый из заместителей ведал определенным регионом мира. Ответственность за Западную Европу нес Владимир Михайлович Хренов. Мы его звали «твердым искровцем», он был эталоном принципиальности, честности и порядочности. Его оперативная карьера сломалась рано из-за провала оперативного «контакта» в Париже, и он стал, пожалуй, первым среди нас профессиональным аналитиком. Щепетильная требовательность к выверенности фактов, непримиримость, иной раз в воинственной форме, к бракоделам, ажурная, филигранная работа над документами не могли не вызывать восхищения. Если под деловой бумагой стояла виза или подпись Владимира Михайловича, можно было не сомневаться, что в ней все сделано

как надо. Он был всего на пять месяцев старше меня, но я всегда звал его уважительно, по-де_ ревенски — Михалыч. Он закончил свой жизненный путь генералом, начальником информационно-аналитического управления, не дожив нескольких месяцев до развала Советского Союза, не испытав, к счастью, горечи, которая неизменно возникает, когда человек видит уничтоженными все плоды своей общественной жизни.

За сотрудничество с коллегами из стран Варшавского пакта отвечал Александр Б., приехавший искать судьбу из маленького железнодорожного поселка Пьянково в Западной Сибири. Большеголовый паренек в деревенской толстовке стал студентом МГИМО. За годы учебы он овладел несколькими иностранными языками. Работал переводчиком на всех уровнях, был на оперативной работе и успел стать ветераном аналитического управления, где проработал в общей сложности свыше 15 лет. Для многих неудобен, потому что прямо высказывает свое мнение, мысли формулирует резко, всегда настроен подвергнуть любую идею, всякий документ критическому обстрелу. Незаменим при дискуссиях, мыслит неординарно, высвечивает события в неожиданных для других логических связях. В 1981 году сопровождал Андропова и Устинова, которые проводили встречу с польским руководством в спецпоезде на железнодорожных путях Бреста. В разговоре с ними Б. слишком критически высказался о некоторых методах работы политбюро ЦК ПОРП и удостоился такой ремарки со стороны Андропова: «Не учите нас управлять государством. Мы с Дмитрием Федоровичем кое-что в этом понимаем». Замещал меня во время моих отлучек. Потом стал начальником управления, но пробыл в этом кресле всего шесть месяцев, потому что был назначен начальником секретариата КГБ. В отставку ушел генералом совсем недавно и работает теперь на гражданской ниве.

Китай и вообще Восток оставались загадкой для всех нас, получивших академическую подготовку и работавших в странах христианской цивилизации. Это особый мир. Ему надо отдать всю жизнь без остатка, если хочешь научиться понимать его. Поэтому среди заместителей начальника управления всегда были профессиональные китаеведы. Одним из них был Ким Александрович Мартынов — синолог Божьей милостью, дважды побывавший в длительных командировках в Пекине. Он знал, как близких родственников, всех китайских руководителей до третьего колена, спросонья мог дать любому исчерпывающую характеристику. Долгая практика работы по Китаю сделала его, по нашим наблюдениям, похожим на китайца. Даже глаза стали чуть раскосыми. Но такого трудолюбия, самоотверженной

дисциплины, тщательности в проработке деталей я еще не встречал. Жаль, что трудная семейная жизнь подорвала его здоровье и он преждевременно скончался. После смерти выяснилось, что он писал прекрасные стихи.

Его участок возглавил Владимир Александрович Королев — прекрасный специалист, умелый организатор. Он мало в чем уступал своему предшественнику и имел свои неоспоримые преимущества: весельчак, острослов, автор едких эпиграмм, пародий, он был душой общества. Его отношение к людям было проникнуто дружелюбием, душевной мягкостью. Есть такое понятие — «профессиональная деградация», когда круг интересов сужается до пятачка чисто служебных забот. Врачу-психиатру начинает казаться, что весь мир состоит из душевнобольных, начальник отделения милиции видит в каждом правонарушителя и т. д. Ходили слухи, что Генри Киссинджера жена бросила только за то, что он говорил с ней без конца о международных делах. Для нас В. Королев был надежным лекарством против такой деградации. А как китаевед он оставался высшим авторитетом для всего корпуса офицеров. Он также стал генералом, когда перешел в штабное управление в качестве заместителя его начальника.

* * *

Руководство управления жило как одна семья. Ежедневно в 16 часов мы все собирались на короткий чай в комнате отдыха, смежной с кабинетом начальника управления. За полчаса успевали обсудить организационные вопросы, среди которых кадровые дела занимали большое место.

Раз в месяц устраивались дни здоровья, обычно по субботам. Выходили на лыжную прогулку (летом плавали в бассейне), кроме одного, остававшегося дежурить по управлению. Катались за границами территории нашего комплекса, и никто не догадывался, что катят по лыжне носители всех информационных секретов советской разведки, да и не только разведки. Вдоволь накатавшись, мы шли в маленькую баньку-сауну, парились до изнеможения, пили зеленый чай и, просветленные, возвращались к обеду по домам.

Тесная дружба помогала нам всем вместе переживать и служебные неприятности, и семейные неурядицы, у кого они были, и трудности с воспитанием подраставших детей, и даже физические недуги, когда они цеплялись к нам. Сами мы

окрестили свой стихийно сложившийся коллектив «наш балет», наверное, за его слаженность, гармоничность. Через «наш балет» прошло много других товарищей, но они пробыли в нем не столь продолжительное время, как его основной костяк. Из «балета» вышли начальник разведки Л. В. Шебаршин, два заместителя — В. И. Гургенов и я, один посол Советского Союза, два руководителя крупного советского информационного агентства и т. д. Никакое другое подразделение разведки не дало таких кадров, заслуга нашего управления состояла в том, что люди получали очень широкую информацию, через документацию видели всю внешнеполитическую палитру интересов СССР, приобщались к поискам решений проблем. Кроме того, у нас царила атмосфера свободного, творческого обсуждения всех проблем, терпимости ко всем точкам зрения, критичности к нетрадиционным подходам и взглядам.

Очень часто наши разговоры шли вокруг национального вопроса в Советском Союзе. Мы не могли не знать, что наши тогдашние политические противники, то есть США и их союзники по НАТО, уделяли национальной проблеме в СССР огромное внимание, видя в ней генетическую слабость, которая может взорвать в определенных условиях могучее геополитическое образование, называвшееся Советским Союзом. Радиостанция «Свобода» вещала на всех языках народов, входивших в состав СССР, и бросалось в глаза, что содержание радиопередач на каждом языке носило характер узконаправленного националистического луча, рассчитанного на возбуждение национализма именно этого народа. Доминантой был подогрев антирусских чувств, но одновременно сеялись и семена национальной розни вообще.

Мы дискутировали, чей путь формирования единой исторической демографической общности вернее: американский, где вся нация формируется из других народов при условии отказа от своей прежней государственной и этнической принадлежности, или советский, где был взят курс на создание автономных или союзных формирований в виде республик. Почему американцы, захватив в 1847 году 2/3 территории Мексики с мексиканским населением, не создали там федеративное государство, а просто порезали эту территорию на штаты: Калифорния, Аризона, Нью-Мексико, Техас — и присоединили к себе на общих для всех правах? Почему, победив в гражданской войне, северяне не пошли на создание какого-либо подобия негритянской республики на Юге США?

Ответ приходил сам собой: в Соединенных Штатах с самого начала формирования государства победила тенденция на

создание унитарного государства, единого «котла», в котором все многоязычное эмигрантское разнотравье будет вываривaться также в единую нацию. Роль штатов — всего лишь облегчить административное управление обширной страной и учесть некоторые региональные особенности. Но с самого начала они лишены права на выход из состава США. Творцам американского государства было наплевать на национальные чувства тех, кто по доброй воле или силой включался в состав страны. Они были обязаны чувствовать себя гражданами своей новой родины, интересы которой ставились, разумеется, превыше всего. Национальные привязанности и чувства можно выражать в любой форме, которая не затрагивает государственных интересов США. Пожалуйста, пусть ирландцы маршируют в день святого Патрика по авеню и стритам Нью-Йорка, но завтра они вновь забудут, что они ирландцы, до следующего праздника. На вопрос «Ваша национальность?» любой житель США ответит: «Я — американец».

Декларировавшаяся в СССР политика решения национального вопроса выглядела привлекательной, она принималась большинством населения и давала свои, безусловно, положительные результаты. Разве можно было возражать против провозглашенного принципа постепенного выравнивания социально-экономических условий развития республик, против юридического и фактического равенства граждан всех национальностей, против развития и взаимообогащения всех национальных культур? Россия помогала строить промышленные предприятия, электростанции, дороги, русские ехали в бывшие национальные окраины в качестве рабочих, инженерно-технических специалистов, строителей, оставались там на постоянное житье. В их статусе не было ничего от колонизаторов: ни земель, ни привилегий, никакой отчужденности от местного населения. Подавляющую часть русского населения в национальных республиках составляли именно промышленные рабочие и инженерно-техническая интеллигенция.

Россия, со своей стороны, приняла немало выходцев из бывших национальных окраин. Правда, надо заметить, что людей физического труда среди них было крайне мало. В основном они пополняли ряды чиновничества, работников искусства, искавших более широкое поле деятельности для самоутверждения, людей науки, стремившихся в Россию, располагавшую лучшей базой для исследовательской работы. Много представителей закавказских народов и выходцев из Средней Азии работало в сфере торговли. Некоторые бывшие республики имели гипертрофированное представительство в госаппарате СССР, несопоставимое с

демографическим или промышленным потенциалом их народа. Не этим республикам обвинять нас в империализме, а впору нам представить счет за невероятные страдания, выпавшие на нашу долю по злой воле этих властолюбцев. Но народы не виноваты, мы вместе с ними страдали и испили чашу горестей до дна.

Мы радовались вкладу корифеев национальной интеллигенции в общий культурно-просветительский фонд Союза ССР. Для нас имена А. Хачатуряна, академика Орбели, певицы З. Долухановой, писателя Чингиза Айтматова и тысяч других звучали как имена советских деятелей искусства и культуры. В государстве возник новый морально-психологический климат в отношениях между национальностями, в подавляющем большинстве случаев мы действительно чувствовали себя братьями не только на словах, но и на деле.

В разведке работали представители 40 национальностей, причем без какого-либо ограничения в отношении допуска к секретным делам. В нашем информационно-аналитическом управлении работал и единственный в разведке еврей Самуил Мейерович Квастель, прекрасный специалист, полковник, кандидат наук. И мы гордились тем, что он работает именно у нас.

Когда начались кровавые события в Нагорном Карабахе, вспоминается, что в одной резидентуре на Американском континенте работали азербайджанец и армянин. Я специально интересовался, как отразилось на их настроениях положение в Карабахе. Меня заверили, что разведчики дают правильную оценку событиям как результату происков политиканов, получающих политические дивиденды на крови и страданиях народа. Продолжают работать дружно, плечом к плечу.

* * *

В тогдашнем Советском Союзе были, пожалуй, три народа — литовцы, латыши и эстонцы, которые довольно откровенно стремились к отделению от СССР, к размежеванию с русскими. Общий стандарт их гражданского, социально-экономического развития, духовной и бытовой культуры был выше среднего общесоюзного. Надо было или находить особый характер взаимоотношений с ними, как, например, с Финляндией до 1917 года, или договариваться о «цивилизованном разводе». Все же остальные народы, я подчеркиваю — народы, не тяготились своим пребыванием в составе Советского Союза, извлекали из

своей принадлежности к нему немалые выгоды. Великий исторический эксперимент совсем не обещал кончиться провалом, если бы не обстановка в верхушечных кругах.

Мы в разведке раньше других узнали о будущем «деле Рашидова». Нам стало известно, что внезапно по распоряжению председателя КГБ Андропова направили на работу в Чехословакию крупного руководителя КГБ Узбекистана. Вскоре выяснилось, что он представил Андропову обширную докладную о невероятных безобразиях и правонарушениях, творившихся в республике с ведома и под прикрытием авторитета Рашидова. Самого документа мы не видели, но информация о нем разошлась широко. Андропов, понимавший опасность безоглядного развязывания конфликта с партийно-государственной кликой в любой республике, не решился поставить вопрос на публичное обсуждение.

Скандальные ситуации возникали и раньше в результате своеволия и бесконтрольного поведения региональных царьков. Были так называемые дела Багирова в Азербайджане, Шелеста на Украине и др.

Недаром, когда Андропов был избран генеральным секретарем, на одном из партийных пленумов он сказал, что национальный вопрос в тех формах, в которых он был унаследован от царской России, решен в СССР, но за это время появились новые проблемы национального характера, которыми должна заняться партия. Он имел в виду именно изменившееся положение партийно-государственных национальных верхов, которые быстро коррумпировались, превращались в мафиозные структуры, с них на глазах слезала идеологическая краска.

Проработать и осуществить комплекс мер по оздоровлению всего аппарата партии Андропов не успел. А Горбачев своими поспешными, неумелыми действиями по дисциплинированию национальных компартий только вызвал их настороженность и желание освободиться от опеки центра. Так созревал, а потом выплыл на поверхность сепаратизм вождей, сепаратизм правящих кланов.

Распад Советского Союза не был следствием национальных народных восстаний, наоборот, народы в ходе референдума в марте 1991 года однозначно высказались за сохранение единого союзного государства. Но Союз не был нужен политическим кликам, и они, пользуясь усталостью, безразличием народа, прикончили его ударом перьев в глухом охотничьем домике в Беловежской Пуще. Так же как в свое время Золотая Орда распалась на улусы под влиянием слабости центральной власти и господства местных ханов, по такой же схеме развалился и

бывший могучий Советский Союз. Он разломился по нарисованным искусственным границам, вопреки воле и интересам сотен миллионов населяющих его людей.

* * *

Как разведчики мы чувствовали постепенное формирование вокруг имени и образа Советского Союза негативного психологического поля, создававшего крайне неблагоприятную обстановку для работы разведки за рубежом. Наши политические противники, не жалея средств на пропаганду, из года в год усиливали кампанию по дискредитации Советского Союза. Однажды к нам попало высказывание бывшего президента США Р. Никсона о том, что гораздо выгоднее вложить доллар в пропаганду, чем 10 долл. в создание новых видов вооружения. Он мотивировал свое предложение тем, что оружие никогда не будет применено, а пропаганда работает ежечасно, ежедневно. Сейчас уже не помню, было ли это высказывание публичным или пришло от «источников» из его окружения. В любом случае он был прав. Американская пропаганда наносила нам серьезнейший урон.

Вокруг советских посольств постепенно сложилась обстановка отчуждения, в каждом русском подозревали шпиона, мы стали терять контакты с широкими слоями общественности. Между тем, после Второй мировой войны и героической борьбы советского народа против фашизма наш престиж поднялся необыкновенно высоко. Разумные люди реально оценивали вклад каждого государства в победу антигитлеровской коалиции, они справедливо видели в СССР главного спасителя человечества от гитлеровской чумы. Наступил своего рода звездный час разведки.

После войны, когда Черчилль в Фултоне объявил о начале «холодной войны» против СССР, симпатии к нам если и уменьшились количественно, то качественно окрепли. Симпатизирующие нам люди искренне хотели помочь уберечь нашу независимость, гарантировать безопасность. Несколько десятилетий противнику не удавалось изолировать советские представительства и разведку за рубежом, но с началом 60-х годов процесс этот стал набирать силу.

Вот записи из дневника от 4 декабря 1981 года: «Нам стали отказывать в кредитах, подозревают, что мы неплатежеспособны… Депозиты в твердой валюте, принадлежащие СССР в иностранных банках, сократились в этом году с 8,6 до 3,6 млрд. долл. Это значит, что мы проедаем

последние деньги, своего рода залог под порядочность и честность. Экспортировать решительно нечего. Золото резко упало в цене, продавать его сейчас — значит разоряться. Стабильный источник валютных доходов — только нефть. Нам предстоят крупные закупки продовольствия на Западе, там еще об этом не знают. Наличных денег нет, значит, понадобятся крупные коммерческие кредиты. Но сейчас в кредит дают под 18–20 %! Чистый разбой…»

Андропов. Последняя надежда

Приход к власти Андропова был воспринят всей нашей страной с облегчением. Непосредственно для разведки и Комитета госбезопасности наступили светлые дни. Дело в том, что за полгода до смерти Брежнева, когда Андропов ушел на работу в ЦК, на место председателя КГБ был назначен В. В. Федорчук, прежде занимавший пост председателя КГБ Украины. Эти месяцы стали настоящим испытанием разведки на выживаемость. Федорчук был воплощением солдафонского духа. Ничего не смысля в международных делах и не желая разбираться в них (ни разу не собрал специалистов и не попросил доклада ни по одному вопросу), он буквально терроризировал Первое главное управление. Его любимым был вопрос о сроках прохождения шифротелеграмм разведки с момента дешифровки до доклада председателю КГБ. Если он узнавал, что телеграмма была «в работе» более 8—10 часов, то устраивал разнос по всем правилам чиновничьего мордоворота. Мы получали вот такие указания: «Т. Крючкову В. А. т. Андрееву Н. Н. (нач. управления шифросвязи). Тов. Федорчук В. В. просил отобрать письменные объяснения от всех причастных к задержке прохождения на доклад ш/т №…» или «Прошу провести расследование и доложить о причинах несвоевременного доклада ш/т №… Федорчук. 29.6.82».

Я писал обстоятельные объяснения, что, мол, телеграммы были полны сомнительных, непроверенных фактов, что они пришли в полночь, когда на работе не было экспертов, детально знающих проблему, что вообще в них не содержалось фактов, требующих принятия срочных мер, а излагалась текущая оценочная информация. Но это еще больше ярило председателя КГБ. Он слал новую резолюцию: «Т. Крючкову В. А. Объяснение явно неудовлетворительное и неубедительное… Прошу исполнить мое указание по существу. Федорчук. 30.6.82». Сама категория экспертов вызывала нарекания. От меня требовалось доложить, «кто такие эксперты, почему в них имеется необходимость, может быть, их совместить с круглосуточной дежурной службой и пр.».

Подобная переписка выматывала душу, и я обратился к начальнику разведки Крючкову с просьбой освободить меня от руководства информационно-аналитическим управлением. Владимир Александрович, читавший деловые бумаги, не поднимая головы, хитро сверкнул на меня глазами из-под очков и сказал: «Ладно, Леонов, потерпи, все уладится!» Мне показалось,

что он заранее знал о недолгой карьере новоявленного председателя КГБ СССР.

18 декабря 1982 года Федорчук был переведен на работу в Министерство внутренних дел СССР. Для нас это был настоящий праздник! В народе шутили: «Слышали, в КГБ случилось ЧП?» — «Да ну, что такое?» — «Федорчука забрали в милицию!» Новым председателем стал В. М. Чебриков, которого мы прежде всего знали как спокойного, уравновешенного, здравомыслящего человека.

* * *

Летом 1983 года мне представилась возможность поехать в Афганистан, где уже четвертый год шла война. Я должен был сопровождать начальника разведки Крючкова, который довольно часто бывал там и лучше других знал обстановку в стране. Появился шанс на месте ознакомиться с самым крупным и сложным в то время международным конфликтом. Возможности для получения информации ожидались прекрасные: предстояли встречи с нашим военным командованием, с членами и руководителями афганского правительства, послом СССР, старшим партийным советником, председателем КГБ. Предусматривалась поездка в «горячие точки» на периферии. Куда уж лучше! Можно просидеть в стране год-полтора, не вылезая из одного гарнизона, и будешь видеть всю войну сквозь амбразуру отведенного дота или дзота. А тут оказия познакомиться с главными действующими лицами, по крайней мере с одной стороны баррикады, выслушать их точки зрения, поглядеть своими глазами на поле боя. Кроме того, при представительстве КГБ в Кабуле работала небольшая группа сотрудников информационно-аналитического управления, в задачу которых входили обработка и отправка в Москву основного массива информации. Я рассчитывал на помощь и своих коллег, которых в дилетантизме упрекнуть не мог.

Мне не довелось сколь-нибудь систематизированно изучать Восток и его проблемы, не выпадали мне и долговременные командировки в эти края, и я чувствовал какую-то ущербность оттого, что постоянно приходилось полагаться на своих помощников. И вот такая оказия!

Вылетели мы 20 июня 1983 года из Внуково на спецсамолете «Ту-134», принадлежавшем Комитету госбезопасности. В салоне рядом с Крючковым я увидел посла СССР в Кабуле Табеева и

руководителя всего сонма партийных советников в Афганистане В. Г. Ломоносова, которые возвращались с пленума ЦК, рекомендовавшего Ю. В. Андропова на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Сверху Афганистан мрачен и неприветлив. Голые бурые горы, кое-где со снежными шапками. Лишь на дне узеньких долин, вырезанных горными ручьями, гнездятся затерянные кишлаки. Глинобитные домики цепляются за крутые склоны, а каждый метр земли заботливо ухожен и малахитом зеленеет со дна горных расщелин. Пассажиры чуть напряженны, ведь у моджахедов уже имеются ракеты «земля — воздух» и крупнокалиберные пулеметы. Но пилоты держатся выше зоны их досягаемости.

В салоне идет неспешный разговор об обстановке — разговор начистоту, без причесывания информации, что делается иногда при отправке ее начальству. Ломоносов рассказывает о военной трагедии, разыгравшейся всего месяц назад, в 20-х числах мая, в провинции Пактия, куда в походном порядке двинулась 38-я бригада афганской армии с целью взять под контроль восемь уездных центров провинции и оставить там так называемые «оргядра», то есть назначенных руководителей местной власти, партийных боссов и командиров «царандоя» — прообраза полиции, вооруженной для ведения боевых действий.

Бригада имела при штабе советского полковника, который двигался в ее походных порядках. Несмотря на то что место пользовалось дурной славой и дважды на этой дороге уже отмечались нападения душманов на колонны армейских машин, командование бригады и советник не приняли самых элементарных мер предосторожности. Без боевого охранения, без предварительной разведки, без прикрытия с воздуха узкая колонна втянулась в длинное горное ущелье уже на исходе дня и внезапно была атакована противником, засевшим на склонах гор. Повторилась трагедия, известная по литературе со времен Неистового Роланда, который со своим христианским воинством был полностью уничтожен маврами в Ронсевальском ущелье. Прошли века и века, а люди все повторяют одни и те же примитивные ошибки. Бригада оказалась не в позиции бойца, а в безнадежном положении расстреливаемого. У солдат было только два выхода: либо умереть на дороге, либо бежать куда глаза глядят. Командование бригады вместе с незадачливым полковником-советником погибло, бригада прекратила существование. Только часть головы колонны, которая успела к началу атаки уже выйти из горного дефиле, добралась до места назначения. Она и принесла горькую весть о разгроме бригады.

* * *

Я жадно впитывал каждое слово, оно ведь было сказано человеком, который лично получил информацию от очевидцев этой катастрофы. Я не помнил, чтобы об этом был проинформирован центр, такие вещи от него тщательно скрывались. В этом мне приходилось убеждаться на каждом шагу моего недолгого пребывания на афганской земле. Вспомнились старые присказки Никиты Хрущева на охоте в Завидове в мае 1963 года, когда он, зло подтрунивая над маршалами, говаривал: «Вдохновеннее, чем рыбаки и охотники, врут только военные». Конечно, нельзя относить это ко всем, кто носит военный мундир. Абсолютное большинство офицеров честно и мужественно во всех обстоятельствах несет свой нелегкий крест. Свой интернациональный долг они выполняли самоотверженно и готовы были отдать жизнь (а многие ее и отдали), но не изменить присяге. Скрывали, врали, искажали правду те, кто строил на войне свою карьеру, кто политиканствовал, а иной раз и просто наживался.

Припомнилась история в ГДР, где однажды речной пассажирский пароходик напоролся на чистом по карте фарватере на какое-то препятствие, пробил свое днище и затонул. Погибли люди. При обследовании места происшествия выяснилось, что на дне реки стоял танк, затонувший при попытке форсировать речную преграду во время учений. Танк был советский, но все усилия установить принадлежность танка к конкретной части оказались безуспешными. Командиры дружно рапортовали, что у них в полном составе вся боевая техника.

Сколько лет шведы громко кричали о нарушениях их территориальных вод советскими подводными лодками! В отдельных случаях дело доходило даже до сбрасывания глубинных бомб на неопознанные подводные корабли. А мы со слов военных отвергали по дипломатическим каналам всякое подозрение в наш адрес, и пресса получала задание позубоскалить над страхами и подозрительностью северных соседей. Пока… не произошло неизбежное: одна из наших субмарин забралась глубоко в прибрежные шхеры и села на мель у самых берегов Швеции. Расследование высветило главные причины — головотяпство и непрофессионализм, скрываемые ложью.

Нам были известны случаи, когда наши военные «упускали» крылатые ракеты, улетавшие даже за рубежи родной страны, но и в этом случае главные заботы направлялись на то, чтобы скрыть происшедшее.

Я люблю нашу армию, горжусь славной военной историей России, верю, что армия очистится от всех, кто позорит военный мундир, и станет одним из катализаторов и гарантов возрождения России. Моя критика относится только к тем, для кого навсегда утеряны понятия чести, порядочности, считавшиеся в русской армии обязательными для офицеров и генералов.

В Афганистане сокрытие правды высшими чинами армейского руководства было распространенным явлением. Мы и в центре, десятки раз обсуждая афганскую войну, не могли понять, каким же образом совместить доклады военных о потерях «бандитов» с реальной численностью формирований моджахедов. По отчетам военных, десятки тысяч участников этих формирований ежегодно погибали в военных операциях, а численность противостоявших нам группировок и отрядов практически не уменьшалась и оставалась, по данным разведки, примерно на одном и том же уровне — 120–150 тыс. человек по всей стране. Оказалось, что использовалась своеобразная система подсчета потерь противника, основанная на расходе собственных боеприпасов. Скажем, сброшено столько-то тонн бомб, выпущено столько-то снарядов, мин, израсходовано энное количество стрелковых боеприпасов — значит, должно быть убито и ранено такое-то количество «супостатов». Просто и «эффективно». Жаль только, что совсем порочно.

По словам наших офицеров-аналитиков, работавших в Кабуле, вся исходная информация о военном положении была порочной изначально. В их распоряжении были доклады военной контрразведки (подчинявшейся КГБ), армейского командования и командования армии Афганистана. Разница в цифрах была в 10–12 раз. «Липа» цвела и благоухала.

Свои потери, чтобы не портить репутацию, раскладывали на месяцы и кварталы, создавая впечатление интенсивности боевых действий и связанной с этим регулярности потерь. Мне рассказывали, что были случаи отправки крупных колонн автомашин с гражданскими и военными грузами без должного военного сопровождения и мер прикрытия. Колонны становились легкой добычей моджахедов, гибли почти целиком. Потери составляли сотни машин, но эти цифры аккуратно раскладывались на длительный период.

Нам давно было известно, что в Москве так и не был решен вопрос, кто же будет главным представителем советского руководства в самом Афганистане, кто будет своего рода военно-политическим руководителем всей кампании. Вопрос не был решен потому, что и в самой Москве никто не знал, кто же несет основную ответственность за афганскую войну. Существовала

комиссия ЦК по Афганистану, в которую входили Громыко, Андропов, Устинов и др. Это был типичный по тем временам «коллективный орган безответственности», носивший, по сути дела, консультативный характер, при генеральном секретаре. А практическое каждодневное руководство осуществляли министры по своим линиям, не спрашивая коллег и часто не советуясь с ними. Этим ловко пользовались афганцы, находившие себе покровителей среди ведомственных начальников. Скажем, в течение всех лет войны представители Комитета государственной безопасности ориентировались преимущественно на группировку «Парчам» Народно-демократической партии Афганистана. Эту группировку возглавлял Бабрак Кармаль, стоявший во главе партии и государства. В то же время представители Министерства обороны неизменно симпатизировали «халькистам», потому что подавляющее большинство военного командования афганской армии принадлежало именно к этой группировке.

Роль посла Советского Союза была достаточно принижена, что, по-видимому, устраивало МИД СССР и А. А. Громыко, не желавшего глубоко погружаться в афганскую пучину. Партийные советники отбывали в Афганистане что-то вроде штрафного срока. Они командировались, как правило, на один год под предлогом выборности своих должностей в СССР. Из этого года они старались пару месяцев пробыть в отпуске дома. Когда потом при поездке по стране пришлось присутствовать на докладах партсоветников при провинциальных комитетах НДПА, то неизменно оставалось удручающее впечатление от пустословия, желания втереть очки и полного отсутствия понимания обстановки и перспектив своих действий.

При такой организационной неразберихе не было ничего удивительного, что не существовало и никакого стратегического плана действий в Афганистане. В течение всех лет не прекращалась дискуссия, что должна делать 40-я армия: охранять коммуникации, крупные города, военные объекты либо активно участвовать в боевых операциях против бандформирований, следует ли держаться крупными соединениями или частями в гарнизонах либо принять участие в организации эффективной оккупации всех сколь-нибудь значительных населенных пунктов страны, чтобы лишить повстанцев реальной опоры среди местного населения.

* * *

Мы не могли ответить убедительно и на такой вопрос: почему СССР, неся все возможные политические издержки в связи с военной интервенцией, ограничился вводом всего стотысячного войска, которого было явно недостаточно для решения военных проблем? Ведь было известно, что американцы во время вьетнамской войны ввели туда армию, насчитывавшую до 500 тыс. человек, а театр боевых действий во Вьетнаме был значительно меньше и компактнее, чем в Афганистане. Неужели наша вечная неуверенность и нерешительность руководили нами и здесь, на поле боя? Так или иначе, но личные наблюдения и многочисленные встречи и беседы приводили неизбежно только к одному выводу: такими силами и такой организацией выиграть войну нельзя, просто невозможно. Вся страна отдана противнику, который бесконтрольно набирает и обучает свои боевые отряды, беспрепятственно ходит в Пакистан, где расположена постоянная база снабжения, переподготовки, отдыха и лечения, возвращается и по своему усмотрению определяет время и место нанесения удара.

Даже из греческих мифов известно, что Антей был непобедим до тех пор, пока его не оторвали от земли-матери. Но Геракл нашел средство для победы: подняв Антея в воздух и не давая прикоснуться к земле, задушил его. А Израиль и США постоянно декларировали свое право на преследование тех диверсионно-террористических групп, которые после нанесения ударов скрывались на территории других стран. Израиль постоянно вторгался в Ливан, якобы преследуя террористов, громил опорные пункты палестинцев далеко за пределами своих государственных рубежей.

Соединенные Штаты еще в 1915 году дали пример такой политики преследования, когда направили на территорию Мексики корпус под командованием генерала Першинга для поисков и поимки знаменитого партизана Панчо Вильи, который незадолго до того совершил нападение на пограничный город Колумбус. По такой же схеме Соединенные Штаты вторгались в Камбоджу в ходе вьетнамской войны для преследования «вьетконговцев».

Почему же союзники — Советский Союз и Афганистан — пассивно дожидались, когда с пакистанских баз придут еще более многочисленные, лучше вооруженные, обученные военные контингенты и начнут склонять чашу военных весов на свою сторону? Ведь ничего другого ожидать просто не приходилось. Любая оборона в военном деле может быть только начальной стадией стратегической идеи кампании, но не конечным и исчерпывающим ее компонентом. Даже сейчас, когда слышу

монотонно повторяющиеся слова об оборонительном характере наших доктрин, я все-таки думаю, что это означает наш отказ от первого удара, отказ от войны как средства решения политических или иных вопросов, но не отказ от наказания возможного агрессора, где бы он ни находился после неизбежной оборонительной фазы войны. Хороши были бы мы, если бы во время Великой Отечественной войны, преследуя гитлеровские армии, остановились на рубежах своих государственных границ, ссылаясь на оборонительную сущность нашей доктрины.

Если уж решились на участие в военных действиях в Афганистане, если испили до дна чашу моральных и политических унижений со стороны мирового сообщества, то надо было саму войну нацеливать на победу, ориентировать на это афганскую армию…

* * *

Проводим встречи с премьер-министром Афганистана Кештмандом, министром по делам племен Лаеком, начальником службы безопасности Наджибуллой. Крючков в течение пяти часов беседует с Б. Кармалем, потом следуют встречи с руководством ЦК НДПА и т. д. Общий осадок остается тяжелым: афганское правительство не видит ясных путей преодоления кризиса, плохо представляет себе реальную ситуацию в стране. Слишком много общих политических оценок. Кештманд, например, всю беседу подчинил двум тезисам: развитие экономики страны невозможно без помощи Советского Союза, а какая-либо осмысленная народнохозяйственная деятельность может начаться только после наведения порядка. Это звучало как полное оправдание своей бездеятельности. Кстати, за два часа, что длилась беседа, на его рабочем столе только один раз зазвонил телефон. Вот как представлял себе Кештманд политическую обстановку в Афганистане (я делал краткую запись его высказываний по ходу беседы, которую и воспроизвожу): «Положение улучшается, мятежники понимают, что свергнуть власть и победить они не могут. Это понимают США, Иран, Пакистан и Китай, но все еще стараются портить нам жизнь.

Партия набирает силу. Сеть парторганизаций создана по всей стране. Оргядра созданы во всех уездах. Создаются общественные организации, крепнет Национальный отечественный фронт. Просвещенная часть населения приветствует советские войска и просит оставить их… Народ устал от мятежников и их злодеяний.

Население понимает суть событий, хотя на него и давит пропаганда противника. Мы работаем над рекомендациями советского руководства о привлечении на нашу сторону народа…» Такой разговор, конечно, ничего не давал полезного, кроме одного — ясного представления о качестве афганского руководства.

Беседа с Наджибуллой носила более предметный характер. Его 14-тысячная служба безопасности лучше знала, что творится в стране. Он говорит, что главный очаг бандитского движения находится в центре страны (36 % боев), затем по интенсивности следуют Север (29 %), Восток (14 %) и, наконец, Юг (12 %) и Запад (8 %). Центр и Север — это как раз основные места дислокации советских войск и коммуникаций, связывающих Афганистан с СССР. Каждый месяц происходит около 200 боевых столкновений разной интенсивности. Когда Наджибулла начинает рассказывать о своей службе, он не удерживается от описания воображаемых успехов, в которые нельзя поверить. В частности, утверждает, что СГИ (официально служба безопасности называется Служба государственной информации) имеет 1300 агентов в бандах, 1226 — за кордоном, 714 — в подпольных контрреволюционных организациях, 28 — в государственных органах управления сопредельных стран (в Пакистане)… Тут уж я откладываю ручку и перестаю записывать явную чушь. Если бы СГИ действительно имела такое количество агентуры, то с банддвижением было бы давно покончено. Ценность настоящего агента мы знаем; даже если цифры, названные Наджибуллой, сократить на порядок, то и тогда они выглядели бы неправдоподобными.

Лаек, министр по делам племен и национальностей, честно признает, что «работать с племенами, и в первую очередь с пуштунами, ни мы, ни вы не умеем, хотя судьба революции зависит именно от того, с кем окажутся в конечном счете эти племена. Александр Македонский воевал с ними три года, пытаясь пробиться в Среднюю Азию во время похода в Индию, Чингисхан застрял здесь и вынужден был повернуть обратно на север, англичане так и не смогли прорваться из Индии в Среднюю Азию через зону племен, хотя они лучше всего их изучили и завели там свою агентуру. Русские совсем не знают племен и, как следствие, совершают тяжкие ошибки. Зачем была предпринята бесполезная и опасная затея с организацией призыва молодежи из пуштунских племен в армию? Пуштуны никогда не пойдут служить в регулярную армию, но они могли бы выставить свои собственные вооруженные отряды, если бы правительство нашло понимание у племенных авторитетов. Почти под угрозой

применения оружия было призвано всего 36 человек, которые получили автоматы, а через несколько дней бежали.

В племенах есть традиции, которые надо использовать. Всегда центральная власть подкармливала часть племенной верхушки, выплачивая наличными значительные суммы. Пакистан практически содержал во время войны до 40 тыс. человек из числа авторитетов племен на территории Афганистана». По оценкам Лаека, Кабулу следовало бы привлечь на свою сторону не менее 5 тыс. племенных лидеров, выделив для этого средства.

«Для завоевания племен нужны не танки, а товары первой необходимости. Вместо 1 кг пороха надо дать 1 кг пшеницы. Племена не могут жить без традиционных восточных базаров, а в настоящее время все базары оказались по ту сторону границы с Пакистаном. Нужны свои базары. Где будет экономическая выгода, туда и потянется племенной люд».

Заканчивает разговор Лаек на общей политической ноте: кабульское руководство сидит в кабинетах. Не хотят работать с населением, потому что не умеют. Военные меры закрывают двери для политических шагов по нормализации. Племена можно склонить на нашу сторону, но переломить их через колено не удастся никому. «Шашки в ножны!» — его последние слова.

Сомнений нет, Лаек глубоко прав, он страдает от безрезультативности своей работы, в его словах не чувствовалось фальши.

Встречи в ЦК НДПА с секретарями ЦК Нуром и Зераем оказались потерянным временем. Они настолько слепо копируют незрячую работу нашего партаппарата, что ждать результатов не приходится. С сухим треском сыпались цифры о классовом и национальном составе партии, о численности парторганизаций по провинциям, по министерствам и ведомствам, о партучебе. Потом шло перечисление «трудностей и недостатков». Ни одного живого слова о живой жизни.

Зерай, который отвечал за единство в партии, оценил свою работу так: «Единство стало прочнее, сейчас разногласия возникают только по кадровым вопросам». Какое уж тут единство, если «Хальк» и «Парчам» продолжали вести непримиримую междоусобную борьбу за власть, выдвигая и продвигая каждый своих людей в партийные и государственные структуры. Они были поглощены этой борьбой до самого последнего момента, когда власть вообще ускользнула из их рук.

* * *

После других таких же встреч понимаем, что лучше побывать на местах, увидеть своими глазами. Летим самолетом в Мазари-Шариф, центр северной части Афганистана, наиболее развитой в промышленном отношении и сельскохозяйственной житницы страны. Внизу тот же лунный, мрачный, вагнеровский пейзаж. Жизнь лепится вдоль жилок речек, забираясь в горы по распадкам, как по капиллярам. Поля обрабатываются и на высоте, прямо у кромки снегов. Суровая жизнь в полной изоляции от мира может рождать только людей, неспособных ходить под седлом, людей-мустангов.

Садимся в аэропорту Мазари-Шарифа. Пока выходим из самолета, нам рассказывают, что месяц назад этот аэропорт ночью был захвачен душманами. Они тихо сняли спавших часовых, собрали автоматы у отдыхавших царандоевцев (милиционеров), затем их разбудили и, очумевших, погнали в горы. Были захвачены два БТРа и два танка, охранявших здание аэропорта, причем сопротивление оказал экипаж только одного танка. Техника была направлена в горы. Лишь в пять часов утра, когда на работу пришли гражданские служащие аэропорта, поднялась тревога. Еще через три часа у подножья гор обнаружили брошенную технику.

Слушали этот рассказ, и на языке вертелось колкое замечание, что такие «подвиги» могут свидетельствовать только о сочетании двух элементов: наличия душманов в среде самих царандоевцев и запредельной небрежности и расхлябанности при несении караульной службы. Но даже в кругах советских работников они воспринимались как доказательство всемогущества душманов.

Встречи и беседы с афганскими руководителями и нашими советниками высветили все ту же типичную картину. Инициатива повсеместно у противника. Он выбирает время и место для ударов. Афганская армия, наши части и царандой либо сидят в гарнизонах, либо сопровождают транспортные колонны, либо несут охрану предприятий, учреждений, жилых массивов. Оргядра сидят в осаде. Исламские комитеты правят как местная власть. Никаких следов партийной работы, кроме протоколов мероприятий, нет.

Выступавшие на совещаниях Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и Крючков придерживались единой линии: надо перекладывать основную тяжесть боевых действий на самих афганцев, это их война, и им самим следует учиться бороться за власть. Мы можем оказать поддержку, но не больше. Энергично призывали своих работников не принимать участия в межпартийных склоках…

Лицом к лицу со спецслужбами США

После возвращения из Афганистана я несколько дней приходил в себя на служебной даче, где в то время жил: тогда у меня вообще не было квартиры. Здесь же я с наслаждением вечерами занимался крестьянским трудом, выращивая собственными руками все овощи и ягоды, которых хватало на целый год. «Удивительно могучей, — продолжал я свои записи, — притягательной силой обладает земля. На участке казенной дачи я уже третью весну горбачусь, как нанятый батрак. Даже независимо от моей воли процесс посева, ухода за огородом и сбора урожая захватывает до глубины души. С каким-то наслаждением кормлю землю — распаханную лопатой сотку глинозема — удобрениями, чешу ее спину мотыгой и граблями, радуюсь ее нежным зеленым росткам-деткам. Я получаю несказанное облегчение от одной возможности погладить землю. От нее исходит сила, доброта и бесконечная щедрость. Человек без земли — сирота без матери, в его воспитании останется не восполнимая ничем пустота, никогда ему не узнать, что такое точка опоры — вечная и непоколебимая».

Служебные дачки, на одной из которых я провел почти десять лет своей жизни, были расположены рядом с рабочими зданиями разведки. За пять минут можно было попасть из постели за стол рабочего кабинета. Между домиками и службой имелась закрытая телефонная связь, так что человек находился как бы на работе все 24 часа в сутки. Стараниями Крючкова комплекс зданий ПГУ был оснащен всеми видами жизнеобеспечения, не хватало, как мы иной раз шутили, только часовенки да служебного кладбища. Сам начальник разведки также безвыездно жил в этом крошечном поселке из двух десятков строений и скудные часы отдыха проводил, как многие, в уходе за посевами. Даже охранники-прапорщики с удивлением говорили: «Зачем же надо добиваться высокого положения, чтобы вернуться к тому, с чего начинают: собирать колорадских жуков с картофельных посадок, разносить подкормку по грядам, рыхлить землю?» Такова жизнь.

Все первородное становится со временем роскошью. Простая крестьянская пища превращается в модные аристократические блюда; прялки, серпы, иконы, цепы становятся любимым украшением интерьеров самых изысканных богемных домов. Нас тянет к «ретро», к старому укладу жизни от неосознанной тоски по утерянному нормальному человеческому ритму бытия.

* * *

Как только приходилось возвращаться в рабочий кабинет, проблемы липкими вампирами набрасывались на тебя и норовили превратить жизнь в тягостный кошмар. 26 сентября 1983 года я довольно неожиданно для себя получил новое назначение: стал заместителем начальника разведки. Мне было поручено руководить оперативной работой в Западном полушарии. После 11-летнего сидения в кресле начальника информационно-аналитического управления такое назначение выглядит, прямо скажем, нестандартным. Я во многом успел оторваться от технологии чисто оперативной работы, мое время и заботы были постоянно ориентированы на оценочную и аналитическую деятельность. Мне казалось, что я овладел в достаточной мере своей профессией и еще раз круто менять курс жизни в 55 лет рискованно. Но сработал уже упоминавшийся принцип: «Ничего не просить, ни от чего не отказываться». Я знал, что меня ждут очень большие трудности, связанные с работой по Соединенным Штатам Америки, но опять-таки успокаивал себя, приговаривая: «Если не я, то кто? Если не сейчас, то когда?» Мое отношение к США было известно. Глубокое уважение к их техническим и организационным достижениям, к их богатству не мешало мне видеть в них противника не только нашего социального строя, но и великого Российского государства.

Примиряло с новым уровнем ответственности твердое знание того, что на американском участке, на направлении «главного противника» работали самые хорошие кадры. Во всяком случае, еще на стадии предварительного отбора слушателей в разведывательный институт, носивший имя покойного Андропова, наиболее толковым предлагали изучать английский язык и США. Потом, когда слушатели уже заканчивали курс подготовки, руководители разведки могли еще раз «перелопатить» весь контингент и снова отобрать для работы по США тех выпускников, которые показали наибольшие успехи за годы учебы. Непосредственно работу по США вел первый отдел Первого главного управления. Одной нумерацией уже подчеркивалось значение этого подразделения. На работу туда зачислялись элитные кадры. Если работник первого отдела по каким-то причинам проштрафился или не состоялся как разведчик, то его без хлопот удавалось устроить на работу в другие оперативные отделы, а вот обратное движение по таким же причинам исключалось напрочь. Для прохождения службы в американском отделе приглашались время от времени наиболее толковые, хорошо зарекомендовавшие себя в других регионах

разведчики. В армии такое подразделение непременно носило бы звание гвардейского.

Во главе отдела стоял опытный американист генерал-майор Дмитрий Иванович Якушкин, потомок древнего дворянского рода, представители которого числились среди активных деятелей декабристского движения. Он много лет работал в США, хорошо знал эту страну, связанных с ней специалистов в СССР. Одним словом, это был профессионал, работать с которым было интересно и приятно.

* * *

Первым делом мы — Якушкин и я — решили провести своего рода инвентаризацию всего нашего оперативного хозяйства, навести в нем чистоту и порядок. Надлежало критически посмотреть на наши собственные кадры, оценить уровень отдачи каждого сотрудника. Мы оба были достаточно хорошо осведомлены о попытках противника завербовать наших работников, склонить их к измене Родине, внедрить в сеть наших агентов свои «подставы». К этому времени американцы вели контрразведывательную работу против советских граждан и учреждений широким фронтом, не жалея ни сил, ни средств. Они выявляли уязвимые места в мировоззрении людей, в их личных качествах, трудные семейные ситуации — все, что могло оказаться полезным для вербовки.

Для этой работы они задействовали большие технические возможности. Например, в Нью-Йорке в долгие годы работы в представительстве при ООН Якова Малика мы решили построить свое собственное жилое здание, чтобы советским командированным жить было и удобнее, и дешевле. Малик долго искал подрядчика, пока наконец не нашел некоего Н. И. Резника, калифорнийского еврея, по упрощенной, удешевленной схеме выстроившего дом, на качество которого мне жаловались все жильцы в течение всех последующих лет. Но я заговорил об этом доме потому, что в нем американские «строители» установили громадное количество подслушивающей аппаратуры. Почитай, в каждой квартире был установлен «жучок», с помощью которого американцы денно и нощно прослушивали и записывали на пленки все семейные разговоры, какими бы они ни были. Дом охранялся после его заселения нашими дежурными, поэтому ясно, что «жучки» были установлены в ходе строительства и, наверное, не без ведома и участия генерального подрядчика.

Приходилось априори исходить из того, что все квартиры, которые советские сотрудники снимали в городе, тоже были оборудованы подслушивающей аппаратурой. В десятках автомашин в разное время приезжавшие из Москвы специалисты обнаруживали радиодатчики, способные фиксировать местоположение транспорта в любой момент, или миниатюрные радиопередающие устройства, обеспечивавшие противнику возможность слушать разговоры в салоне. Уберечься от этой «начинки» было практически невозможно, потому что все автомашины хранились в гаражах, доступных для спецслужб США, или ремонтировались в мастерских, подконтрольных тем же ФБР или ЦРУ. Обнаруженную технику мы либо пачками изымали и направляли в центр для изучения, либо оставляли на месте, делая вид, что мы ее не нашли, но разговоры, которые вели в таких автомашинах, были специально разработаны, чтобы противник получил выгодную нам дезинформацию.

Подслушивающую технику, которая изымалась в служебных помещениях наших представительств, неоднократно предъявляли представителям американской и аккредитованной в США иностранной прессы. Скандал выходил звучный, но очень непродолжительный. В демократических Соединенных Штатах никакое средство массовой информации не хочет ссориться со своими спецслужбами и подносит палец к губам по первому же сигналу с их стороны. Так и получается, что демонстрация свободы печати уютно сожительствует с трусливо поджатым хвостом в длинные промежутки между коротким тявканьем. Но уж когда на зуб той же прессы попадали темы, связанные с русскими подслушивающими устройствами, то тут вороний галдеж продолжался бесконечно долгими годами, хотя ничего материального, в виде изъятых приспособлений, американцы предъявить не могли. Так, например, было с новым зданием американского посольства в Москве.

Нет спору, в войне разведок и контрразведок не руководствуются особо деликатными правилами, но справедливости ради надо сказать, что американские спецслужбы были заражены настоящей паранойей подслушивания всего и вся, и тут нам тягаться с ними невозможно просто потому, что у них больше денег.

Подслушивание, вернее, его результаты не являются самоцелью. Они дают серьезный материал для оценки личности, ее жизненных установок, психологических особенностей. Подслушивать имеет смысл только тогда, когда планируется переход к вербовке интересующего спецслужбу человека. Путем подслушивания контрразведка пыталась выявить разведчиков из

среды советских сотрудников. Во многих семьях внутренняя дисциплина и элементарная собранность были не на высоте, а во время праздничных застолий бдительность вообще покидала компанию. На каждого советского сотрудника заводилось свое досье, где накапливалась вся собранная на него информация. Когда эти данные подходили к так называемому критическому уровню, то есть давали основание для определенного вывода, что такой человек способен пойти на сотрудничество с американскими спецслужбами, тогда на сцене появлялся вербовщик со своим предложением об измене Родине. Конечно, такие резкие слова никогда не употреблялись. Говорили обычно комплименты, использовались психологические поглаживания, а потом разговор переходил к просьбе или об оказании несложных услуг, или о взаимовыгодной сделке. Но обязательно просьба формулировалась так, чтобы «у птички коготок увяз». А дальше все было делом техники.

* * *

Хотя резидентуры КГБ и отвечали за безопасность советских граждан и совзагранучреждений, но, честно говоря, достаточных сил и возможностей для организации надежной защиты их от проникновения спецслужб на территории США у нас не было. В период идеологического охлаждения общества, когда жизненные установки чиновничества явно сместились в пользу чисто материальных факторов, уязвимость советских людей стала очень высокой. Начали учащаться предательства. В их основе в подавляющем большинстве лежали не мотивы идеологического характера, а самые заземленные причины, которые в просторечье зовутся шкурными. Желание во что бы то ни стало продлить командировку, чтобы получать валютную зарплату, жить красиво, делало из людей трусов и потом даже подонков. Стоило вербовщикам намекнуть на то, что они предадут гласности какие-то компрометирующие материалы, как воля попавшего на крючок чиновника надламывалась. А сколько соблазнов окружало в обществе потребления хилого духом соотечественника! То в компании, «под газом», подставят разбитную молодицу (в Америке во всем свобода!), а потом сочинят невероятную историю, от которой волосы встанут дыбом, вроде того, что-де молодица-то, оказывается, связана с террористами или торговцами наркотиками. Обомлеет российский простачок и готов на все, лишь бы замять дело и продолжать жить, как до

этого страшного вроде бы сна. Бывало, что кто-то из забывших стыд соотечественников пытался вынести из магазина неоплаченную вещь. Его легко разоблачали и, помучив изрядно, предлагали забыть конфликт за «маленькую услугу».

Если ты был под хмельком и совершил автомобильную аварию (возможно, не случайную, а подстроенную), тебе могли предложить опять пойти на мировую все за ту же «крохотную услугу». Во всех случаях они эксплуатировали страх нашего сотрудника перед возможным откомандированием домой.

Всем известным мне случаям предательств всегда сопутствовал фактор угрозы высылки из США и конца профессиональной карьеры. Для подкрепления своих вербовочных аргументов американцы часто использовали деньги.

У меня нет никакого снисхождения к предателям. Во все времена и у всех народов они считались общественными отбросами и подонками. Потеря чести и собственного достоинства — свидетельство распада личности.

К стыду приходится признать, что таких случаев бывало много. Только в разведке я знал более полудюжины предательств.

Так и вырисовалась первая задача: уберечь кадровый состав резидентур в США от проникновения в него агентуры противника путем вербовки кого-нибудь из разведчиков, спасти агентурную сеть и доверительные связи, составлявшие нашу главную ценность.

Посоветовались с Д. И. Якушкиным и решили пригласить на должность заместителя начальника первого отдела кого- либо из опытных работников управления внешней контрразведки, тех самых, кто обобщал и анализировал факты, связанные с вербовочной работой ЦРУ против советских граждан по всему миру. Такой работник нам был нужен, чтобы всесторонне просчитать и сделать менее уязвимыми наши оперативные действия. Выбор пал на Виталия Юрченко, который в ту пору был начальником одного из ведущих отделов в управлении внешней контрразведки. Откуда мы могли знать, что этот человек доставит нам массу неприятностей и уйдет впоследствии в тень, так и не ответив на десятки вопросов? Но это будет потом, а пока мы знали, что Юрченко — в прошлом боевой офицер-подводник, затем сотрудник военной контрразведки, перешедший в Первое главное управление. Все аттестации у него были безупречными. Считалось, что вообще сотрудники управления внешней контрразведки, которым по должности вменялось в обязанность следить за нашей верноподданностью, стояли на порядок выше всех остальных в смысле преданности делу партии и народа. Лишь тихий голос, некоторая вялость движений, молчаливость и

размытая мимика лица выдавали натуру скрытную и настороженную. Но ведь таким и положено быть контрразведчикам!

Каким-то шестым чувством, приходящим с опытом, мы решили не вводить его в дела, связанные с Соединенными Штатами, поручили ему курировать кое-что из «хозяйства» по Канаде и некоторые внутриотдельские вопросы, не связанные с агентурой и доверительными контактами. А для того чтобы окончательно убедиться в компетентности В. Юрченко, решили проконтролировать его на операциях, которые велись в различных местах Европы. Предложили ему поехать в командировку за границу провести на месте встречу с одним человеком, которого мы подозревали в том, что он является «подставой» ЦРУ, а потом вместе провести анализ всего дела.

* * *

Первая же такая операция окончилась в Италии драматически. 1 августа 1985 года В. Юрченко исчез в Риме, после того как провел запланированные встречи, доложил телеграфом в центр, что все завершилось благополучно и он готовится к вылету домой. Тертые калачи в разведке знают, что люди просто так не исчезают. Два-три дня итальянская полиция искала Юрченко во всех закоулках Рима, после чего доложила, что нет никаких следов возможных действий преступного мира. Советским гражданам, случайно встретившимся ему при последнем выходе из виллы советского посольства, он сказал — одному, что идет по магазинам купить подарки в Москву, а другому бросил, что направляется в Ватиканский музей. В обоих случаях он отказался от автомашины и компании. Это было дурным признаком.

Когда я докладывал Крючкову об обстоятельствах исчезновения Юрченко, мне не пришло в голову искать какие-то оправдательные варианты. Я твердо заявил, что, по-моему, речь идет о предательстве и из этого следует исходить при планировании экстренных мер по локализации провала. Вся ответственность за направление Юрченко в командировку лежала, разумеется, на мне, и я ломал голову, как же могло случиться такое со «сверхпроверенным, супернадежным» работником. Как человека я его еще не успел узнать достаточно глубоко, он проработал в отделе всего несколько месяцев, даже традиционные характеристики для поездки за рубеж

составлялись по месту прежней работы, то есть в управлении внешней контрразведки. Формально вроде бы и ответ мне держать пришлось бы в большой компании, но радости это не доставляло. Где же была допущена ошибка? Юрченко не был падок на деньги, не уважал «зеленого змия» из-за болезни желудка, его не мучило честолюбие. За несколько дней до отъезда в фатальную командировку он снял со своего скромного сберегательного счета большую часть денег, чтобы расплатиться за строительные работы на своем садово-огородном участке. Зубной врач, которая лечила нас обоих, сказала, что Юрченко не был храброго десятка и каждый раз дрожал при виде бормашины.

Версии возникали и роились сами собой. Первое предположение: он был давнишним агентом ЦРУ, завербованным в конце 70-х годов, когда работал офицером безопасности в советском посольстве в Вашингтоне. Основаниями для этого могли послужить следующие два факта. Первый: Юрченко действительно передал в ФБР переброшенную через посольский забор пачку секретных документов, на основании которых был арестован и осужден один из бывших сотрудников спецслужб США, намеревавшийся вроде бы вступить с нами в секретное сотрудничество. Второй: когда В. Юрченко, закончив командировку, в 1980 году возвращался в Москву, то провожать его приехал представитель ФБР с букетом цветов. Мало до смешного! Версия отбрасывалась.

Версия вторая: он «переродился» за время работы в центральном аппарате в Москве и, переходя на работу в американский отдел, искал только случая, чтобы выехать за границу и перекинуться на сторону противника. Пришлось отбросить и эту версию, потому что при смене участков работы он не мог предполагать, что поедет за рубеж. Эта инициатива целиком и полностью шла сверху. Кроме того, не было обнаружено никаких следов какой-либо предварительной подготовки Юрченко к дезертирству.

Оставались варианты, связанные с сугубо личными мотивами вроде здоровья, женщин и т. д. Было хорошо известно, что американцы использовали повышенную мнительность некоторых советских граждан по поводу состояния своего здоровья и тянулись к душе такого человека через обещания оказать квалифицированную медицинскую помощь. Конечно, пришлось и проработать классическую французскую рекомендацию «шерше ля фам». Следы этого фатального фактора в жизни многих мужчин были обнаружены и здесь, но его подлинную роль мы оценить не смогли. По-моему, никому не дано «научно обоснованно» разобраться в сложнейших отношениях,

складывающихся между мужчиной и женщиной, и сколь-нибудь объективно судить о них. Мировая литература и искусство дали нам бесчисленное количество примеров непредсказуемости этих отношений. Фрейд только приоткрыл дверь в эту тайную комнату человеческой психики.

* * *

Мы ломали головы до самого того дня, когда вдруг получили шифротелеграмму о том, что В. Юрченко звонил в Вашингтоне по телефону в наше посольство и обещал быть через пару часов там собственной персоной. Можно себе представить нетерпение работников центра: впервые в истории предательств человек возвращался с «того света». Как только он переступил порог посольства и начал свои рассказы о применении в отношении него спецпрепаратов, в Вашингтон было дано указание взять у него кровь и мочу на анализ, провести первичный медосмотр, сохранить имевшиеся у него в кармане таблетки, которыми его пичкали в течение трех месяцев в «застенках» ЦРУ и ФБР. Потом последовали широко освещавшиеся прессой интервью Юрченко представителям иностранной печати в Вашингтоне и по приезде в СССР в Москве. Повторялась одна и та же версия якобы насильственного похищения его на территории Ватикана, тайного вывоза в США, насильственного содержания на одной из секретных вилл, кормления психотропными средствами с целью вытягивания информации, а затем следовали побег от сопровождавшего охранника и честный приезд в Москву.

Американцы были в шоке от решения Юрченко вернуться в СССР. В своих публикациях, а в этом их «щедрость» превзошла наши ожидания, они рассказали обо всех выданных Виталием секретах, смаковали его визиты в Ленгли к самому шефу ЦРУ Уильяму Кейси. Им очень хотелось скомпрометировать в наших глазах Юрченко, подтолкнуть нас на жесткие судебные меры в отношении него, чтобы тем самым ослабить возможную притягательную силу примера Юрченко для других перебежчиков, не очень уютно чувствовавших себя под сенью американского гостеприимства. По установившейся шаблонной привычке американцы резко, на несколько порядков, преувеличивали значение полученной от Юрченко информации. Рональд Кесслер, считающийся информированным летописцем истории разведок, пишет, что «его (В. Юрченко. — Н.Л.) информация была бесценной», что он раскрыл в общей сложности

12 агентов, что Первое главное управление сотрясла якобы серия скандальных провалов, разоблачений, побегов и пр. Оставим все это на совести Кесслера. Он даже не обратил внимания на аргументы своих же американских экспертов, утверждавших, что люди, выданные Юрченко, уже не представляли для КГБ никакой оперативной ценности и давно не имели никакого контакта ни с кем. Эти эксперты отстаивали версию о сознательном внедрении Юрченко в ЦРУ, о его преднамеренной подосланности. Остается только повторить, что никакими данными о действующей агентурной сети советской разведки на территории США Юрченко не располагал.

Советское руководство поступило правильно, использовав на полную катушку политические преимущества, которые давало возвращение Юрченко из плена ЦРУ. Если американцы нарочито выпячивали полученные ими кое-какие оперативные дивиденды, то руководство в Москве побило их карты очевидными политическими козырями.

Что же касается тайных, то есть подлинных, причин побега и возвращения Виталия Юрченко, то они останутся навсегда в самых дальних темных углах его души. Побудительные мотивы его действий лежали вне политики, глубокие личные травмы толкнули его сначала в США, а потом вытолкнули обратно в СССР. Разобраться в них не смогли ни спецслужбы США, ни мы. Правда, мы после его возвращения и не были особенно в этом заинтересованы. Обозреватель газеты «Труд» Владимир Снегирев провел собственное расследование этого дела и результаты его изложил в трех больших статьях 13,15 и 18 августа 1992 года. Думаю, что он достаточно близко подошел к пониманию этого дела, хотя в «око циклопа» заглянуть оказалось не под силу и ему.

Возвращение Юрченко избавило меня от неминуемого наказания по служебной линии, ведь в разведке срабатывало правило «начальник несет личную ответственность за действия своих подчиненных». Я много общался с В. Юрченко, читал все материалы, написанные им или наговоренные на пленку, принимал участие в его дальнейшей судьбе, но, честно скажу, не продвинулся ни на пядь в понимании этой личности. Бог ему судья!

* * *

Были у нас и другие оперативные ситуации, при которых советская разведка входила в прямое противоборство с

американской контрразведкой. Обычная разведка и контрразведка знают о существовании друг друга, видят своих представителей на некотором расстоянии, но в прямой контакт не вступают. Они внимательно наблюдают друг за другом. Если же образуется зона переплетения интересов той и другой противоборствующих сторон, то разведку ждет беда, ее действия попадают «под колпак». В середине 80-х годов у нас в Вашингтоне создалась такая ситуация, когда один из разведчиков оказался в поле зрения контрразведки, а потом был втянут в ее жернова. Я не называю его имени из чувства сострадания к его родным и близким, потому что впоследствии суд вынес ему приговор о высшей мере наказания.

Сотрудник этот давно вызывал нерасположение к себе тем, что происходил из семьи крупного партийного работника, к тому же и женат на дочери высокопоставленного чиновника партаппарата. Выходец из провинции, он быстро перебрался в Москву, получил разведывательное образование и теперь работал в Вашингтоне. Наше отношение к нему имело четкую основу. Мы не любили, когда «волосатая рука» покровителей начинала вмешиваться в наши внутренние дела. А тут так и произошло. Отдел ежегодно получал определенное количество квартир для улучшения жилищных условий сотрудников. Жилья получали немного, поэтому старались по цепочке улучшить положение нескольких семей. Скажем, имеющуюся трехкомнатную квартиру предоставляли такому работнику, разросшейся семье которого было тесно в двухкомнатной. Его освободившуюся двухкомнатную передавали тем, кто до этого жил в однокомнатной, а однокомнатную давали совсем «безлошадным». И все были довольны, потому что процедура повторялась довольно часто и у многих сохранялись шансы на решение со временем проблемы жилья.

Как только работник, о котором идет речь, поступил в отдел, так сразу же басовитые звонки начальственных аппаратов стали требовать, чтобы ему вне очереди была предоставлена трехкомнатная квартира. Прямому давлению пришлось уступить, однако отношение к новобранцу стало прохладным. В нашей среде «блатных» не любили, к счастью, их было немного.

Находясь в первой командировке в США, наш «герой» ничем себя не проявил, кое-как «тянул» годы и вдруг… когда его пребывание в США заметно перевалило за экватор, у него появилась заманчивая оперативная «связь». Отношения с этой «связью» развивались быстро, энергично, и вскоре она стала давать секретные материалы научно-технического характера за материальное вознаграждение. Центр внимательно следил за

развитием этого оперативного контакта: с самого начала в нем появился какой-то настораживающий привкус. Было непонятно, как в целом вялому и малоактивному работнику удалось проявить цепкость и на исходе командировки приобрести перспективную «связь». Почему эта «связь» была из мира науки и техники, в то время как наш сотрудник работал под прикрытием дипломата и естественной средой его обитания были общественно-политические структуры? Чем объяснить столь быстрый и практически безболезненный переход к фазе секретного сотрудничества, чреватый немалыми опасностями для нашего помощника? Почему эта «связь» была достаточно холодна и даже безразлична к размеру вознаграждения, соглашаясь на все наши варианты? Вопросов возникало много, ставить их — наша повседневная работа. Наша же обязанность — и отвечать на эти вопросы. Это и называется «оперативной кухней».

Работник успел побывать в отпуске, мы вместе с Д. Якушкиным тщательно обсудили с ним все вопросы. Однако во время самой беседы возникли новые. Сотрудник не сумел развеять наши опасения. Мы дали ему указание все новые встречи записывать на портативный магнитофон, который легко маскировался в одежде. Пленки с записями мы получали по почте и расшифровывали в Москве. Вскоре мы пришли к заключению, что «связь» нашего работника является в лучшем случае «подставой», а в худшем… Было решено командировку прекратить, сотрудника вернуть домой. На нас совершенно не подействовали заклинания, записанные на пленку во время последнего разговора «связи», что она, дескать, не желает и не будет работать больше ни с кем, кроме нашего «героя». Даже магнитофонную брань в адрес «тупоголового центра» мы выслушали с улыбкой. Наши подозрения переросли в убежденность. Но как сделать, чтобы не толкнуть противника на провокацию в последний момент? Мы разработали легенду, в соответствии с которой наш сотрудник отзывался для назначения на более крупный и важный пост, который будет позволять ему периодически, два-три раза в год, бывать в Соединенных Штатах и встречаться со своим агентом. О том, что это только легенда, знали мы вдвоем с Якушкиным. Противник и работник поверили в нее.

По приезде в Москву сотрудник был отчислен из отдела и направлен в подразделение, где он не имел доступа к важной оперативной информации. Прошло всего несколько месяцев, и пришлось арестовать этого человека в связи с поступившими по другим каналам разведки неопровержимыми документальными данными о его сотрудничестве с американскими спецслужбами.

Уже во время следствия он рассказал, что из корыстных побуждений поддался на уговоры владельца магазина радиотехнической аппаратуры и оплатил приобретенные товары водкой, которую беспошлинно покупал как дипломат. Так «увяз коготок». Вместо того чтобы послать куда подальше появившегося доброхота из спецслужб, сотрудник испугался за свою карьеру. Вся дальнейшая история с появившейся оперативной «связью», с передачей документов о секретных разработках научно-технического характера и т. д. была уже «игрой» спецслужб, к счастью, разгаданной и правильно прочитанной у нас в центре.

Я не пошел на суд, стыдно и горько наблюдать такую картину. В своем последнем слове он просил не говорить детям правду о нем. Дай Бог, чтобы они этого и впрямь никогда не узнали!..

Глубокое недоумение и сожаление вызывают потуги некоторых газетчиков «героизировать» предателей, окружить их фальшивым ореолом борцов против вчерашнего социального строя. А те в свою очередь, обрадовавшись моральной поддержке, пишут в свое оправдание «мемуары», перелицовывая полностью историю своего перерождения, приписывая себе заслуги, которых не было, пыжатся от старания казаться важными. Отношение к предателям — это тоже показатель морального здоровья общества.

* * *

К сожалению, много сил и времени отнимала у нас оборонительная борьба против наседавших американских спецслужб. Рональд Рейган, как известно, полностью реабилитировал ЦРУ и ФБР, отпустив им те грехи, которые вскрывались в ходе сенатских слушаний в середине 70-х годов. Он восстановил их численность, расширил права, придал им мощный наступательный импульс. Он не один раз бывал в ЦРУ, встречался с руководителями ведомства. Наше положение в этом отношении было совсем иным. Руководители КПСС и государства относились к разведке отчужденно, как бы стесняясь самой необходимости иметь этот инструмент в системе государства, они все время вели себя так, как будто боялись испачкать свою накрахмаленную репутацию о наши «нечистоплотные» руки. Мы были чем-то вроде внебрачного ребенка у папаш со Старой площади. За всю свою долгую жизнь я видел в здании разведки только одного члена Политбюро — Д. Ф. Устинова, который

приезжал туда со своим другом Андроповым, да и то в нерабочий день.

В каждодневной борьбе с таким сильным противником, как спецслужбы США, нам некогда было вспоминать обиды и горечь невнимания со стороны своих, надо было выполнять свой солдатский долг перед Родиной, и мы, как умели, держали фронт. Вскоре нам удалось нащупать еще один эффективный способ обнаружения «подстав» противника. Оказалось, что американцы настолько запугали своих граждан всесилием техники, могуществом и превосходством ее над человеком, что рядовой американец не в состоянии противостоять машине. Особенно пугает и обезоруживает американца перспектива встретиться один на один с детектором лжи.

Однажды в далекой стране «третьего мира» в поле зрения наших разведчиков начал часто попадать американский гражданин. Он старался всячески обратить на себя внимание, но первым на установление контакта не шел, памятуя, что в этом случае мы сразу же заподозрим его. Наконец его желание сбылось, мы сами «клюнули» на него. И тут он сразу же стал завлекать нас своими возможностями в самом секретном ведомстве США. Конечно, он вызвал немалый интерес — кто же упустит шанс, который может представиться один раз на протяжении целой жизни оперативного работника! Сверхосторожность в разведке не менее вредна, чем неоправданная лихость.

Работники резидентуры провели с ним ряд встреч в этой неблизкой стране. В беседах американец демонстрировал готовность идти далеко по пути сотрудничества, но несколько раз высказывал мысль о желательности поддерживать контакт непосредственно на территории США. Эти слова прозвучали первым предупредительным колокольчиком. Нормальные осторожные американцы всегда предпочитали работать там, где контроль и надзор со стороны ФБР за своими гражданами и советскими людьми не такие плотные, как в США. Взвесив все обстоятельства, решили доставить его в Москву, чтобы здесь с ним поговорили наши специалисты по его профессии. Мы рассчитывали, что всю работу будет вести один наш сотрудник, изрядно подрасшифрованный во время прежних командировок. Нам надо было накопить данные личностного характера, получить побольше закрепляющих материалов, собрать всю имеющуюся у него информацию и разработать, если дело пойдет на лад, систему поддержания связи на будущее. Он на все согласился.

Несколько дней он находился в Москве на квартире, проводя

все время в составлении ответов на наши вопросы. Для него разработали небольшую культурную программу. Все шло безмятежно. Но в один из дней, когда закончили анализ всех переданных им материалов, мы пришли к выводу, что он сообщил действительно секретные данные, наносящие ущерб США, но… американцы могли знать, что мы уже располагаем этими сведениями из других источников. Он и в самом деле рассказывал нам все, что мы уже знали, но, как детская механическая игрушка, останавливался всякий раз, когда подходил к краю стола — к границе, за которой лежало пока неведомое нам. Мы и так и сяк пытались вывести его из своеобразного заколдованного круга, но он упорно ходил внутри негр. Мы сделали вид, что приняли за чистую монету все его «секретные» откровения, и как-то вечером совершенно неожиданно для него привезли в помещение, где стоял полиграф с обслуживающей бригадой. За минуту до появления в этой комнате ему было сказано, что надо попробовать потренироваться на полиграфе, чтобы повысить стойкость легенды, выработанной для сокрытия факта пребывания в СССР. Надо было видеть, что произошло с этим дотоле собранным, четким, аккуратным человеком: он просто взвился от «негодования», стал кричать, упрекать, браниться, но деваться было некуда.

Показания полиграфа были однозначны, перед нами была квалифицированная «подсадная утка». Он все понял и сопротивлялся, мечтая только выбраться подобру-поздорову из рискованной операции, в которую его загнали руководители ЦРУ. Советская разведка всегда придерживалась честных джентльменских правил игры. Унижать проигравшего партнера было не в ее правилах. «Подсадная утка» была доставлена на то же место, откуда она стартовала в неудавшуюся оперативную авантюру. Легкий толчок под зад коленом. Несколько месяцев со стороны США не было никакой реакции, а потом все-таки не выдержали: в газетах промелькнуло крошечное сообщение о том, что г-н Х. явился с повинной в ФБР, рассказал о своих похождениях и был отпущен с миром. Этим фиговым листком они пробовали прикрыть свою неудачу. Воспитанные люди давно научились делать хорошую мину при плохой игре.

Было бы утомительно пересказывать новые и новые эпизоды, когда наша разведка входила в непосредственный контакт или, как мы говорили, «в клинч» со спецслужбами США. Мы упорно держались своего принципа — не проиграть ни одного раунда…

Я сознательно говорю о тех событиях нашей секретной войны, ход и результаты которых известны обеим сторонам, в них давно уже нет ничего секретного. А вот что касается тех эпизодов и той

работы, которые противнику так и остались неизвестными, то о них говорить, конечно, сейчас рано. Это дело нескорого будущего.

* * *

В 1985 году мне довелось совершить довольно продолжительную поездку по трем городам США — Нью-Йорку, Вашингтону, Сан-Франциско, где находились наши разведывательные резидентуры. Основная задача, разумеется, сводилась к тому, чтобы на месте с резидентами провести анализ состояния работы, уточнить направления основных усилий. Надо было познакомиться с самими разведчиками, находившимися на передней линии, почувствовать их психологическое состояние, поддержать, ободрить. Ни у кого в центре не было сомнений, что противнику известно все о моем реальном служебном положении и об общем содержании миссии. Можно было ожидать неприятностей или подвохов с его стороны. Некоторым из моих коллег американцы просто отказали во въездных визах, в других случаях начали шумную газетную кампанию «разоблачительного» характера. Когда я бывал у них раньше в качестве начальника информационно-аналитического управления, они применяли грубый морально-психологический прессинг. В хорошей гостинице, где приходилось жить, в моем номере непременно оставляли нарочитые следы своего визита. Если стояла бутылка виски, то во время моего отсутствия ее открывали, опустошали на четверть или на треть, ополовинивали традиционную вазу с фруктами, небрежно разбрасывая объедки и кожуру: знай, дескать, что мы вездесущи.

В этот раз все было тихо и пристойно на удивление. «Если не пристают— значит, уважают», — удовлетворенно отметил я. На корректное отношение мы всегда отвечали корректностью. Когда в Сан-Франциско за мной было выставлено до нелепости неуклюжее, плотное наружное наблюдение, я никогда не позволял себе использовать их оплошности и оторваться от «хвоста». Бывало так, что на скоростной дороге, не желая постоянно находиться в зоне моего наблюдения через зеркало заднего вида, машины наружного наблюдения уходили вперед и проскакивали съезд на боковые пути, куда мы направлялись. Съехав с магистрали, мы терпеливо дожидались, когда наши «пастухи» найдут нас и восстановят свой душевный покой. Одним словом, отношения складывались, «как в лучших домах Лондона

и Жмеринки».

В ходе поездки я хотел проверить, в какой степени обоснованным было мое внутренне отрицательное отношение к американскому образу жизни, к типу американской цивилизации. Пришлось вести диалог с самим собой, временами он переходил в острый спор, но в итоге уже к концу моего последнего пребывания в США я пришел к убеждению, что не кривил душой под влиянием советской пропаганды, коммунистической клишированной идеологии, когда критически, даже неприязненно воспринимал модель общества, сложившегося в США.

Соединенные Штаты не могут быть образцом для развития мировой цивилизации хотя бы потому, что это самое эгоистичное, расточительное общество. Оно потребляет больше всех энергоносителей в расчете на душу населения, оно производит больше всех промышленной грязи и бытового мусора. Если бы все страны достигли когда-нибудь уровня потребления, существующего в теперешних США, то весь мир был бы разорен в течение одного-двух лет. У него не хватило бы для этого никаких ресурсов. В Древнем Риме вельможи на пирах, объевшись, засовывали в рот страусиные перья, вызывали рвоту, после чего вновь принимались за еду. Нечто подобное происходит в обществе потребления, созданном в США. Прекрасно организованное производство товаров и услуг деспотически требует от человека постоянного наращивания потребления вещей и удобств. На исходе ресурсы пресной воды, редеет над человечеством защитный озоновый слой, люди задыхаются от выхлопов сверхмоторизованной цивилизации, а в странах, считающихся маяками человечества, по-прежнему без оглядки бросаются в топки последние ресурсы земного шара. Этот путь временный с исторической точки зрения и элитарный, годный лишь для горстки стран.

В Библии выражение «кесарю — кесарево, а Богу — богово» закрепляло принцип превосходства божественного над земным, духовного над материальным. В Соединенных Штатах все наоборот. Сколько бы вам ни приходилось ездить по странам христианского мира, в подавляющем большинстве городов кафедральный собор — Божий дом — является центром человеческой общины. Соборы строились как самые высокие, самые красивые, самые импозантные здания. Чего стоят Ватикан, собор Парижской Богоматери, храм Святого Павла в Лондоне, соборы Кремля, новейшая церковь в суперсовременном Бразилиа и т. д. В США ни одна церковь не высится над городом как символ духовности. Все культовые здания малы, неказисты, задавлены

стоящими рядом монументальными небоскребами, занятыми страховыми компаниями, финансовыми корпорациями. Хотя большая часть американских церквей выдержана в готическом стиле, чтобы хоть как-то подняться из каменных колодцев, это лишь подчеркивает их придавленность. Они, как тощие картофельные ростки, тянутся к далеким небесам, к Господу Богу, но так и застывают на полдороге. По крупному счету для Бога в США места нет. Церкви изнутри пустынны, аскетичны. Ни одной лишней копейки, ни одной лишней минуты для Бога. Чахнет в деловой свистопляске не только Божий дух, но дух всякий, прежде всего дух человечности. Давно уже остроумные люди заметили, что надпись на долларовых банкнотах «В Бога мы веруем» должна бы быть уточнена: «В этого Бога мы веруем».

Средний американец живет в постоянной неуверенности в своем материальном благополучии, его терзает страх перед растущей преступностью, перед болезнью, перед возможностью атомной войны. Он чувствует тоску надвигающейся старости, когда родные дети сдадут его в дом для престарелых и будут платить доллары вместо сыновней теплоты и заботы. В этой стране самое высокое потребление в мире различных транквилизаторов. Горстями глотаются таблетки, чтобы уснуть, иной раз навсегда. Кстати, это самая распространенная форма самоубийств среди богемы, интеллигенции. Здесь множество ребят курят наркотики, колются ими. Именно отсюда пошла эпидемия наркомании по цивилизованным странам. Борьба с наркотрафиком и употреблением наркотиков объявлена национальной целью Соединенных Штатов. Бездуховность общества, тотальная подчиненность фактору наживы делают лично меня невосприимчивым к американскому образу жизни. Воистину, не хлебом единым жив человек.

Уезжая из Вашингтона, я сделал запись: «Не хочу больше никогда в Вашингтон, где все не по мне: и чужие успехи в материальном производстве, и серая беспробудная бездуховность, и даже фаст-фуд (быстрая еда) — великолепная для одного раза, но отвратительная как ежедневный комбикорм на бройлерной ферме».

* * *

Американское общество живет в особом информационном поле. Десятки каналов телевидения, сотни газет и журналов, бесчисленные радиостанции почти непрерывно вываливают на

головы граждан груды информации. Даже в самые скучные, спокойные дни все равно не прекращается звон и гудеж, но в это время мелкие события искусственно увеличиваются в размерах и преподносятся по тому же первому разряду. Продукция средств массовой информации — это единственный товар, который продается на Западе ниже своей себестоимости. В целом создается довольно любопытное ощущение: вроде бы под ногами, под руками, под задницей, за шиворотом — везде шевелится, шуршит, попискивает информация обо всем, а большинство людей в то же время не знают ничего о сущности происходящего в стране и в мире, не видят причинной связи событий. Кругом информационная пена, в которой захлебывается нормальный человек, теряющий способность оценивать события, не говоря уж об их прогнозировании. В открытом обществе человек начинает чувствовать себя беспомощным, почти как в Китае, где круг людей, принимающих решение, крайне узок, а большинство народа пребывает в информационном вакууме. И там и там нарушается принцип «необходимости и достаточности» информации, который так нужен нормальному человеку.

Постепенно меняется характер американского общества. Почитай, до самого начала Второй мировой войны миграция в США носила здоровый характер. Из Европы туда ехали действительно смелые, предприимчивые, энергичные, волевые люди, тосковавшие по свободе деятельности, по земле. Эти «сливки» укрепили и деловой, и, чего греха таить, генный фонд США, сделали их (наряду с другими известными причинами) богатой и могучей страной. А теперь, когда они стали сладким пирогом, к ним потянулись совсем другие эмигранты, которые алкают просто сытой жизни. Как мухи на варенье, они летят отовсюду. Из них получаются хорошие потребители, но вовсе не прежние работники. Особенно колоритна в этом отношении эмиграция, приехавшая из СССР. Брайтон-Бич стал именем нарицательным для характеристики таких мигрантов, которые начинают серьезно тревожить американцев. «Нью-Йорк тайме» не раз обращалась к этой теме.

Хорошая страна США, удобная, умело организованная, но в какой-то мере искусственная, как язык «эсперанто», и такая же синтетическая и чужая для коренного жителя Старого Света. 10 октября 1985 года я с облегчением занял кресло в самолете Аэрофлота и записал в своей дорожной книжке: «Если хочешь получить от Нью-Йорка эстетическое удовольствие, то на него надо смотреть только ночью и только с борта родного самолета, улетающего домой. Роскошные бриллиантовые диадемы огней вокруг заливов постепенно теряют свою яркость и становятся

похожими на тлеющие угли покрывающегося пеплом костра. Их свет бледнеет, тает и затягивается, наконец, туманом».

Кризис нарастает

В СССР 1985 год был годом громадных надежд на возрождение Отечества и годом начавшегося отчаяния и безысходности. Все эти чувства были связаны со смертью К. У. Черненко, о которой было объявлено 11 марта. Когда мы узнали, что председателем правительственной комиссии по похоронам назначен М. С. Горбачев, то всем стало ясно, что именно он будет генеральным секретарем партии и руководителем государства. Такова была шаблонная практика, утвердившаяся в партийно-государственном аппарате. Через два дня, 13 марта, об избрании Горбачева было объявлено официально. Страна вздохнула с облегчением. Новому руководителю 2 марта 1985 года исполнилось только 54 года (правда, в своих записях я уже тогда пометил, что в его возрасте В. И. Ленин уже умер, оставив перепаханной всю социальную сферу не только России, но доброй части планеты). Мы так устали от престарелых, немощных, больных, дряхлых руководителей, что на первых порах были готовы удовлетвориться даже малым: был бы вождь просто здоровым. Натерпевшиеся от беспорядков люди смотрели на Михаила Сергеевича с надеждой и верой.

Страна плохо представляла себе нового лидера и мало знала о нем. У меня же не выходило из головы, что именно Горбачев был ответственным за сельскохозяйственную программу партии, которая оказалась на деле мыльным пузырем, о ней никто уже не вспоминал. Ведь в 1984 году мы были вынуждены закупить за границей рекордное количество зерна — 54 млн. т. Хорош рекорд! А планы закупок на 1985 год составляли 40 млн. т. Это была единственная практическая проверка интеллектуальных и организационных способностей Горбачева. И с ней он совершенно не справился. Но об этом мало кто задумывался. Такова уж наша социальная психология, отражающая невысокий уровень гражданской зрелости. Мы радуемся чему-то новому прежде всего в пику старому, назло надоевшему, а не потому, что убеждены, что новое есть непременно лучшее. Нам опостылела кремлевская геронтократия, и мы дружно кричим: «Давай молодежь!» — не вдумываясь, чем, собственно говоря, кроме возраста, эта молодежь лучше. Мы не знаем ни программ, ни взглядов, ни личных качеств новых руководителей, а уже безоглядно отдаем им сердца по какому-то минутному эмоциональному настроению, которое к тому же быстро проходит, а надетый сапог, плохо пошитый и натирающий мозоли, с ноги уже не сбросишь. И, проклиная свою доверчивость, мы копим недовольство и злость

до очередного момента, когда выплеснем свои эмоции на вчерашнего кумира.

Через два с небольшим месяца, 25 мая 1985 года, я записываю: «Что за это время сделано, вернее, наговорено? Улавливаются две главные идеи: предоставление большей самостоятельности предприятиям с внедрением подлинного хозрасчета и ускорение научно-технического прогресса. Как цели, эти задачи ясны и понятны, но беда в том, что не видно инструментария для их достижения. Не ясно, как обеспечить научно-технический прогресс, какими средствами… Слова произносятся все верные, руки сами тянутся аплодировать, хочется верить… но груз всей 57-летней жизни, опыт стольких разочарований, простая рассудочность говорят: «Погоди, не трепыхайся! Новый руководитель ведь и не может произнести других слов. Ему надо что-то сказать разуверившемуся народу. Но верить надо только делам, а слова пусть летят по ветру, коль они так легко сыплются изо рта».

* * *

Двойственное, критическое отношение к новому руководителю вскоре стало доминирующим среди моих коллег по работе. Мы полностью поддержали весенние мероприятия по сдерживанию алкоголизации страны, хотя крутизна антиалкогольных мер вызывала иронические усмешки. Как можно было запрещать вино на дипломатических приемах, на государственных обедах, пропагандировать безалкогольные свадьбы? В народе сразу родилось неприятие правительства. «Не дадим занести «зеленого змия» в Красную книгу!» — раздался клич, и взрывом расширилось самогоноварение. Стали нарастать токсикомания и наркомания. Вспомнились горько-ироничные слова Хрущева: «Если ты в квашню запустил руку и достал до дна, то не думай, что ты ее реформировал. Вынь руку и увидишь, как через пару минут все станет как прежде. Так и Россия, она с трудом поддается реформированию». Волюнтаризм, стихийность принятия решения по антиалкогольной кампании, ее неподготовленность сразу показали всю хлипкость организационно-административных способностей нового руководства. А связанная с крахом этой кампании потеря авторитета и престижа самого Горбачева носила зловещий характер.

Нам в разведке очень понравилось его первоначально твердое

поведение по отношению к западным державам. Любому нормальному гражданину не по душе, когда его страну публично унижают или третируют, независимо от предлогов, которыми при этом прикрываются. В сентябре 1971 года из Англии были высланы одновременно 105 сотрудников советских представительств. Мы промолчали, утеревшись. В конце марта 1983 года Франция выслала 47 советских работников. В обоих случаях пропагандистские трубы гудели, что, мол, таким образом велась борьба с русским шпионажем, хотя подавляющее большинство высланных к разведке не имело отношения. Помнится, что когда французы приняли свое решение, то советская сторона в один день прошла все этапы, типичные для дряхлого старика. С утра постановили: «Ответим так же, голова за голову». В обед сникли и прошамкали: «Давайте сократим, но пропорционально составу посольства Франции в Москве». (Кому-то показалось, что французов в СССР значительно меньше, чем русских в Париже, в то время как на самом деле все было наоборот.) К вечеру мы бессильно отказались от всяких ответных мер. Над нами публично смеялись.

Никто не заставлял западные страны давать согласие на увеличение штатов советских посольств, они могли не выдать визу любому неподходящему для них, могли воспользоваться ежегодными отъездами в отпуск нежелательных лиц и закрыть им въезд на свою территорию. Нет! Они предпочли путь шумных оскорбительных кампаний! Они как бы пробовали «на зуб» достоинство наших руководителей.

В сентябре 1985 года М. Тэтчер снова театральным жестом выставила из Англии очередную партию в 25 советских сотрудников. Это была проверка Горбачева, и он ее выдержал. На другой день мы выслали из Москвы 25 англичан. Великобритания опешила, она настолько привыкла к нашей расквашенности, что такой ответ выглядел для нее неожиданным. Чтобы показать свой норов, Тэтчер через пару дней выслала еще шесть человек. Мы в ответ— столько же. Мир ахнул и восхищенно сказал: «СССР заставляет себя уважать». А «железная леди», избалованная победами, только смущенно пробормотала в приватном порядке: «Хватит, на этом мы кончаем». Жаль, что об этой капитуляции не стало известно общественности.

* * *

Однако вскоре в твердой поначалу позиции Горбачева

появились трещинки, а потом щели и, наконец, разломы. Страна вползала в длинный туннель под названием «перестройка». Мы долго дискутировали, пытаясь докопаться до скрытого смысла этого слова, и не могли прийти к общему пониманию целевых установок руководства. «Перестройка» свалилась на голову точно так же, как и антиалкогольная кампания, без предварительной проработки, без изучения. До самого ее скорбного конца никто не мог объяснить, во что же мы, в конце концов, перестраиваем свою жизнь, свой уклад хозяйства. Всякие прежние революционные повороты в истории народов предварительно готовились теоретическими трудами, экономическими исследованиями, искусством, наконец. И люди были готовы к повороту. «Перестройка» оказалась самым пустым словом, в которое не было заложено никакого реального и четко продуманного смысла. Это было благое реформаторское пожелание, не больше. Частенько в своем кругу мы вспоминали по аналогии с начавшейся «перестройкой» детский стишок о мальчике, который решил починить качавшийся стул, подпилив одну из его ножек. Пацан не был знаком с правилом «семь раз отмерь, а один раз отрежь» и стал пилить на глазок то одну, то другую ножку, которая, как казалось ему, мешает нормальной устойчивости. Дело кончилось тем, что он вконец испортил стул, но, глядя на дело рук своих, все-таки самокритично произнес: «Эх, ошибся я немножко!» Процесс нашей «перестройки» как две капли воды напоминал эти ребячьи плотницкие экзерсисы.

Осенью 1985 года была предпринята (в который раз!) попытка административно-организационными мерами решить продовольственную проблему страны. Волевым решением было ликвидировано сразу несколько министерств (сельского хозяйства, мелиорации, сельскохозяйственного машиностроения и т. д.) и на их базе создан социалистический концерн «Агропром». «Убиенные» министерства не заслуживают доброй памяти, ибо вся их работа уже была оценена бедственным состоянием наших прилавков, но тут же стало известно, что все министерства входят на правах главных управлений в «Агропром». Созданный бюрократический монстр оказался совсем нежизнеспособным, он еле держался на ногах от собственной тяжести. Позже уже и Горбачев не предпринимал никаких усилий, чтобы как-то изменить положение на селе, его внимание полностью поглотили другие дела.

А тем временем российская деревня ежемесячно теряла людей, пашни зарастали, оставшийся народ пускался во все тяжкие, лишь бы выжить. Мой знакомый Николай Павлович Королев, директор совхоза «Культура» Скопинского района

Рязанской области, говорил мне, что в его хозяйстве на 5 тыс. га пашни приходится 46 тракторов, 22 комбайна и только… 30 механизаторов, умеющих водить эту технику. Из них настоящих тружеников всего десять человек. Мы в тысячный раз приходили к выводу, что главная трагедия села заключалась в полнейшем пренебрежении личностью самого сельскохозяйственного труженика. Новый руководитель партии и государства М. Горбачев много и правильно говорил о необходимости повышения внимания к «человеческому фактору», но разговоры так и оставались разговорами, потом и они постепенно затихли. Положение человека в системе государственного производственного комплекса не изменилось, поэтому все верхушечные административные перестановки не могли дать никакого эффекта.

В то время четко обозначилось специфически русское общественное явление — массовое написание анонимных писем в ЦК партии. В 1984 году на Старую площадь поступило 74 тыс. таких писем, а затем каждый год эта цифра увеличивалась на 22–25 %. Поток этих обличительных документов явно свидетельствовал о том, что в стране творятся крупные беспорядки, господствует беззаконие, нарушаются общепризнанные нормы морали и этики. Человека толкает на написание письма его неустроенная, неладная жизнь. Такой поток писем красноречиво говорил и о том, что высшая государственная власть, казавшаяся ранее всеслышащей и всевидящей, теперь оказывалась слепой и глухой. Она не замечала вопиющих безобразий и, оказывается, не знала, как действуют от ее имени. Анонимные письма свидетельствовали и о том, что простой гражданин, обыватель не верил новым руководителям, не верил в серьезность их гарантий демократической свободы слова и уж тем более не верил, что верховная власть в состоянии обеспечить его личную безопасность в случае расправы над ним местных руководителей. Это была особая уродливая форма «демократии», при которой можно было все сказать, но ни за что не бороться. Пассивное сигнализирование отражало неугасимую жажду справедливости, но оно же свидетельствовало и об отказе от личного участия в исправлении недостатков.

* * *

Вирус анонимных писем частично поразил и разведку, как поразили ее многие болезнетворные бактерии, которые уже

активно расправлялись с обществом. Мы все-таки жили в определенном морально-нравственном и интеллектуальном «гетто». Здания разведки находятся на отшибе от городских массивов. Сотрудники ее с учетом времени, затрачиваемого на поездку на работу и с работы, почти весь день проводили в кругу своих коллег. В отпуска чаще всего ездили также в свои ведомственные дома отдыха и санатории. Сама работа с ее высокими патриотическими приоритетами была оградительным барьером против нараставшего «в миру» разложения идеологии, а вслед за ним и распада всей системы жизненных ценностей. Если разведчик находился за рубежом, он острее воспринимал боль за тяжелые недуги Родины и старался по-сыновьи вступиться за свою страну даже тогда, когда ее поведение (вернее, поведение ее руководителей) оказывалось далеко не безупречным. Несмотря на выработанное годами чувство принадлежности к определенной элите сотрудников разведки, в ее среде все чаще происходили так называемые ЧП — верные симптомы неблагополучия в государстве и обществе.

Я уже говорил о предателях, с которыми был лично знаком, но до меня доходили отголоски и сведения о побегах, случавшихся в других регионах, находившихся под кураторством моих коллег. Было известно, что многие из них сами явились к противнику и предложили свои услуги. Они шли к американцам, поскольку те дороже платят и наверняка примут предложение в силу высокого накала конфронтационности между нашими странами. Наша контрразведка в Москве сообщала, что многие иностранные дипломаты нарочно оставляли открытыми на улицах окна автомашин в надежде, что какой- нибудь доброхот бросит туда записочку с предложением продать имеющиеся у него секреты.

Я пытался уговорить руководство разведки использовать судебные процессы над разоблаченными предателями для того, чтобы снять полнометражный бескупюрный кинофильм о ходе разбирательства и показать его всем офицерам разведки. У меня не было сомнений в том, что это оказалось бы полезным. Всякий, кто увидел бы такой фильм, смог бы лично убедиться в том, что все предатели становились, по их собственным признаниям, на путь сотрудничества с врагом из-за жадности, трусости, той или другой душевной слабости. Все они считали, что вынесенные им приговоры были справедливы. Это уже потом, в «демократическое» время, оставшиеся в живых за рубежом или выпущенные из мест заключения предатели все до единого стали выдавать себя за борцов против тоталитарной системы.

Были основания полагать, что такие материалы могли

подтолкнуть вероятных агентов вражеских спецслужб к мысли о быстрейшем побеге за границу из страха оказаться разоблаченными. И очень хорошо! Бежавший предатель — это полбеды, он уже опасности представить не сможет, кроме разве статей или книжек, эффективность которых изрядно упала. Я постоянно проводил мысль о допустимости и желательности введения у нас в разведке принципиальной возможности направления на проверку на полиграф любого сотрудника, убеждал, что в Соединенных Штатах это тривиальная норма безопасности. Предлагал сам подвергнуться такой проверке первым. Мои, может быть, слишком радикальные предложения не были поддержаны и остались неосуществленными, хотя я и сейчас уверен, что ничего антидемократического и ничего антигуманного в этих предложениях нет. Если государство оказывает разведчику полное доверие, то оно должно быть взаимным.

* * *

Коллектив иногда будоражили и другие, несравненно более мелкие, но ранее не виданные происшествия. То начнутся систематические кражи часов в раздевалке спортивного бассейна, и приходится проводить целую сложную оперативно- разыскную комбинацию, чтобы обнаружить злоумышленника, который окажется больным человеком — клептоманом. То вдруг некий изувер начинает резать бритвой пальто в раздевалке, и опять отвлекаются силы, а главное, нервы на раскрытие этих преступлений.

Одним словом, напряженность, даже внутренняя, все время возрастала. Появлялись «дела», поражавшие своей фабулой. Так, один из сотрудников научно-технической разведки, ничем особенно не выделявшийся, вдруг в одночасье стал уголовным преступником. Выяснилось, что он завел себе любовницу из числа сослуживиц и однажды заехал с ней в какой-то двор, где они, не выходя из машины, стали распивать шампанское. Потом пошел у них, видимо, крутой разговор, кончившийся тем, что «герой» ударил свою даму бутылкой по голове. Обливаясь кровью, женщина стала звать на помощь, а ее ухажер бросился бежать. На свою беду, навстречу ему шел случайный прохожий, который сделал попытку задержать беглеца. В ответ тот выхватил нож и точным ударом в сердце наповал убил незнакомого человека. Потеряв самообладание, преступник вскочил в машину и пытался

скрыться. Через два часа он был задержан милицией. Суд приговорил его к 15 годам лишения свободы, все его начальники получили свою долю наказания, и все вроде бы успокоились. Но при обыске в его квартире были обнаружены миниатюрный фотоаппарат «Минокс», пометки служебного характера и еще кое-что настораживающее. На следствии выяснилось несоответствие доходов и расходов обвиняемого. Наблюдение за ним в тюрьме дало основание полагать, что он пытался дать какие-то сигналы своим хозяевам на свободу и даже передать кое-что. В результате началось доследование дела, которое раскрыло шпионскую деятельность этого человека против своей Родины. Он все рассказал о своем сотрудничестве с французами, представитель разведки которых в Москве более десяти раз встречался с ним, передавал деньги за полученную информацию. На этот раз пересмотр дела привел и к другому приговору: расстрел за измену Родине.

Управление внешней контрразведки, которым руководил до этого времени О. Д. Калугин, естественно, знало о неблагополучии в разведке, но у специалистов управления не хватило профессионального умения и настойчивости провести анализ причин назревавшей беды. Каждое событие объявлялось эпизодом, а оно было симптомом болезни.

Кстати, к этому же времени относится и зарождение неприязни, переросшей во вражду, между Калугиным и Крючковым. Ее истоки относятся к концу 70-х годов, и она в течение долгих лет имела характер бюрократической интриганской борьбы за влияние и власть внутри разведки, а потом и в КГБ. Могу поклясться, что никакого политического или глубокого профессионального расхождения в позициях спорящих сторон в те годы не было. Когда сейчас я читаю книгу Эндрю Кристофера и О. Гордиевского и их рассуждения о прогрессивном новаторе, «самом молодом» генерале Калугине, мне трудно удержаться от улыбки. Они ничего не знают о существе разногласий между двумя «К» и стараются выкрасить их в приятные своему глазу цвета идейно-политического противостояния. Мне невольно приходилось ощущать толчки их скрытой борьбы, сотни людей были свидетелями развития ее на официальном уровне, и все равным образом переживали, что в тело разведки вполз дух непрофессионального соперничества и нетерпимости.

Начнем с того, что О. Калугин как специалист пользовался уважением в ПГУ. Он был достаточно эрудирован, умел логично и убедительно строить свои выступления. Управление внешней контрразведки («К») всегда занималось анализом провалов

(разумеется, постфактум), и его суждения выглядели обоснованными и вроде бы безупречными. Хотя известно, что анализировать события, уже свершившиеся, значительно легче, чем возможные последствия своих поступков, которые еще только планируешь совершить. Среди коллектива разведки отношение к управлению «К» было весьма сдержанным, да и каким может быть отношение к жандарму в собственных рядах! Для нас-то ведь не было секретом, что служба внешней контрразведки занималась изучением с приглядом за нами самими. Это был наш собственный СМЕРШ. Конечно, туда не направлялись лучшие кадры разведки. Сам О. Калугин в одном из публичных выступлений признавал «серость» своих кадров. Отсюда и зародилось первое недовольство: самый молодой и блестящий генерал вынужден был руководить малопрестижным «серым» управлением. В амбициях и самомнении отказать О. Калугину было нельзя. Тем более что со всех сторон ему нашептывали о непременном «перспективном будущем». Он пользовался открытым покровительством двух первых заместителей начальника разведки, которые непосредственно курировали управление «К», — Бориса Семеновича Иванова и Михаила Андреевича Усатова (поочередно). Но вскоре добавился и еще более могучий «спонсор». Им был тогдашний начальник Второго главного управления (контрразведки) Григорий Федорович Григоренко, который в прошлом сам работал в ЛГУ и был раньше начальником все того же управления «К», хорошо знал Калугина и открыто протежировал ему.

Вопрос, кому руководить разведкой — профессионалу или политическому выдвиженцу, не давал покоя честолюбию некоторых молодых генералов. Калугин не был совершенно одинок. Были и другие попытки поднять хоругвь борьбы за «профессионализацию», прикрывавшую в принципе расчеты на личную карьеру. Ибо, повторяю, не помню, чтобы открыто кем-то был поставлен вопрос о принципиальном пересмотре основных постулатов работы разведки.

* * *

Первый знак неблагополучия в личных отношениях Калугина и Крючкова я получил однажды в салоне самолета, на котором делегация ПГУ возвращалась из какой-то поездки в восточноевропейскую страну (Калугин и я почти автоматически включались в такие делегации. Это было связано с нашим

должностным положением.) Во время полета все сидели вокруг стола, обсуждая результаты поездки, и вдруг Крючков предложил выпить по бокальчику за окончание работы. Все приняли инициативу руководства с удовольствием. Подняв бокал, Крючков неожиданно произнес непривычные слова: «Давайте выпьем за то, чтобы каждый из нас дорожил своей принадлежностью к ПГУ, знал один дом и был верен ему!» Из четырех-пяти присутствовавших каждый счел своим долгом добавить что-то к словам шефа. Я тоже добавил что-то вроде: «Жизнь отдана разведке, и этим сказано все!» Один Калугин, насупившись, не произнес ни слова, как-то поскучнел, хотя чокнулся и выпил вместе со всеми.

По вредной привычке анализировать все я расценил тот разговор как непростой, ибо знал, что шеф не станет просто так бросать подобные тосты на ветер. Вскоре мне пришлось в этом лично убедиться.

Летом 1977 года в МИД возникло дело о предательстве Александра Огородника, занимавшего довольно крупный пост в Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий. Он работал раньше в советском посольстве в Колумбии, где от безделья стал увлекаться хождением по злачным местам и там лакомился «клубничкой». Выслеженный спецслужбами, он стал легкой добычей вербовщиков из ЦРУ. Из страха перед крушением карьеры согласился сотрудничать с американцами и, приехав в Москву, начал активно снабжать их информацией, которую получал из кругов МИД, КГБ и Министерства обороны, черпая ее из телеграмм, поступавших в это управление МИД. Выполняя задание ЦРУ, он активно искал доступ в высшие эшелоны партийной власти. Пользуясь положением свободного мужчины, этот хлыщеватый, статный, разбитной Казанова стал обхаживать дочку одного из тогдашних секретарей ЦК КПСС. И надо же такому случиться, что в этот же дом довелось попасть и мне в связи с довольно редким обстоятельством: там «обмывалась» докторская степень одного соискателя, у которого я выступал официальным оппонентом. Я тогда и увидел этого Огородника, пришедшего с охапкой цветов и дорогими подарками. Но когда меня представили ему как «генерала КГБ», он стушевался, засуетился и быстро испарился, хотя пришел в расчете провести весь вечер. Я ни о чем не догадывался, но могу себе представить, как он перепугался.

Огородник был выявлен советской разведкой и контрразведкой без какого-либо моего участия, и я даже не знал о его аресте, когда однажды мне позвонили из семьи высокопоставленного партийного вельможи с просьбой срочно

приехать для консультаций. Я приехал и узнал, что Огородник исчез неведомо куда, его разыскивает мама, в расстройстве «невеста» — дочка и т. д. и т. п. Я почувствовал запах чего-то очень неприятного, попросил не предпринимать никаких действий до моего совета.

Приехав на объект ПГУ, я срочно попросил О. Калугина зайти ко мне в кабинет (мы были равными по служебному положению и званию, но я старше на несколько лет). Действуя строго по солдатской этике, я сообщил все известные мне сведения об Огороднике О. Калугину, ибо дело было непосредственно в его компетенции. Он доверительно сказал, что Огородник — американский шпион и уже ведется следствие, что принесенные мной сведения исключительно важны, ибо речь шла о метастазах шпионской сети в высших эшелонах власти. Я тогда еще не знал, что в момент ареста Огородник воспользовался ядом, переданным ему американцами, и покончил жизнь самоубийством, унеся с собой многие секреты. Я позвонил по телефону пострадавшей семье, посоветовал то, что мне рекомендовал Калугин, и думать забыл про это происшествие.

Каково же было мое удивление, когда через пару дней раздался звонок прямого телефона от начальника разведки (эти телефоны звали в других местах «матюгальниками»), потребовавшего немедленно зайти к нему. В кабинете он сказал: только что звонил Андропов и выразил возмущение тем, что работники разведки, как выясняется, состоят в близком знакомстве с иностранными шпионами, и прямо назвал меня как такого растяпу. У меня аж перехватило в горле от возмущения. «Неужели Калугин вам не доложил о моем разговоре с ним, я ведь сам обо всем давно рассказал ему как должностному лицу, занимающемуся всеми случаями иностранного шпионажа?» — «Нет, — ответил шеф, — он ничего не сказал мне, а пошел сразу к Г. Ф. Григоренко в контрразведку, и они постарались бросить тень на Первое главное управление. Иди и объясняйся с Андроповым!» Я позвонил председателю КГБ, написал по его просьбе подробную докладную обо всем происшедшем, а потом имел неприятное объяснение с Калугиным, сказал, что считаю его поведение непорядочным. Шел 1977 год. Как было далеко до того времени, когда личные неприязненные отношения начнут прикрываться фиговыми листками политических расхождений!

Было ясно, что, пока Крючков остается начальником разведки, Калугину придется искать другое место работы. О политических взглядах Калугина в то время было известно, что они куда ортодоксальнее, чем у большинства генералов разведки. В ПГУ широко комментировался конфликт, разгоревшийся в

управлении «К» между Калугиным и секретарем парткома этого же управления полковником Николаем Ивановичем Штыковым. Штыков позволил себе в присутствии Калугина неучтиво, иронически отозваться об известной «трилогии» Л. И. Брежнева, которую навязывали тогда в качестве материала для изучения в партийных организациях. Калугин не постеснялся публично отчитать своего секретаря парткома за политическую близорукость и недопонимание важности проблемы. Штыков рассказывал об этом не раз, даже в своих публичных выступлениях…

* * *

Когда в 1980 году Калугин был вынужден занять пост первого заместителя начальника управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, он решил написать кандидатскую диссертацию по своей специальности — внешняя контрразведка. Я не могу отказать Калугину в способностях, и его работа была вполне достойна кандидатской степени. Я ее читал сам, поскольку был в те времена еще и председателем научно-методического совета разведки, где работа рецензировалась. Я не помню сейчас точного ее названия, но она была посвящена подрывной деятельности американских спецслужб против советских граждан и учреждений за границей. В ней содержались и более широкие политические обобщения, вполне в духе тогдашних представлений о наших отношениях с США. Тут уже проявилась нетерпимость с другой стороны. Все инстанции в ПГУ воспротивились самой перспективе постановки диссертации Калугина на защиту в научно-исследовательских институтах разведки. Особенно противилось его бывшее управление «К», которое должно было стать ведущим подразделением в оценке качества диссертационного исследования.

Поскольку существо конфликта мне было уже понятно, я позвонил Калугину в Ленинград и порекомендовал поставить работу на защиту в любом гражданском исследовательском центре, вычеркнув то, что делало необходимым гриф «Секретно». Но шлея обеим сторонам уже попала под хвост, и Калугин сказал, что будет бороться за то, чтобы защититься именно в разведывательном институте. «Ну что ж, давайте…» — оставалось вздохнуть мне.

Критерием профессионального мастерства того или иного работника разведки является только конечная практическая

польза. Я бы на месте всех, кто так или иначе жонглировал в политических целях «делом Калугина», поостерегся от превосходных степеней прилагательных. Они неуместны. В информационно-аналитическом управлении приходилось не раз говорить начальникам оперативных подразделений о том, что завербованный ими агент является «подставой», или «липой». Мне доводилось огорчать таким образом и Калугина, когда после победных и наградных литавр по поводу «приобретения ценного источника» оказывалось, что мы купили, как говорят, «ободранную кошку за зайца». Для проверки агентуры у нас имелся широкий и надежный инструментарий, практически безупречный, если речь шла о политической информации.

Из первых рук, от участников операций, мне были известны случаи, когда Калугин ошибался, решая вопрос о добросовестности американцев, заявлявших о готовности сотрудничать с социалистическими разведками. Есть много и других, куда более темных оперативных дел, о которых здесь не место говорить.

Все сказанное мной — лишь свидетельство очевидца перипетий вокруг Калугина, получивших искаженную трактовку в средствах массовой информации и ряде «исследований». Последовавшие репрессалии в отношении Калугина в виде лишения его наград и звания были очень неудачными и непродуманными шагами, я уж не говорю об их несправедливости, но они логически завершают конфликт, зародившийся в середине 70-х годов. Я ранее писал, что Крючков подолгу помнил о причиненном ему зле, и иногда такая память толкала его на ошибочные и неправедные шаги.

Объективно позиция Калугина нанесла интересам разведки, конечно, немалый ущерб. Никто не в силах точно подсчитать, сколько иностранных граждан отшатнулось от контактов с советскими, а потом российскими дипломатами, журналистами, экономистами, опасаясь, что они могут оказаться разведчиками (и что их связь станет предметом широкого обсуждения в прессе). В любой войне личных абмиций нельзя забывать об интересах национальной безопасности.

* * *

Разведка подверглась еще одной напасти. С «самого верха» ей стали давать задания, мягко говоря, не по профилю ее работы. Ее стали превращать в «затычку для каждой бочки». Диапазон ее

деятельности начал опасно расширяться. Однажды, например, мы получили задание подготовить прогноз колебаний цен на мировом рынке золота. Задание было крайне деликатным, к его выполнению было разрешено привлечь весьма ограниченный круг работников. Причем нас предупредили, что поручение дается в связи с предстоящим выходом СССР с крупной партией золота на мировой рынок. Ошибка в прогнозе может означать потерю многих десятков, а может, и сотен миллионов долларов.

Когда я сформулировал задачу перед специалистами своего управления, то раздались недовольные голоса: «А что, у нас нет Государственного банка? Что будет делать Министерство внешней торговли? Куда подевались советские банкиры, которые постоянно работают за рубежом и руководят советскими банками?» На такие вопросы у меня ответа не было, и пришлось сослаться на предположение, что, возможно, нам доверяют в таких делах больше, чем иным специалистам, репутация которых может быть подмочена постоянными связями с заграницей. Такие спонтанные реакции возмущения не были редкостью, но люди быстро успокаивались, польщенные тем, что именно к ним обращаются со столь неординарной просьбой. Но оставалась большая проблема — как решить поставленную задачу. Ведь разведка никогда не занималась такими делами, у нас не было даже представления о необходимом технологическом процессе, а срок был поставлен весьма жесткий — одна неделя.

Началась работа, в которой все было импровизацией. Одним поручалось вычертить график движения цен на золото за последние три года; другие занимались выявлением состояния мировых запасов этого металла, ходом строительства новых шахт, разрезов; третьи оценивали научно-технический прогресс в области золотодобычи и его влияние на себестоимость золота; четвертые исследовали кривую забастовочного движения на приисках, пятые — промышленное и торговое потребление металла и т. д. и т. п. Не раскрывая предмета нашей заинтересованности, мы втемную опросили широкий круг специалистов, так или иначе связанных с золотом. В конце недели мы собрались и в процессе «мозгового штурма», длившегося несколько часов, обсудили все собранные сведения. В результате пришли к выводу, что в ближайшие три-четыре недели будет сохраняться устойчивая тенденция роста цены на золото. Вывод сформулировали в неформальном рабочем документе, адресованном председателю КГБ, и в состоянии невероятного нервного напряжения стали следить за колебаниями и скачками цены на проклятое золото на бирже.

* * *

Мы не были подготовлены к таким поручениям и выполняли их на уровне просто здравого смысла и неглубокого научного исследования. К счастью, небеса были милостивы к нам. Цена на золото действительно в указанный период шла все время вверх, и мы, как дети, радовались, что угадали правильно, хотя в душе чувствовалась тревога при мысли, что неважно обстоят дела у государства, которое обращается к нам с такими заданиями.

Нам приходилось неоднократно составлять документы об организации сельскохозяйственного производства в социалистических странах Восточной Европы, особенно в Венгрии. И мы подолгу думали, как объяснить, что рекомендации «передовой» сельскохозяйственной науки в СССР о введении ротации культур не совпадают с практикой в той же Венгрии или в США, где по нескольку лет кряду сеяли кукурузу на одних и тех же полях, применяя точно разработанную систему внесения удобрений. Приходилось думать не о получении образцов и технологических документов, а уже об описании организационно-производственного, управленческого дела. Это порождало отчаяние.

Разведка на постоянной основе занималась проблемами дна Мирового океана, ее представители даже участвовали иногда в международных совещаниях экспертов, которых на чиновничьем жаргоне называли «подонками». Проблемы Арктики и Антарктики также не сходили с повестки дня, причем заниматься ими приходилось вовсе не в разведывательном ключе, а в плане политики, экологии, экономики, транспорта и т. п.

Все подобные поручения размывали контуры профессионального поля деятельности разведки, вели к появлению элементов поверхностности, непрофессионализма в освещении достаточно случайных для разведки проблем. Они вызывали раздражение в коллективе, и это раздражение иногда выливалось и в открытых выступлениях на производственных совещаниях.

Мне трудно объяснить, почему с «самого верха» обращались с такими вопросами в разведку, но думаю, что причины следующие: во-первых, разведка обязательно выполняла поручение в точно указанный срок, и, во-вторых, мы никогда не уходили от ответственности, не напускали тумана и неопределенности в свои документы. Мы обычно говорили, что считаем свой прогноз верным на столько-то процентов (от 60 и выше).

Слава богу, что у разведки появилось собственное научно-

исследовательское подразделение, которое сняло часть нагрузок информационно-аналитического управления. Располагая большим количеством открытых источников информации, это подразделение могло ответить на много вопросов, рожденных слабой компетенцией наших высших руководящих структур.

* * *

Общее разбалтывание разведывательной машины дополняла монотонная, серая партийная работа, оторванная от реальных глубинных процессов жизни. Вот как мне виделись партийные мероприятия тогда, десять лет назад: «Вчера целый день просидели на партийной конференции. Все шло и прошло, как обычно за последнее время, гладко-гладко. Прямо-таки проскользили по мероприятию, не зацепившись ни за кого ничем. В таком виде стандартизированные конференции давно себя изжили. Все в них стало рудиментарным, даже буфеты с улучшенным ассортиментом харчей. Когда-то давно, на заре туманной юности, когда прототип нынешних конференций только зарождался, в стране было голодно, холодно, все порушено. Делегаты неделями добирались до центров партийной жизни, жевали сухарные крошки, синели от недоедания. Партия старалась, чтобы ее мероприятия были вехами в сознании делегатов. Их поили горячим чаем, подкармливали бутербродами — невиданным для многих лакомством, давали регулярные горячие обеды. Тогда это была необходимость, люди валились с ног от недоедания. А теперь… груды тортов, фруктов, бутербродов, штабели бутылок с пивом, пепси-колой (ей-то уж совсем тут не место). Пузатые самовары, пузатые буфетчицы, пузатые делегаты. Их надо голодом лечить, а не перекармливать в дни партмероприятий.

С книгами то же самое. Тогда, при явной нехватке печатной продукции, делегатам давали труды Ленина, брошюры с партийными документами, статьи «Правды». Люди везли их на места, как политический динамит, которым рвали вековой социальный лед России. Теперь форма осталась, но люди стоят за «дефицитом», они спрашивают Ю. Семенова, В. Шукшина. Политическую литературу не берут или берут аптечными дозами.

Президиум собрания некогда был настоящим рабочим органом, из-за разных точек зрения, тенденций, даже фракций было рискованно поручать одному лицу ведение партийного собрания, конференции. Сейчас президиум — это «почетные

ложи». В первом ряду сидит самое большое начальство, во втором — второстепенное начальство, в третьем — третьестепенные лица. Задача — не работать, а чинно высидеть до конца. Рассказывают, что А. А. Громыко лучше других умеет терпеливо высиживать долгие бдения: до обеденного перерыва он держит левую ладонь на правой руке на столе, а после обеда наоборот. Вот и вся работа.

Оттого-то в зале из президиума чаще видны не лица, а макушки и даже затылки дремлющих людей, потому-то делегаты опрометью бросаются к дверям при объявлении перерыва, и их бывает трудно собрать звонками на очередное заседание. В зале появляются залысины в виде незанятых мест».

Редко кто из участников собраний уж помнил слова партийного гимна «Интернационал». Текст стали печатать на тыльной стороне обложки записных книжек, которые выдавались делегатам. Но хоровое пение получалось и слабым, и нестройным, тогда партийные начальники обзавелись пластинками с патефонной записью «Интернационала» и стали запускать его на полную громкость после окончания мероприятия. Так постепенно глохла и чахла партийная душа.

* * *

В сентябре 1985 года покончил самоубийством один из самых уважаемых мною людей — Владимир Алексеевич Любимов, мой однокашник по учебе в МГИМО и коллега по работе. Редкой породы был человек. Эмоциональный, легковозбудимый, одержимый страстью к поискам разумных, справедливых решений, он внушал страх проходимцам, захребетникам, просто бездельникам. Они считали его «чокнутым». В спорах он действительно заводился донельзя. Однажды ко мне пришел здоровенный детина с жалобой на то, что В. Любимов побил его. Я выразил сомнение: как мог изнуренный работой, непрерывным курением, хилый, немолодой человек сотворить такое с сейфообразным крепышом. Но оказалось, что и в самом деле, когда верзила предложил совершить какой-то мелкий обман начальства, Володя заехал ему в ухо и выгнал вон из кабинета. Любимов был настолько разъярен, что «обиженный» не решился требовать реванша.

Когда Любимов выезжал в краткосрочные командировки за границу, то больше половины резидентов, кому он оказывал помощь и содействие в решении конкретных проблем, присылали

в центр восторженные отзывы, а меньшая часть разражалась злобной хулой и требованиями, чтобы никогда впредь таких… не выпускали из Союза. Очень эрудированный и острый на язык человек, он был не в состоянии понять, почему другие люди могут быть глупее и примитивнее его. Обладая талантом с избытком, блестящий аналитик, он сорил идеями направо и налево, но не мог заставить себя написать диссертацию. Идеалист до мозга костей, он не вынес начавшегося очевидного развала партии и государства. В возрасте 57 лет выбросился из окна своей квартиры. Когда я узнал о трагической развязке, мне на ум пришли почему-то идиотские стишки одного из декадентов: «Счастлив, кто падает вниз головой: мир для него хоть на миг, но иной». Мир праху одного из честнейших и талантливейших людей, кого мне пришлось узнать в жизни!

У меня уже давно зрело желание как-то публично высказать свое мнение о том, каким я представлял себе коммуниста как тип человека. Я воспользовался предложением одного моего старого товарища, работавшего в журнале «Коммунист», и написал статью о Че Геваре, жизнь которого мне казалась воплощением коммунистического идеала личности. Я и сейчас, в слякотное безвременье, не откажусь ни от единого слова этой статьи, опубликованной в марте 1985 года, как раз тогда, когда Горбачев забрался на облучок партийной колесницы. В отличие от длинной вереницы известных нам политических деятелей-«коммунистов», Че Гевара никогда не разделял свое слово и свое дело. Он любил повторять выражение Хосе Марти, великого кубинского патриота: «Самая лучшая форма сказать что-либо — взять и сделать это!» Если он выступал за участие служащих в добровольном производственном труде, то одним из первых отрабатывал положенные 240 часов в год подручным каменщика, рубщиком сахарного тростника, грузчиком на сахарных заводах. Че был глубоко убежден, что одним производством товаров и услуг нельзя решить все проблемы общества, надо одновременно и создавать другого человека.

Образ Че Гевары не был воспринят руководством КПСС именно из-за его слишком высоких требований морально-этического порядка, предъявляемых к коммунистическим руководителям. Наши вожди — вальяжные кабинетные сибариты — не воспринимали аскетического, непримиримого трубадура нового коммунизма, ставшего после своей гибели в Боливии в 1967 году кумиром левонастроенной молодежи во всем мире. Моя статья осталась незамеченной, даже на фоне попыток возрождения «ленинских норм» партийной жизни. Но меня это не задело. Я счастлив, что статья о Че идет сразу же после статьи

Юлии Друниной в том же номере журнала. Случайное соседство подчеркнуло идейное родство.

«Горбаниада»

Надежда на то, что партия возродится, найдет в себе силы возглавить ею же самой начатое движение к реформам, не покидала всех тех, кто искренне разделял идеи о социалистической альтернативе развития общества. Все чаяния, в том числе и честных офицеров разведки, сосредоточились на предстоявшем вскоре XXVII съезде партии. Он собрался в самом конце февраля 1986 года. Подготовка съезда велась скоропалительно, на проработку и осмысление документов давалось очень мало времени. Члены политбюро получили проекты доклада генерального секретаря 4 февраля, а уже на б февраля было назначено заседание политбюро, на котором должен был утверждаться окончательный текст. 48 часов на читку и анализ документа объемом в 150 машинописных страниц, документа, которым намеревались отметить начало новой, обновленческой эры, конечно, маловато. Более того, это несерьезно. Мне удалось познакомиться с текстом доклада за несколько дней до съезда, и я записал тогда: «Драматических перемен не просматривается. Ехать в следующее пятилетие будем на той же машине, только ей надо сделать ТО-2 (технический осмотр- 2): смазать ходовую часть, подтянуть гайки, заменить свечи, подрегулировать зажигание и т. д. Да, и запретить водителю пить за рулем. Кое-чего мы должны добиться, но сверхзадачу не решим. Через пять лет вернемся к этим берегам и, боюсь, вздохнем печально».

Сам съезд подтвердил, что лимит доверия не бесконечен. Б. Н. Ельцин прямо сказал делегатам: «Нас не должна размагничивать постоянная политическая стабильность в стране». Вообще Ельцин стал самым модным политическим деятелем в стране. Он все «разносил» с неуязвимых позиций. Даже себя. Сказал так: «Могут спросить, а чего же не выступал так остро на прошлом съезде? Отвечу: не хватило смелости и политического опыта».

На этом съезде было всем заметно, что «ноги» у партии стали разъезжаться, как у коровы на льду. Е. К. Лигачев определил свою позицию как консерватор, когда резко одернул «Правду» за излишнее критиканство в статье Т. Самолис от 13 февраля 1986 года под заголовком «Очищение». В статье почти не было авторского материала, она вся состояла из выдержек из писем читателей — рабочих, крестьян. Идеи, содержавшиеся в ней, были бритвенно остры, вроде «Долой все спецкормушки!», «Между ЦК и рабочим классом колышется малоподвижный, инертный и вязкий

партийно-административный слой, которому не очень-то хочется радикальных перемен», «Очередь в партию — абсурд», «Нам не нужны формулировки типа «освобожден в связи с переходом на другую работу», скажите, за что снят и куда направлен».

Эта статья напугала многих сильнее, чем самая суровая критика с высоких трибун. Все, кого это касалось, отлично понимали разницу между критикой сверху и критикой снизу. От первой давно были выработаны средства защиты. Можно промолчать, можно поддакнуть в тон критике, можно кое-что сделать, а потом долго и громко докладывать о содеянном. Критика снизу— слишком сильнодействующее лекарство, допустимое в крайне малых дозах. Стоило чуть увеличить дозу, как у аппаратчиков началась «медвежья болезнь».

Съезд «пощекотал» партию левыми речами многих делегатов, но практических результатов не дал. Оценки его были противоречивыми. Ко мне домой зашли старые друзья с Кубы, присутствовавшие на съезде, и стали спрашивать, насколько прочен обновленческий путь, не будет ли контрнаступления «мастодонтов», не наткнется ли этот процесс на противодействие аппаратчиков. Я отвечал, что меня тоже волнуют эти вопросы, но в несколько иной редакции, а именно: хватит ли пороха, то бишь смелости и энергии, чтобы перелить слова в дела?

Съезд закончился комическим исполнением устаревшего гимна, когда секретари обкомов, министры, генералы, руководители партий и государств поют: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов…»

* * *

Мы в разведке были довольны тем, что В. А. Крючков, наш шеф, был избран в состав 304-членного Центрального Комитета. В середине марта 1986 года к нам в городок разведки Крючков привез делегацию от Свердловской партийной организации, которая была на съезде. Возглавлял эту делегацию тогдашний первый секретарь Свердловского обкома партии Ю. В. Петров. Конечно, их поразил наш чистый, хорошо спланированный «островок» с монументальными служебными зданиями и великолепным актовым залом на 800 человек. Ровные ряды дисциплинированных, прилично одетых, дружно аплодирующих молодых мужчин производят такое впечатление, будто посетитель попал в на редкость высокоорганизованный, эффективный и очень важный институт. Секретность придает

всему дополнительную загадочность. Люди, даже очень бывалые, чуточку теряются от этого впечатляющего антуража.

Но на этот раз настала наша очередь изрядно растеряться. Петров очень просто и умно рассказал о съезде, о своей области, третьей, подчеркнул он, в стране по производству промышленной продукции, о своих товарищах по работе. Потом стал говорить о планах на 1986–1990 годы, раскладывать задания по годам и сказал буквально следующее: «Нам здесь все ясно, но вот как добиться выполнения этих цифр, мы не знаем». Он обернулся к сидевшему за столом президиума своему товарищу, председателю Свердловского облисполкома, и спросил, согласен ли он с ним. Тот понуро кивнул. У меня почти перехватило дыхание… Если не знает он, первый секретарь крупнейшей парторганизации, то что же знает многоликий безответственный съезд, поставивший нереальные задачи?

Петров как будто понял по прошедшей волне в зале, что он сильно смутил слушателей таким признанием. Он стал вспоминать годы войны, когда производительность труда возросла в 7 раз за три года, когда родилось «советское чудо из чудес», но этим самым как бы подчеркнул беспомощность сравнения. Тот опыт неприемлем, он — священная могила.

Послесъездовское время сразу же заполнилось суетливой болтовней. Я сделал такую запись 28 июля 1986 года: «Нынешние дни запомнятся злоупотреблением слов и явным недостатком дела. Телевизоры не умолкают с утра до ночи, киоски полны газет и журналов, собрания, совещания наползают одно на другое. Залы для словопрений надо бронировать за две недели даже у нас в разведке. Все остальное время там точат лясы другие. Если бы эти толковища давали хоть какой- нибудь толк…»

Мы начали замечать тревожную тенденцию потери интереса со стороны политических руководителей к работе разведки. Меньше стало политических заданий, совсем прекратилась обратная связь, разрушалось взаимопонимание между ведомствами. В связи с чернобыльской аварией в деятельности научно-технической разведки наступило какое-то оживление, от нее потребовалась помощь в добывании кое-каких приборов, медицинских препаратов и т. д. Но это было скорее обращение к открытым связям и возможностям, которые имелись у сотрудников, находившихся за рубежом. Большая часть и приборов, и препаратов была открытой, и их можно было приобрести за деньги. К тому же весь мир откликнулся на нашу трагедию, проявив живое участие, и особых сложностей выполнение заданий не представило. Разведка старалась

закрепить за собой репутацию организации, работающей быстрее и дисциплинированнее других.

Внутриполитическая борьба все заметнее поглощала основное время и энергию руководителей: хозяйственные трудности, тяжелые катастрофы и аварии довершали грустную картину. Послы и резиденты вовсю старались привлечь внимание политического руководства к практическим вопросам международной проблематики. Но сама информация, приходившая из-за рубежа, мельчала по тематике, по содержанию, очень часто деградировала до описания реакции, с которой встречались за границей те или иные непременно «исторические инициативы» советского руководства.

* * *

В течение двух десятков лет мне каждое утро приходилось просматривать сотни телеграмм — как разведывательных, так и мидовских, и военных. 10 октября 1986 года я в сердцах записал следующее: «Информация по внешнеполитическим делам — это истинное бедствие. Груды бумаги, набитые тривиальными рассуждениями о текущих вопросах.

Многословие — родная сестра пустословия — главная черта «информации». Под грифом «секретно» засылается в Москву всяческая муть, почерпнутая из прессы, причем нередко с прямыми ссылками на нее. Объемы этих «сведений» и рассуждений столь громоздки, что пользоваться ими нельзя. Можно часами читать эту словесную шелуху, и в результате в душе лишь поднимается волна раздражения и отвращения к малограмотным писакам, носящим высокие дипломатические ранги или занимающим иные крупные посты.

И сколько постановлений ни принимает ЦК по поводу сокращения и упорядочения переписки, улучшения ее информативного качества, все идет коту под хвост. Все строчат и строчат с одной-единственной целью: авось заметят усердие. Бумага стоит пока выше дела».

Эти недостатки в равной степени относились ко всем авторам информации из-за рубежа. Но мы время от времени одергивали резидентов, посылая им указания о необходимости увеличивать информационную плотность документов, выжимать из них воду. Для послов таких препон не существовало, и не редкостью стали телеграммы в 10–20 страниц, на которых излагалось содержание беседы с каким-нибудь иностранцем, в то время как изложение

существа беседы занимало несколько строк.

Еще во времена Андропова в разведке было принято железное правило: любой информационный материал не должен превышать трех страниц. Это в равной мере касалось информационных телеграмм и аналитических документов. К аналитическим документам разрешалось в качестве приложения добавлять необходимые справочные материалы. Этого правила мы держались достаточно строго, хотя под различными предлогами, чаще всего под предлогом «важности», позволяли себе увеличить документ на страницу, но не больше.

Теперь этот «бурный поток» информации, унаследовавший в гипертрофированном виде все недостатки застойного периода, мало кого интересовал. Новый руководитель партии и государства по своим привычкам и характеру отличался от деятелей застоя. Про Брежнева ходили всякие анекдоты, подчеркивавшие его несамостоятельность в связях с внешним миром, выступления по бумажке. М. С. Горбачев взял другую манеру— ведение внешней политики методом импровизации с помощью до крайности узкого круга своих ближайших советников, среди которых главное место принадлежало Э. А. Шеварднадзе и А. Н. Яковлеву. По крайней мере именно они формулировали основные направления во внешнеполитическом курсе Горбачева. Роль профессионалов внешней политики была значительно урезана и в МИД. Об этом писали тогдашний первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко и покойный маршал С. Ф. Ахромеев в книге «Глазами маршала и дипломата» (критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г.). Упала роль политбюро в выработке внешнеполитического курса. В таких условиях роль других ведомств, включая разведку, оказалась совсем приниженной. В упомянутой книге Ахромеев писал: «Ни разу на моей памяти М. С. Горбачев обстоятельно военно-политическую обстановку в Европе и перспективы ее развития в 1986–1988 годах с военным руководством не обсуждал».

* * *

Мы в разведке были неприятно поражены появлением 15 января 1986 года заявления генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева о программе полного ядерного разоружения, рассчитанной на 15 лет. Поражены не только тем, что нас никто не привлекал к работе над этим документом, но и самим его

содержанием, волюнтаристским характером, оторванностью от реальной мировой действительности, политической, пропагандистской направленностью. Даже самый элементарный просчет возможной реакции в мире на это выступление мог бы убедить авторов в том, что оно не встретит никакой поддержки со стороны ядерных держав. Все четыре члена ядерного клуба не проявляли ни малейшего намерения всерьез приступить к ликвидации своих ядерных арсеналов. Но мало того, надо было еще задать себе вопрос, в состоянии ли Россия обеспечить свою безопасность и независимость без ядерного оружия. Что касается меня, то я глубоко убежден в том, что при обширности нашего в целом малонаселенного государства, при наличии к нам серьезных территориальных претензий со стороны некоторых соседей, при нараставшем научно-техническом отставании страны, при неблагополучном положении в ее обычных вооруженных силах отказ от ядерного оружия является самоубийственным для СССР и для России сегодня. Другими средствами мы не в состоянии надежно защитить свою территорию. Это утверждение вовсе не значит, что я сторонник сверхнормативных ядерных сил, безмерного накапливания опасного оружия, но страна на длительное обозримое время не может полагаться на другую военную гарантию своей независимости, кроме обладания достаточным и необходимым ядерным арсеналом.

Эта инициатива генерального секретаря стала головной в целой серии подобных мыльных пузырей вроде «общеевропейского дома», «общечеловеческих ценностей», которые сопровождали Советский Союз на Голгофу, к месту его распятия.

Мы однозначно приветствовали реальные подвижки в нашем мышлении, ориентированные на поиск путей выхода из тупиковых ситуаций. К ним относятся инициативы по выходу Советского Союза из Афганистана, все шаги, направленные на сокращение ядерных вооружений, свертывание наших обязательств перед странами «третьего мира» и др. Нам, как и всем гражданам, было понятно, что, только сбрасывая балласт из корзины воздушного шара, можно обеспечить полет на какое-то время, необходимое для ремонта несущей оболочки.

В конце сентября 1986 года довольно неожиданно на разведку обрушилось поручение принять участие в подготовке встречи на высшем уровне между Рейганом и Горбачевым в Рейкьявике, намеченной на 10–12 октября. С каждым разом наше участие в подобных мероприятиях приобретало все более «охранный» характер. Главные заботы Комитета государственной

безопасности концентрировались на обеспечении бесперебойной связи с главой государства и партии и личной безопасности. Даже при выборе самого места встречи учитывались эти факторы, уж очень допекали и раздражали шумные демонстрации добровольных и платных радетелей свободы, прав личности, которые, меняясь вахтами, несли пикетирование наших посольств и миссий, равно как и мест переговоров с участием советских руководителей.

Хорошо проводить переговоры в стране, где все население не достигает четверти миллиона человек, где «сионистов» всего 18 душ, где жители — прямые потомки викингов — молчаливы, сдержанны и полны собственного достоинства. Обстановка просто приятная. Если бы не шумная, нахальная толпа в 2,5 тыс. журналистов, саранчой осевшая в трех местных отелях, то можно сказать, что лучшего и искать не следовало бы. Для комфортного размещения нашей делегации к берегам Исландии пошли два корабля — плавучих отеля. Если в вопросах обеспечения связи и безопасности все было отработано специалистами КГБ до мельчайших деталей, то потенциал разведки оказался, по существу, не востребованным для подготовки содержательной части переговоров. Мы по собственной инициативе составили несколько документов по вопросам, вынесенным в повестку дня, направили их Горбачеву и не получили, естественно, никакого ответа ни от него, ни от его помощников.

Предварительное изучение программы пребывания Горбачева в Рейкьявике насторожило нас крайне ограниченным временем, отведенным первоначально для собственно переговоров. Ради чего надо было ехать за тридевять земель? За два дня, 11 и 12 октября, предполагалось уделить двусторонним переговорам только шесть часов. Я мысленно прикидывал: половину времени надо отдать переводчикам — останется три часа, затем разделить остаток на двух собеседников — и получалось, что каждый располагал временем в полтора часа, чтобы изложить свои соображения по сложнейшим вопросам, таким, как СОИ, стратегические системы оружия, ракеты средней дальности, подземные испытания ядерного оружия и т. д. Что можно сделать за столь короткое время, даже если предположить, что эксперты и министры будут трудиться все оставшееся время?

По ходу встречи время бесед было увеличено до десяти часов, и, хотя позиция Горбачева отличалась достаточной наступательностью, все импровизированное громоздкое мероприятие, если говорить нормальным человеческим языком, провалилось. Главный расчет на то, что удастся уговорить Рейгана отказаться от СОИ в обмен на крупномасштабное

сокращение ракетно-ядерных арсеналов, не оправдался. Кстати говоря, во всех материалах разведки постоянно присутствовали сведения о неготовности американского президента пойти на разумный компромисс, его увлеченности идеями СОИ. Но, видимо, наши материалы не принимались во внимание.

Встреча в Рейкьявике показала, что внешнеполитическое руководство страны скорее увлекалось внешней, показной стороной своих инициатив, их политической броскостью, но не было озабочено их практичностью и конкретностью.

* * *

В целом в это время и в последующие годы наблюдался заметный перекос в приоритетах государственного руководства. Все главные заботы должны были быть связаны с социально-экономическими проблемами, внутренней политикой, национальными проблемами, от их решения зависели и судьба строя, и завтрашний день государства, но руководство страны в лице Горбачева упорно тянуло в сферу внешней политики. Спокойному наблюдателю было видно, что Советскому Союзу предстояла длительная полоса сдачи некоторых внешнеполитических позиций, отступлений, перегруппировок сил. Такую черновую, невыигрышную работу разумнее было бы поручить упорным специалистам-профессионалам, которые бы лучше спланировали и осуществили неблагодарную стратегическую операцию по упорядочению внешней политики и приведению ее в соответствие с новым курсом страны и ее реальными возможностями. Но как отказаться от личного участия во внешне звонких, протокольно броских, помпезных встречах, шумных пресс-конференциях, почетных караулах из оловянных солдатиков, банкетах… На этом фронте все приятно. Пара-тройка колких вопросов во время пресс-конференции не в счет, язык, как известно, без костей. Зато какие репортажи на первых полосах газет, сколько телевизионного времени! Разве что-нибудь подобное можно выдоить из тяжких внутренних проблем? Встречи с гражданами своей страны изнурительны накалом недовольства и даже враждебности со стороны людей, уставших от пустомельства. Ответить им нечем, потому что нет ни программы действий, ни внутренней убежденности в правильности своего пути, ни материальных возможностей помочь людям.

Когда внешней политикой занимаются иностранные

государственные деятели, мы им прощаем определенную увлеченность, они ведь не несут никакой ответственности за экономическое развитие общества, рыночная экономика саморегулируется, а у нас государство являлось единственным владельцем всего производственного потенциала страны, на руководстве лежала и основная ответственность за экономическое благополучие страны и народа. Вот этим-то оно никак и не хотело заниматься, несмотря на кричащую необходимость.

Одна за другой следовали поездки Горбачева, не диктовавшиеся государственной необходимостью, лишь вызывавшие раздражение в самых широких кругах народа. Поползли злые слухи о роли супруги главы партии в этой деформации приоритетов Горбачева…

Начиная с конца 1986 года мне довелось принимать участие в рабочей группе межведомственной комиссии по вопросам разоружения. Она состояла из руководителей ряда министерств и ведомств, имевших непосредственное отношение к этой проблематике, — МИД, МО, руководителей военно-промышленной комиссии Совмина СССР, руководства нескольких отделов ЦК КПСС, КГБ. Условно эту комиссию называли «большая пятерка». При ней существовала рабочая группа, сформированная из экспертов этих министерств и ведомств («малая пятерка»), куда и я входил, представляя КГБ. «Большая пятерка» собиралась на Старой площади, чаще всего в кабинете секретаря ЦК Л. Н. Зайкова, а рабочая группа обычно заседала в здании Генерального штаба, в кабинете заместителя начальника Генерального штаба. В рассмотрении проектов документов, подготовленных в рабочей группе, участвовали эксперты, и мы были невольными свидетелями порядка выработки и принятия решений самыми высшими руководителями партии и государства.

Поскольку многие вопросы, которые там обсуждались в связи с направлениями развития науки и политики в области вооружений, и сейчас остаются национальными секретами, я остановлюсь лишь на том, как бессистемно и импровизированно принимались некоторые решения по важнейшим вопросам, связанным с безопасностью страны. У меня сложилось твердое убеждение, что никакой ясной концепции, а тем более осмысленной программы разоружения у нас тогда не существовало. Выдвигавшийся принцип «разумной достаточности» фигурировал только как словесная формула. Научно и экономически обоснованного военно-технического наполнения ее не существовало. Никто из политических или военных руководителей не смог бы тогда ответить даже сам себе,

в чем же выражалась эта «разумная достаточность», переведенная на язык количественных показателей вооруженных сил, вооружений, экономических затрат.

В ходе работы «большой» и «малой» пятерок все время «искрило» из-за плохих контактов между МИД и Министерством обороны. Собственно, сами контакты были нормальными, но подходы к решению проблем были пропитаны разным содержанием. Мидовские эксперты всегда отстаивали ту линию, которая могла гарантировать принятие и подписание соглашения американской стороной. Это была последовательная линия уступок. Она могла диктоваться ведомственным стремлением во что бы то ни стало добиться «результата» в виде очередного согласованного и готового к подписи документа. Складывалось впечатление, что дипломаты-профессионалы не выдерживали тягучих, трудных переговоров, отказывались от противоборства со своими американскими коллегами и готовы были пойти на сдачу позиций. Могли быть и другие причины. Отстаивая на рабочей группе те или иные позиции, они никогда не ссылались на то, что их точка зрения наиболее точно соответствует интересам государства. «Успешность переговорного процесса» заменяла им категорию «национальной безопасности».

* * *

Самым уязвимым местом в подходе Шеварднадзе и его сотрудников к переговорному процессу было то, что они работали бессистемно, хаотично, не подчиняя свои усилия и усилия других ведомств какому-то определенному принципу, лежащему в основе политики государства. В истории дипломатии известны эпизоды, когда дипломаты даже потерпевших поражение государств умудрялись спасти территориальную целостность и защитить интересы своих стран путем выдвижения какого-либо универсального принципа, выгодного своей стране. Например, после разгрома наполеоновской армии и высылки самого императора на остров Святой Елены над Францией нависла угроза расчленения, но ее тогдашний министр иностранных дел Талейран выдвинул на Венском конгрессе принцип «легитимизма», то есть торжества законности, и тем самым отстоял границы Франции. При создании системы Организации Объединенных Наций великие державы-победительницы взяли за основу принцип равенства государств и, в общем, последовательно провели его в жизнь. Даже во время

драматически тяжелых переговоров с немцами в 1918 году в Брест-Литовске учитывался принцип «мир во что бы то ни стало». А вот наши с американцами переговоры по разоружению велись без опоры на какой-либо принцип, иначе говоря, беспринципно.

Каждый раз, когда внимание МИД обращалось на необходимость определиться в этом краеугольном вопросе, его представители либо отмахивались, либо откровенно сердились. Предлагалось, в частности, положить в основу всех переговоров по разоружению принцип «равной безопасности», которому и подчинить всю дальнейшую работу. Один из членов нашей делегации в Женеве, где шли сами переговоры, как-то шепнул мне на ухо: «Не настаивай, не пройдет, мы уже пробовали обсудить этот вопрос в Женеве, американцы не согласились ни в какую». Через какое-то время все смирились с «принципом беспринципности», и вся работа устойчиво приобрела характер нервического реагирования на целенаправленное наступление американской стороны. От этого и заседания рабочей группы или даже «большой пятерки» носили не регулярный характер, а спорадический, в зависимости от активности делегации США. Временами нас начинало лихорадить, и заседания проводились каждые три-четыре дня, а потом наступало расслабление и месяцы проходили в прострации и бездействии.

Мне могут возразить, что, мол, и не обязательно изыскивать какой-то основополагающий принцип для переговоров. Могу согласиться, но в этом случае уместен вопрос: ради чего тогда ведутся двусторонние переговоры? Китай, например, не ведет ни с кем переговоров о разоружении, он определяет уровень своих вооруженных сил и вооружений самостоятельно, в зависимости от своих национальных потребностей. Он не насилует ни свою науку, ни промышленность, ни армию, подчиняя их чьей-то воле. Зачем нам переговоры, если мы не получаем ни равной безопасности, ни даже фиксации какого-то пропорционального соотношения наших вооруженных сил, ни признания исторически сложившейся их конфигурации? Не проще ли тогда пойти по пути самостоятельного, независимого формирования своих сокращенных оборонительных сил, освободившись от постоянно указующего перста партнеров по переговорам?

Руководство Министерства обороны и его эксперты придерживались принципа сохранения всего, что было накоплено за предыдущие годы. На них, пожалуй, и лежала главная ответственность за конкретную ненаполненность принципа «разумной достаточности». В результате весь переговорный процесс носил малоуправляемый характер. Приходилось либо приспосабливать нашу позицию к очередной выплеснутой в

печать «инициативе» Горбачева, либо отбиваться от американских предложений, которые они чаще всего выкладывали за столом переговоров в более отработанном для документа виде. Делегации СССР, которая вела переговоры в Женеве, приходилось весьма трудно, ее постоянно лихорадило. Одни требовали от нее результативности, а другие — твердости в отстаивании интересов безопасности.

Американцы чувствовали, а скорее всего, знали о постоянных межведомственных трениях, видели нестабильность нашей переговорной позиции и готовность к пересмотру уже заявленных точек зрения. Они строили свою тактику на переговорах на принципе неуступчивости, выдвижения предложений, ориентированных на сокращение количественных параметров наших вооруженных сил, на ограничение их боевых возможностей. Их совсем не беспокоил фактор времени, у них не было желания достичь немедленных решений любой ценой. Они последовательно вели линию на обеспечение себе односторонних преимуществ. Когда не удавалось в течение длительного времени вырвать что-либо у наших переговорщиков, американцы добивались своего на «высшем уровне».

* * *

За время работы в группе я так и не понял и никто ясно не мог ответить, когда и где Горбачев дал американцам согласие на уничтожение нашего самого совершенного ракетного комплекса «Ока» с дальностью стрельбы более 500 км, ведь этот тип оружия вообще не обсуждался на переговорах.

В Рейкьявике непонятно каким образом с языка у Горбачева сорвалось согласие признать американский тяжелый бомбардировщик, вооруженный гравитационными ядерными бомбами и ракетами с ядерной боеголовкой СРЭМ, за эквивалент одной боеголовки. Ни в какой рабочей группе этот вопрос не прорабатывался. Да и какому здравомыслящему человеку придет в голову приравнивать одну боеголовку к 24 ядерным ракетам, каждая дальностью до 600 км? Однако же это произошло вопреки самым очевидным интересам национальной безопасности. А потом, когда наш генеральный секретарь уже дал на что-либо согласие, мы считали невозможным пересматривать нашу позицию. Ведь все генеральные считались непогрешимыми, по крайней мере до момента своей смерти или снятия с поста.

В каких-то вопросах и самим военным не хватало

гражданского мужества, чтобы заявить о своих позициях по существу. Я помню, как каялся Сергей Федорович Ахромеев в том, что поставил свою подпись под документом, составленным в МИД, по которому СССР соглашался на то, чтобы военно-морские силы не обсуждались на переговорах по ограничению обычных вооружений в Европе. Это означало, что американцы сохранят подавляющее преимущество на морях и океанах, а мы будем с ними обсуждать в основном вопрос о сокращении сухопутных и военно-воздушных сил, в которых у СССР имелось некоторое преимущество. Продолжалась игра в одни ворота. И продолжалась она очень долго.

10 марта 1990 года в кабинете у Л. Н. Зайкова на Старой площади произошел эмоциональный взрыв. Я заранее предчувствовал крупную ссору на публике. Министерство обороны и отделы оборонной промышленности обвиняли МИД в том, что Шеварднадзе не прислушивается к мнению рабочей группы, более того, нарушает утвержденные к переговорам директивы и заявляет американцам такие позиции, которые наносят ущерб национальным интересам СССР. Это подтверждалось тем, что Шеварднадзе прекратил рассылать отчетные документы о своих переговорах с США, никто давно не знал, о чем Эдуард Амвросиевич вел диалог с госсекретарем Бейкером и какие обязательства МИД брал от имени всей страны.

Военные были крайне возмущены тем, что в начале февраля 1990 года на переговорах с Бейкером в Москве Шеварднадзе в обход рабочей группы дал американцам согласие на то, чтобы засчитывать за каждым тяжелым бомбардировщиком 10 крылатых ракет воздушного базирования с радиусом действия более 600 км, тогда как реально каждый такой бомбардировщик может нести вдвое больше — 20 крылатых ракет. В то время в строю у американцев имелось 110 тяжелых бомбардировщиков, и они получили, таким образом, наше согласие на преимущество в 1100 ядерных боеприпасов только по этому типу вооружений. Никто никогда не давал согласия на такую систему зачета.

Э. А. Шеварднадзе понял, что ему предстоят неприятные часы, и на несколько дней упредил нападавших, направив записку на имя Зайкова, в которой обвинил всю рабочую группу в неоправданном затягивании сроков рассмотрения предложений МИД. Такого мне видеть еще не приходилось: член политбюро жаловался на экспертов-исполнителей, причем без всяких оснований, просто так, чтобы раньше крикнуть: «Сам дурак!»

На заседании 10 марта 1990 года «забойную» роль взял на себя начальник Генерального штаба Михаил Алексеевич Моисеев, который в присутствии Л. Н. Зайкова, Д. Т. Язова, В. М. Фалина и

др. (Шеварднадзе не явился, прислав своего заместителя В. П. Карпова) прямо заявил о том, что из-за чиновничьего зуда как можно скорее подготовить документы о сокращении вооружений на подпись Горбачеву мы идем на необъяснимые и неоправданные уступки американцам, нарушая даже те договоренности, которые с ними были ранее достигнуты. США и СССР достигли согласия в том, чтобы иметь каждому по 1600 носителей ядерного оружия и по 6 тыс. боеголовок, но в результате последующих суетливых, неумелых маневров-ходов Шеварднадзе американцы приобрели право и наше согласие на то, чтобы иметь у себя не 6, а 11 тыс. боеголовок, то есть почти вдвое большее количество ядерных боеприпасов, установленных на носителях. Хотя слова Моисеева адресовались лично Шеварднадзе, но все присутствовавшие отлично понимали, что они бьют и по Горбачеву. Все мы не раз были свидетелями, когда споры в рабочей группе или в «большой пятерке» заходили в тупик, причем чаще всего руководители МИД оставались в одиночестве. Тогда, как правило, Шеварднадзе говорил: «Хорошо, оставим этот вопрос, я переговорю с Михаилом Сергеевичем». Это означало: «Ладно, сидите тут со своими возражениями, а мы поговорим и примем решение». Так оно и бывало чаще всего. Понимал направленность критики и Зайков, председательствовавший на заседаниях «большой пятерки». Он довольно грубо попробовал оборвать Моисеева, сказав: «Вы больно много себе позволяете!» — на что немедленно получил ответ: «Не больше, чем мне положено по моим служебным обязанностям».

Даже Язов стал успокаивать Моисеева, а дрогнувший Зайков примирительно сказал: «Ну хорошо, мы с Дмитрием Тимофеевичем переговорим, если надо — с Михаилом Сергеевичем».

Представители МИД молчали. Обстановка была до крайности нервной. Никакого привычного пиетета не чувствовалось. Каждый из присутствующих ощутил свою личную ответственность за завтрашний день.

Это заседание оказалось как бы итоговым. Зайков сказал в заключение, что впредь все мы, причастные к проработке вопросов разоружения, не должны упоминать о существовании комиссии ЦК КПСС как директивного органа. Теперь остается только Межведомственная рабочая группа как единственный конституционный орган для этих вопросов. Мы упреждали события. Партия еще не отказалась от своей «руководящей роли», еще не был избран президент СССР как полновластный заменитель генерального секретаря, а наша комиссия уже

прекращала свое существование.

* * *

Возвращаясь мысленно к годам вооруженного противостояния с Соединенными Штатами, не перестаешь удивляться самоубийственной безоглядности, с которой наше тогдашнее политическое руководство шло след в след по пути гонки вооружений за Соединенными Штатами. Они создали расщепляющиеся головные части ракет, мы ответили тем же; они стали развертывать крылатые ракеты, мы немедленно приступили к созданию такого же оружия; нам стало известно, что США обладают бинарным химическим оружием, мы тут же приступаем к идентичным разработкам и т. д. Асимметрия вооружений складывалась только там, где нас сдерживали производственные мощности. У нас меньше стратегической бомбардировочной авиации, но это потому, что наши авиастроительные возможности не позволяют развернуться на всю американскую амплитуду. Ведь любой член политического руководства знал, что производственный потенциал США примерно в 2 раза мощнее нашего, что качество рабочей силы у них намного выше, ниокровские работы не в пример лучше организованы и технически обеспечены, что нам просто нельзя по законам экономики «тянуть из себя жилы» на их уровне. И все-таки мы упорно совали свою голову под гильотину, настолько велико было влияние разросшегося военно-промышленного комплекса, требовавшего все больших и больших ассигнований. Когда в 1983 году уважаемый и умнейший за последнее время руководитель партии и государства Ю. В. Андропов принял решение уйти с переговоров в Женеве только потому, что там не учитывались атомные потенциалы Англии и Франции и американцы не соглашались с принципом, что военный потенциал СССР должен быть равен суммарному ядерному арсеналу США, Англии и Франции, то оставалось только схватиться за голову. Неужели мы намеревались всерьез вешать на себя хомут вооружений, равных вооружениям США, Англии и Франции, вместе взятым?

Сам для себя я все время искал пути решения проблемы безопасности страны без очевидного смертельного риска для ее экономики, без ее экономического истощения. Мне приходили в голову самые сумасшедшие идеи. Я часто делился ими в самом узком кругу своих друзей. Например, обращая их внимание на то, что американцы никоим образом не соглашаются на наши

предложения об отказе от направленного воздействия на природную среду, от идеи так называемых «метеорологических войн», более того, они активно работают в этом направлении, я высказывал мысль о том, что следует сосредоточить внимание наших специалистов на создании глобального оружия, применение которого было бы одинаково опасно для любого из противников в будущей войне. Мне представлялось, что следует отказаться от психологии, основанной на возможности победы в будущей войне; именно на этих уже отживших расчетах строили свою доктрину наши военные, но еще больше этой психологией руководствовались наши потенциальные противники. Ликвидировать такие расчеты можно только путем создания «глобального оружия», которое сделало бы бессмысленной и ненужной гонку вооружений. Собственно, такое оружие уже фактически существовало в виде ядерных вооружений. Но ведущие военные державы уже исподволь готовились к дозированному его применению, ведя работу по их миниатюризации. Велись и теоретические проработки, связанные с ограниченной ядерной войной, проводились испытания новых боеприпасов. Глобальная роль ядерного оружия размывалась. Военные опять привыкали к мысли о возможности выиграть войну с помощью ядерных вооружений.

Если партнеры не соглашались на принятие принципа «равной безопасности», его можно было заменить принципом «равной опасности». Реальная угроза всеобщей катастрофы непременно заставила бы искать пути разумного налаживания жизни на Земле. Зато мир избавился бы от непомерных расходов на бессмысленную гонку вооружений, от истощающего психического напряжения перед ожидаемым конфликтом. Кто-то даже сформулировал эти размышления так: «Что лучше — страшный конец или страх без конца?» А в самом деле, что лучше: «Умереть стоя или жить на коленях?» Я уверен, что можно было жить вечно стоя, без страха в ожидании конца. Как хорошо было бы жить в мире, где по дорогам не ползают отвратительные бронированные чудовища, в небе не выжигают кислород, оставляя шлейфы отравы, армады военных самолетов, по морям не плавают безобразные стальные ящики, набитые, как тараканами, самолетами и вертолетами, а под водой не бродят акулоподобные субмарины, несущие только смерть в своих ракетных отсеках. И все грозят, грозят, грозят… Уж лучше вместо всех этих бесчисленных и постоянно множащихся угроз иметь одну, смертельную, а потому практически невозможную к реализации, и жить спокойно.

Мне говорили, что в этом случае противостоянию двух

военных блоков вынуждены будут подчиниться и другие народы, которые также подвергнутся воздействию «глобального оружия». Я отвечал, что они уже подвергаются негативному воздействию военного противостояния: они не получают для своего развития нужной помощи извне, они вынуждены защищаться в этом враждебном мире, с оглядкой на внешние факторы вести свою торговлю, политику.

* * *

Пока на внешнеполитических фронтах наблюдалось довольно беспорядочное отступление, стыдливо занавешиваемое драненьким покрывалом «нового мышления», внутри страны шел опасный, неконтролируемый процесс раскачивания лодки. В 1986 году Горбачев, в отличие от Андропова, попробовал в открытую помериться силами с националистическими партийно-государственными кланами в республиках. Он наверняка был знаком и раньше с имевшимися материалами о поведении Рашидова в Узбекистане и теперь дал им ход. Возникло так называемое «хлопковое дело», в результате которого прояснилось подлинное лицо Рашидова — очковтирателя, бая, распоряжавшегося целой республикой, как своим феодальным поместьем.

В октябре того же года из компартии был исключен Усубалиев, недавний первый секретарь ЦК компартии Киргизии. Общая картина перерождения та же: взяточничество, обман центрального правительства, кумовство и пр. При нем всегда был второй секретарь, некто Макаренко, который тоже был исключен из партии. Усубалиев, состоявший к тому времени на партучете Общества по охране исторических и архитектурных памятников, попросил разрешения выступить в свою защиту в ходе собрания. Он в течение четырех с половиной часов говорил и говорил, пытаясь откреститься хотя бы от части грехов, но все оказалось напрасным. Рядовые члены партии остались непреклонны.

В развитие начатой политики было арестовано несколько первых секретарей обкомов Узбекистана и крупных партийных работников из Туркмении. У одного из них при аресте изъяли 6,5 млн. рублей, что по тем временам было огромной суммой.

Горбачев не представлял себе, видимо, силы сложившихся национально-партийных мафий. Несколько позже он, выступая перед камерами телевидения, называл их (имея в виду Армению) «политическими авантюристами, рвущимися к власти, мафией,

противящейся перестройке». Однажды в сердцах даже бросил такую фразу: «Мы доберемся до них и в Армении, и в Азербайджане!» Нет, не добрался! «Дерево надо рубить по себе», — говорит старая русская пословица. Он только вспугнул сложившиеся группировки, насторожил их и, если хотите, провоцировал сепаратистско-националистические настроения.

Борьба с преступностью партийно-государственных верхушек в союзных республиках оказалась такой же контрпродуктивной, как и борьба с алкоголизмом. Причина — неподготовленность, переоценка собственных сил, никудышный расчет перспектив…

В конце 1986 года было достигнуто соглашение об уходе из Афганистана в течение двух лет. Этот шаг заслуживает безусловного одобрения, хотя он и был предпринят с запозданием. Обсуждая в своем кругу это решение, мы вспоминали уход Франции из Алжира, Соединенных Штатов — из Вьетнама и делали выводы о том, что последствия будут разными. И в том и в другом случае наши предшественники по интервенциям терпели военные поражения или по крайней мере убедились в невозможности достижения поставленных целей военным путем, в неприемлемости политических издержек, связанных с продолжением интервенции. В этом отношении наши судьбы были схожими. А дальше пути расходились. У Франции с Алжиром и у США с Вьетнамом с окончанием войны завершался период взаимной враждебности, начинались поиски путей сотрудничества, победители стремились к экономическому взаимодействию с побежденными, они проявляли крайнюю заинтересованность не только в сохранении, но и в развитии двусторонних отношений. Экономический фактор начинал свою вечную созидательную работу. Развязка нашего конфликта и уход из Афганистана вряд ли могли привести к восстановлению прежних, хотя бы прежних, отношений с этой страной. Мы были слишком беспомощны в экономическом отношении, чтобы всерьез рассчитывать на создание новой, более прочной основы для сотрудничества.

Запад, который с таким неистовым остервенением эксплуатировал афганскую тему в период пребывания там советских войск, чтобы нанести максимальный ущерб СССР, теперь на глазах терял интерес к этой израненной, многострадальной стране. А уж когда советские войска покинули Афганистан, сама тема отошла на далекий, задний план мировой политики. Как выяснилось, никого, собственно, глубоко и не интересовала судьба самого народа Афганистана. Никто не торопится прийти на помощь раздираемому братоубийственной войной народу, никого не волнует возросшее число жертв.

Западники просто-напросто эвакуировали свои посольства из Кабула, «умыли руки» и предоставили судьбе несчастное население.

* * *

В разведке по-прежнему падал накал работы. Теперь уже с горечью вспоминаю, что нередко в руки попадали очень интересные дела, за которые в другое время, без сомнения, надо было работников представлять к орденам, а теперь интерес к ним почти угасал. Разведка потеряла своих адресатов, заинтересованных потребителей информации. Меня не покидала мысль, что наши ведущие политические лидеры пели, как глухари, свою собственную песню, не обращая внимания ни на что. Они не видели и не слышали ничего вокруг. Иногда поражало полное, стопроцентное расхождение в оценке окружающей политической действительности. Например, весной 1988 года по указанию тогдашнего председателя КГБ В. М. Чебрикова мне пришлось совершить поездку по трем прибалтийским республикам с задачей составить реальную картину политической обстановки в этом регионе. Разумеется, все основные сведения были уже известны, но лишний раз убедиться с помощью «свежего глаза» было нелишне. В течение почти трех недель я находился в поездке, провел несколько десятков встреч с представителями партийного и государственного аппарата этих республик, обстоятельно проанализировал ситуацию с нашими коллегами из комитетов государственной безопасности, побывал у представителей местной интеллигенции, в колхозах, на предприятиях. Эту поездку мы совершили вместе с опытным разведчиком генералом Ромуальдом Анатановичем Марцинкусом, литовцем по национальности, прекрасно знакомым с проблематикой прибалтийских республик.

По возвращении я доложил лично Чебрикову свои выводы, суть которых сводилась к тому, что сформированные новые общественно-политические структуры вроде «Саюдиса», народных фронтов и др. ведут дело к полному отрыву республик от Советского Союза, к восстановлению буржуазных порядков. Бездеятельность центральных властей, отсутствие ясности в их позиции парализовывали активность тех сил, которые имелись в каждой республике и которые убежденно выступали за сохранение Советского Союза. В качестве предложения о возможной линии поведения я сформулировал мнение о

необходимости предоставления этим республикам реального хозрасчета, при котором они сохранили бы полную независимость в хозяйственном развитии, не разрывая связи с Союзом. Поскольку главным содержанием программы оппозиционных сил был протест против «экономического ограбления» региона, то следовало бы дать этим республикам определенную свободу. Предлагалось предоставить им особый статус автономии, наподобие того, которым пользовалась Финляндия в составе Российской империи. На такой основе можно было сплотить значительные общественно-политические силы и удержать от разрыва союзные отношения. Непринятие энергичных мер грозило нарастанием жестко сепаратистских настроений со всеми вытекающими последствиями.

Каково же было мое удивление, когда я узнал об оценках ситуации в Прибалтике, сформулированных А. Н. Яковлевым, съездившим туда чуть позже! Из его слов вытекало, что ничего тревожного в регионе не происходило, что общественно-политические структуры были ориентированы на поддержку «перестройки», никакой угрозы целостности СССР не было. Любой непредубежденный наблюдатель мог увидеть опасные для СССР политические метастазы, и только Яковлев рисовал совершенно неадекватную реальности картину. Предположить, что он не видел реалий, невозможно.

* * *

Судьбе было угодно свести меня с ним в эти годы. Речь идет не о личных встречах, а о параллельных оценках ситуаций. В конце 1989 года назначенный уже председателем КГБ Крючков распорядился, чтобы я выехал в ГДР и использовал все имевшиеся возможности, дабы вынести заключение о перспективе сохранения ГДР как независимого государства — союзника СССР. Год этот, как известно, стал фатальным в истории ГДР, которая только что, в октябре, отметила 40 лет со дня своего создания. По случаю этой даты в Берлин приехал Горбачев, принеся сюда кометный хвост «перестройки». Э. Хонеккер, сторонник сохранения твердой системы, называемой командно-бюрократической, был изолирован, а вскоре устранен с поста руководителя партии и государства. Началась чехарда политических временщиков, усилился напор по всем каналам из Западной Германии, 9 ноября 1989 года была открыта государственная граница. В этот день газеты вышли с

уникальными полосами, на которых было написано всего два слова: «Спасибо, Горби». Ни о какой демократизации или социалистическом обновлении речи не шло, хотя Горбачев и наша печать именно об этом и твердили.

Прибыв в Берлин, я связался с нашим представителем генералом Анатолием Георгиевичем Новиковым, умным и честным солдатом и прекрасным человеком. Вместе с ним мы составили план работы и начали энергично собирать информацию. Опять бесконечные беседы, бессонные ночи, встречи, встречи, встречи. Наконец настало время докладывать в центр о наших выводах. Они были суровыми и не оставлявшими никаких сомнений. Мы с Новиковым (телеграмму мы подписывали вдвоем) сообщили в центр, что никаких шансов на сохранение ГДР в качестве самостоятельного, суверенного государства — члена Варшавского пакта нет, равно как практически нет и шансов на сохранение в ГДР социалистического строя. Националистические страсти захватили полностью страну, политическое руководство, состоящее из новых людей, не может овладеть ситуацией.

Мы рекомендовали избавиться от всяких иллюзий и начать планировать наши практические шаги, в том числе касавшиеся пребывания нашей армии и экономических отношений с ГДР, исходя из реальной обстановки. Нам достоверно известно, что эта телеграмма легла на стол Горбачеву. Буквально через пару дней после ее отправки в Берлин прибыл А. Н. Яковлев. Не исключено, что телеграмма могла послужить поводом для его приезда, потому что ранее он не планировался. Я по газетам видел, что Яковлев ходил буквально по тем же кабинетам, где тремя днями раньше побывали и мы (правда, у нас круг контактов был значительно шире), подолгу беседовал с нашими дипломатическими представителями. Но когда пришлось знакомиться с изложенными на бумаге результатами его поездки, то пришлось подивиться вялости, размытости, уклончивости формулировок.

* * *

Политическое руководство оказалось неготовым к стремительному крушению социализма в странах Восточной Европы, хотя сигнал об этом дал сам Горбачев, поехавший в декабре 1988 года на сессию Генеральной Ассамблеи ООН и, как всегда, не удержавшийся от соблазна выдать новую «инициативу»,

заявив об отмене «доктрины Брежнева». Я уже говорил, что «доктрина Брежнева», если иметь в виду использование военной силы для поддержки социалистических порядков в странах Восточной Европы, была на деле отменена за восемь лет до этого, когда мы отказались поддерживать силовыми методами военное положение в Польше. И это не было исключением. В мае 1993 года в мексиканской газете «Соль де Мехико» появилось интервью с Раулем Кастро, который рассказал, что именно в 1980 году, во время его пребывания в Москве, он был приглашен на встречу с группой членов политбюро, которые жестко и открыто заявили ему, что Советский Союз не станет воевать за Кубу и что кубинцам впредь надо полагаться на собственные силы. Весь 1989 год был годом крушения социалистических режимов в Восточной Европе. Ни Горбачев, ни кто-либо другой не сделали никакой попытки скоординировать свои усилия на согласованной программе перестройки. Клич был один: «Спасайся, кто как может!» Не спасся, как известно, никто.

Государство разрушается

Пребывание в кабинете заместителя начальника разведки в «Ясенево» становилось невыносимо тягостным. Очевидная ненужность всяких наших усилий, бессилие при виде рушащихся позиций государства, особо острая боль от легко просматриваемой перспективы национального унижения, распада, лживость и пустопорожность бесчисленных выступлений так называемых членов руководства — все это угнетало. Поэтому я с радостью прочитал полученное мной через друзей письмо бывшего адъютанта генерала Омара Торрихоса — лейтенанта Хосе де Хесуса Мартинеса, который приглашал меня в Панаму от имени фонда Торрихоса. Правда, между строк легко прочитывалось, что командование Национальной гвардии в лице генерала Антонио Норьеги выражает заинтересованность во встречах со мной для двусторонних консультаций. Понимая, что для разведки в Панаме уже не остается особых интересов, я переговорил с представителями МИД, Министерства внешней торговли, Министерства рыбного хозяйства, руководителями Аэрофлота. У меня набрался объемистый пакет вопросов, практическое решение которых могло бы дать нашей стране прямую выгоду. В правительстве решили, что, располагая довольно солидными связями в Панаме, я сумею провести переговоры успешнее, чем действовавшие до того представители различных ведомств. Получив «добро», я отправился за океан.

Мой план был прост: договориться в принципе об установлении дипломатических отношений между СССР и Панамой или на худой конец открыть консульства, чтобы заработал нормальный постоянный канал межправительственных отношений. Далее предполагалось достичь соглашения о ремонте наших рыболовных судов в панамских мастерских, дабы не гонять их за тридевять земель в базы приписки. За ремонт наши рыбаки были готовы платить частью своего улова, надо было только оговорить наше право торговать рыбой.

Предстояло отрегулировать условия чартерных рейсов самолетов Аэрофлота, которые предназначались для смены экипажей рыболовецких судов. Задачи носили совершенно очевидный народнохозяйственный характер, и всякие домыслы о зловещих подрывных замыслах пусть останутся на совести их примитивных сочинителей.

* * *

Первым делом по прибытии в Панаму я посетил памятные для себя места, связанные с генералом Торрихосом. Сопровождаемый постоянно лейтенантом Хосе де Хесусом Мартинесом (Чучу), я побывал в городском доме покойного генерала, где был организован музей. Войдя в бывший кабинет Торрихоса, я остолбенел… спиной к нам стоял сам Торрихос, слегка склонившийся к огромной карте Панамы, занимавшей всю заднюю стену кабинета. Мне показалось, что он сейчас обернется и спросит, как бывало: «Привет! Как долетел, какие новости из Москвы?» Его фигура, его поза, его мундир, до боли знакомая шляпа с загнутыми полями… 14 молчание… Такого впечатления я никогда не испытывал при встречах с восковыми фигурами. Их выдают фальшивые лица. Здесь же лицо было в памяти моего сердца, все остальное — как в жизни.

В другой комнате мое внимание привлекла фотография похоронной процессии 4 августа 1981 года, когда Панама провожала в последний путь своего самого яркого национального героя. Я не мог оторвать глаз от центральной фигуры траурного шествия — кавалерийской лошади под седлом, к которому пристегнута генеральская сабля. На седле шляпа и фляга покойного. В стремена вставлены его сапоги, но только носками назад. Эта булгаковская деталь несла в себе такую глубокую жуткую мистику, что мурашки начали бегать по спине.

Я упросил свозить меня и в Фаральон, где впервые увидел генерала. Читаю свои записи: «Все там уже не так. Раньше дом не имел ограды и свободно дышал всеми порами. Теперь он обнесен высоким кирпичным забором, по верху которого тянется противная гряда из битого бутылочного стекла. Чучу с трудом достучался. Вышел плюгавенький человечек, который впустил нас в дом.

Слава богу, стоит еще дом охраны и навес, под которым всегда сидели солдаты. Сейчас все зарастает травой, даже бетонная вертолетная площадка перед домом. Пристройка, где раньше находились «главная спальня», дававшая когда-то мне приют, снесена. Дом как бы потерял родного брата, осиротел. От моря его теперь отделяет проволочная сетчатая загородка с колючей проволокой поверху. Теперь уж не подойдешь, как бывало, к урезу Тихого океана, да и перебрасываться колкими словечками с бредущими домой по берегу пьяненькими рыбаками через такую изгородь несподручно. А генерал так любил эти разухабистые перебранки-диалоги с ними…

На веранде все так же, только гамак генерала висит иначе,

нескладно. В доме все помечено печатью смерти и запустения. Все комнаты закрыты, кроме гостиной, где стоят фотографии его родителей, снимок генерала с красавицей женой Ракель и еще с каким-то, судя по лицу, европейским политиком. Они всегда бывают сытые, гладкие, самодовольные. У генерала никогда не бывало на лице такого выражения, на нем лежали следы глубокого сострадания к людям».

* * *

Вздохнув — прошлое, увы, невозвратно, — я вернулся в столицу и занялся практическими делами. За пять дней, с 16 по 20 января 1989 года, удалось провести с дюжину важных встреч и бесед с руководящими деятелями страны. Среди них были замминистра иностранных дел Хосе Мария Кабрера, посол Панамы в ООН, советник Норьеги профессор Ренато Перейра, руководители политических партий и организаций. Целый день был посвящен беседам с генеральным прокурором республики Карлосом Вильяласом и начальником Панамской службы по борьбе с наркотиками Луисом Киелем. Встречи с ними были организованы по моей просьбе, мне хотелось убедиться, насколько обоснованны были обвинения американцев в адрес генерала Норьеги в участии в наркобизнесе, ибо я не чувствовал бы себя спокойным, если бы оставались сомнения.

Генеральный прокурор сообщил, что обратился официально к властям США с просьбой предоставить имевшиеся у них данные о причастности генерала Норьеги к наркобизнесу, однако получил отказ. Он далее рассказал, что основные обвинения в адрес Норьеги базируются на показаниях некоего Мильяна Родригеса, который в свое время был арестован панамскими властями за участие в торговле наркотиками и следствие по делу которого велось совместной американо-панамской группой, но затем он был выдан США и после шестимесячного пребывания в тюрьме в США вдруг начал давать показания против Панамы, что вызвало серьезные подозрения.

Мне рассказали о том, что Панама получила Золотую медаль Международной организации по борьбе с наркотрафиком, что в стране имелась единственная в Латинской Америке школа служебного собаководства, специализировавшаяся на обнаружении тайников с наркотиками. Более того, американские авиакомпании, самолеты которых летают из Южной Америки в США, специально просили панамцев проводить обследования их

лайнеров во время остановок в Панаме, чтобы избежать тяжелых штрафов и другой юридической ответственности в случае обнаружения на борту наркотиков по прибытии в США. Объяснения были достаточно убедительны в том, что касается страны и ее правительственных структур. О самом генерале Норьеге мы, естественно, не говорили.

19 января состоялась встреча и с генералом. Разговор шел в присутствии нескольких человек, я не возражал против кино- и фотосъемок, так что ни о какой разведывательной деятельности, секретности речи не могло быть. Да и сам разговор носил политический характер. Норьега говорил о долготерпении панамцев, их выдержке, умении не поддаваться на провокации, навязчивом желании американцев сорвать выполнение договоров о передаче Панаме канала и его сооружений 1 января 2000 года. Были определены основные направления развития советско-панамских отношений.

Трудно было представить себе, что ровно через 11 месяцев США нанесут по крошечной Панаме чудовищный военный удар, сотрут с лица земли казармы и штаб-квартиру Национальной гвардии, расположенные в самом центре густонаселенного района столицы, погубят тысячи ни в чем не повинных жителей из бедных кварталов, вплотную окружавших здания, занятые Национальной гвардией. Мир так и не узнает точного числа жертв этой агрессии. И все это будет представлено как акция, направленная на поимку одного генерала Норьеги, виновного в наркобизнесе. В нормальном международном сообществе подобные цели такими варварскими средствами не достигаются. Кровь невинных детей, стариков, простых трудяг, обильно пролитая американцами в дни агрессии, всегда будет стучать в сердце честного панамца, как пепел Клааса стучал в сердце Тиля Уленшпигеля.

* * *

Наступил день прощания, я знал, что это скорее всего прощание с Панамой навсегда. Уже в самолете я записал: «Карибы! Это особый мир, как мир цирка, оперетты, трагического римского Колизея. Здесь все друг друга знают, чуть ли не родственники в каком-то колене. Слабость и уязвимость каждого карибского государства делают их руководителей хитрыми, ловкими и умными. Торрихос говорил, что быть руководителем крупной державы — нехитрое дело. Сила есть — ума не надо. Чем

могущественнее держава, тем прямолинейнее, незатейливее и просто глупее бывают ее руководители. Я люблю карибских политиков за их детскую наивность, за их мелкие тактические обманы, за легкость «на подъем», за простоту и человечность в общении. Да мало ли за что еще! Я их люблю, и конец делу. Они стали частью моей жизни, лучшей ее частью. Я понимаю Грэма Грина, который тоже влюблен в Карибы и посвятил им столько книг. Я полюбил их 36 лет назад, когда познакомился с Раулем Кастро на борту «Андреа Гритти», и до сих пор не изменяю им и Мексике, моей постаревшей второй родине-матери.

Мне жаль расставаться с Карибами, их руководителями, кокосовыми поясами вдоль пляжей, душной жарой, невыносимой голубизной моря и чудесными жителями этого райского уголка, созданного природой… Пора вешать, как говорят профессиональные боксеры, перчатки на гвоздик. Своему правительству мы, в общем, никогда не были нужны. Оно и без нас все давно знало».

С какой бы миссией ни находился за рубежом наш брат, с оперативно-разведывательной или чисто дипломатической, противник, то есть спецслужбы США и других стран, все равно будет видеть в нем крайне нежелательную личность, опасного врага, все равно будет ставить наружное наблюдение, вести прослушивание его гостиничного номера, изводить провокационными звонками, давить, как говорят, на все мозоли. Даже если разведчик, известный американцам по какой-либо причине ранее, включался в состав официальных советских делегаций, все равно он «пользовался» особым вниманием и становился первой мишенью любых компрометирующих акций.

* * *

Возвращение на родину всегда бывает для разведчика праздником, ведь только под родным небом сбрасываешь с себя железные обручи повышенной настороженности, тяжелые вериги самодисциплинированности. Все существо против воли даже как-то рассупонивается, и душе просторно, она не съеживается в комок. Но на этот раз встреча с родиной не радовала. Все мои коллеги по разведке признавались, что работают, как заведенные куклы, действуют по ранее заданной самими себе программе. Я записал в те дни: «Мы едим, пьем, ходим на работу, моргаем, спим, не в полной мере понимая, что то государство, служению которому была отдана вся жизнь, рушится на глазах, и мы

бессильны помочь Отечеству. Я не стыжусь, что служил величию и славе Родины. Мне стыдно, что среди моих соотечественников нашлось столько грошовых душонок, которые радуются крушению Родины, ее бессилию и немощи, выдавая их за добродетель».

С другой стороны, я ведь давно знал, что тектонические изломы в судьбе нашего народа неизбежны, что жить по-старому мы бы все равно не смогли. Своей дочери Ирине я за десяток лет до наших дней внушал, что ей придется жить в ином обществе, что она будет свидетельницей бурных социальных потрясений. Рождение в 1986 году внучки Натальи я воспринял как символ рождения новой, перестроенной жизни Родины. Но я был уверен, что накопленного общественного разума, цивилизованности должно было хватить, чтобы провести неизбежные перемены без потерь для народа, для миллионов и миллионов тружеников земли нашей. И в этом я ошибся.

1989-й, год крушения социалистической системы в Европе, стал одновременно и годом установления реального двоевластия в СССР. Б. Н. Ельцин постепенно превратился в лидера оппозиционных сил, противостоявших коммунистической партии. 27 марта состоялись первые выборы в новый, реформированный парламент — Съезд народных депутатов, из числа которых должен был быть выбран постоянно работающий Верховный Совет СССР. Выборы проходили впервые на многопартийной основе. В Москве гвоздем всей избирательной борьбы было противостояние двух кандидатов в депутаты: Б. Ельцина, сохранявшего пост первого заместителя председателя Госстроя, и Е. Бракова, генерального директора ЗИЛа, поддержанного официальными властями. Все недовольные политикой партии и правительства оказались в лагере Б. Н. Ельцина. Они выделялись своей многочисленностью, активностью, непримиримостью.

Руководители КПСС, демонстрируя вопиющую политическую близорукость, совершали одну ошибку за другой. Они почему-то держали «в секрете» текст выступления Ельцина на пленуме ЦК в октябре 1987 года, когда он заявил об отставке с партийных постов и сделал тем самым шаг к своей большой политической карьере. Только теперь заявление появилось в печати и поразило своей бессодержательностью. Сбивчивая речь, клочковатое изложение, что вот, мол, темпы перестройки медленные, что она теряет поддержку в народе, что кое-кто опять начинает славословить генерального секретаря… И все. Теперь любой щелкопер мог написать в сто раз больше и хлеще. Но ведь люди в течение полутора лет домысливали содержание этого выступления. Они приписывали новому Робину Гуду все, что

хотели бы сами сказать в глаза партбюрократии. Рождались легенды об обличительных филиппиках, направленных против Раисы Максимовны, занимавшейся якобы скупкой драгоценностей и нарядов и стонавшей от удовольствия, когда ее снимали телевизионные камеры.

Перед самыми выборами в начале марта какой-то крепко сколоченный партдурак додумался составить «секретный» документ против Ельцина и разослать его всем партийным организациям Москвы. В этой бумаге — без адресатов и без авторов — Ельцина обвиняли в нигилизме, в попытках расколоть руководство, в саморекламе и пр. Никаких рекомендаций в документе не давалось, людей «просто» знакомили с его содержанием. Это была грубая политическая ошибка, вернее, глупость. Даже самые дисциплинированные члены партии были поражены бестактностью такой формы анонимного нашептывания. Когда слух об этом подметном письме распространился по Москве, вспыхнул скандал. Секретари райкомов партии стали изымать документ. Но дело было сделано. Б. Ельцин стал чем-то вроде протопопа Аввакума, страстотерпца и великомученика. Лучшего подарка никто бы ему сделать не мог.

16—17 марта пленум ЦК делает очередной политический ляпсус. Якобы от группы рабочих — членов ЦК вносится предложение создать комиссию по расследованию деятельности Ельцина. Это уж совсем оказалось не в духе времени. В защиту Ельцина встали даже те, кто вчера о нем и слыхом не слыхал. Начали создаваться инициативные комитеты, общества в его защиту.

Во Франции говорят: «Если умер — то надолго, а если дурак — то навсегда». 19 марта руководство совершает еще одну глупость. В этот день в парке имени Горького должна была проводиться с согласия Моссовета демонстрация-митинг в поддержку Ельцина. Однако милиция его запретила. Тогда 20 тыс. сторонников Ельцина, смяв жиденькое милицейское оцепление, прошли на Советскую площадь и провели митинг там, потребовав от Горбачева дать Ельцину доступ к средствам массовой информации для изложения своей программы, поместить информацию об этом митинге и распустить комиссию по расследованию деятельности Ельцина. Через пару дней Горбачев капитулирует и дает указание о публикации платформы своего противника. Ельцин, распаленный успехом, требует теперь ликвидации руководящей роли партии, постановки ее под контроль народных депутатов.

На выборах 27 марта 1989 года Ельцин получил около 90 % голосов и стал общенациональным лидером, поддержанным

многомиллионной армией москвичей. Строй, основанный на господствующем положении партии, лично Горбачев получили торпедный удар прямо в борт. Теперь они обречены все время увеличивать крен, набирая воду в пробоину, пока вся система не перевернется вверх днищем.

* * *

Все, что происходило потом, несло на себе печать катастрофического упадка власти в центре, вызванного честолюбивым соперничеством между Ельциным и Горбачевым. Помимо всего прочего, само качество этих двух лидеров, их непримиримая драчливость отталкивали от России, от центра бывшие союзные республики. Никому не хотелось вмешиваться или оказаться втянутым в сутяжное противостояние.

Вихрь «черной» беспросветной информации о положении в стране крутит-вертит людей, слепит им глаза, валит с ног, сбивает с толку. Он дует отовсюду: извне и изнутри. Ельцин стращает Горбачева призраком волны насилия, гражданской войны. Запад перестает верить нам. 27 сентября 1989 года я записал, что начальник восточного отдела «Дойче банк» в беседе с крупным партийным работником прямо сказал, что на Западе больше не верят в стабильность в СССР. Кредитоспособность нашей страны поставлена под сомнение (ее ведь никогда не проверяли в серьезных делах). Займов больше не дадут, хотя всего год назад их предлагали наперебой. «Вы уж извините, — говорят теперь, — но как партнер вы непривлекательны». Почти такую же беседу провел с послом в Италии Луньковым генеральный директор концерна ФИАТ Аньелли, сказавший: «Вы уже четыре года митингуете и не работаете. Мы и то устали. Не ждите от нас подачек. Надо наконец наводить порядок и делать дело!»

Группа экспертов Федеральной резервной системы США вернулась из поездки в СССР в ужасе от увиденного. Их потрясла дезорганизация наших финансов. Они не могли представить себе, как нынешний рубль, имеющий сто различных обликов, может быть связующим элементом всей экономической системы. «Это все равно, — говорят они, — что пользоваться метром разной длины при строительстве».

В середине октября 1989 года Горбачев, действуя в духе прежних традиций, собрал руководителей средств массовой информации, чтобы сделать им серьезное внушение за излишний

разгул «чернухи», за апокалипсические прогнозы, сеющие нервозность, а временами панику среди населения. «Как вы не понимаете, — говорил он, — что мы все стоим по колено в бензине и всего одной спички хватит, чтобы вызвать взрыв». Он напустился на главного редактора «Аргументов и фактов» В. Старкова, который-де неверно вывел рейтинг политических деятелей, поставивший самого Горбачева после таких фигур, как А. Сахаров, Т. Гдлян и др., и посоветовал ему подать в отставку. Но Старков огрызнулся: мол, подавай сам. Встреча еще дальше отодвинула печать от партии. В газетах, на телевидении, по радио лилась та же политическая «порнуха». Вчерашние лакировщики остервенели и поливали от всего сердца своих прежних благодетелей. Лакей, почувствовавший себя хозяином, всегда отвратителен. Он и бестактен и неграмотен. Непревзойден только в одном — в хамстве.

В тяжкое время для Отечества печать не смогла стать разумным наставником, поводырем общества. Она была к этому не подготовлена и продолжала играть роль придатков, причем очень агрессивных, общественно-политических сил, разошедшихся по разным сторонам баррикады.

Как бы подчеркивая совершившийся де-факто переход нашей страны в низшую лигу государств, 1 декабря 1989 года во время ненужной встречи на высшем уровне СССР — США на Мальте (опять подальше от демонстрантов, побезопаснее) на борту теплохода «Максим Горький» государственный секретарь США Д. Бейкер передал нашему министру Э. Шеварднадзе в руки справку вне повестки дня… просто так… для памяти. Называлась эта справка так: «Возможности, утраченные СССР в результате оказания военной и экономической помощи зарубежным странам». Там говорилось, что СССР тратит в год 15,5 млрд. рублей на помощь семи странам (Афганистану, Анголе, Камбодже, Кубе, Эфиопии, Никарагуа, Вьетнаму), в то время как острые нехватки подрывают стабильность в самом Советском Союзе. «Вы же имеете на 90 млрд. неудовлетворенного спроса у себя в стране, а продолжаете оказывать помощь зарубежным странам». Далее следовали «советы». Всего, мол, 100 млн. долл. хватило бы, чтобы построить завод по выпуску 20 т зубной пасты. За 500 млн. вы (т. е. мы) увеличили бы выпуск мыла на душу населения в 10 раз. За всю сумму «помощи» вы могли бы построить 1,4 млн. квартир в год или 388 тыс. км автодорог и т. д.

Так, Бейкер указывал нам занять должное место «в углу под лавкой», отказаться от последних оставшихся союзников и заняться тем, что варить мыло и делать зубную пасту.

В начале января 1990 года, последнего года моей работы в разведке, я пригласил на обед одного моего старого друга — крупного дипломатического работника, сотрудника МИД. Мне хотелось поговорить с ним, выяснить взгляд на обстановку человека очень спокойного, взвешенного. Постоянная привычка критически относиться к себе заставляла думать, не слишком ли я «зачерняю» видение мира, смотрю на него сквозь закопченное стекло, не сказывается ли на мне определенная профессиональная деформация. Мой собеседник— опытный профессионал, русофил, человек исключительно широкого кругозора. Он рассказывал, как, позевывая, Буш безразлично но выслушивал на Мальте затяжные словесные извержения Горбачева о нашей перестройке, о том о сем, а сам тем временем обдумывал последние детали готовившегося через 18 дней удара по Панаме. Мой гость оценил нашу политику в отношении США как чистейшей воды словоблудие, «словесные наледи». «США, — сказал он, — не сделали ни одного, ни единого шага навстречу интересам СССР. Они приняли игру в слова, не больше. На всех встречах они пытливо изучают нас, по разработанному сценарию задают самые разнообразные вопросы, по-следовательски глядят в глаза: что в них отразится, какова будет реакция?»

Кстати говоря, американцы в это время резко усилили разведывательную работу в СССР. Профессиональные разведчики в Москве, «чистые» дипломаты проводили по нескольку встреч в день со своими «связями», собирая информацию, давая рекомендации. Но их сил не хватало. На помощь из США двинулись десятки экспертов, делегаций, «гостей посла», быстро рос корпус журналистов-западников, количество которых в прежние времена более или менее соответствовало численности советских журналистов, аккредитованных в США.

Гости «из-за бугра» хлынули в СССР буквально валом. Был утерян контроль за направлением приглашений и выдачей виз. Помню, какое недоумение было написано на лицах наших коллег-контрразведчиков, когда из печати они узнали о появлении на атомных объектах около Челябинска группы американских «экспертов». Потом оказалось, что их лично пригласил один из политиканствовавших академиков. Никто толком не мог объяснить, какую пользу могли получить от этого визита СССР или Россия. Для американцев же такое посещение было равнозначно крупному разведывательному успеху.

* * *

Развал государственной машины становился всеобщим. 10 января 1990 года Шеварднадзе созвал совещание, где присутствовали члены советских делегаций, которые вели переговоры в Женеве (по сокращению стратегических вооружений) и в Вене (по сокращению обычных вооружений). Он заявил, что нужны подвижки и развязки любой ценой. «Успех переговоров — гарантия перестройки». Он ясно дал понять, что надо уступать и уступать, а потом добавил: «Вы понимаете, что я говорю это с одобрения с самого верха».

16—17 января, ровно через неделю, Л. Н. Зайков созвал на Старой площади состав рабочей группы по разоружению, то есть нас, которым было поручено разрабатывать и готовить проекты директив и указаний для делегаций, ведущих переговоры. Он заявил собравшимся: «Вот что, товарищи, надо посерьезнее думать об обороноспособности страны, об угрозе противника, не просто «сливать воду». Вы понимаете, надеюсь, что я вам говорю это не от себя только, но и от самого верха».

На совещании у Зайкова я тоже был, а на совещании у Шеварднадзе были мои подчиненные, которые рассказали мне о содержании инструкций. Мы долго чесали в затылках, соображая, что же на самом деле думали «верха» и чего они хотели. Удивительным иноходцем был Горбачев!

Работа разведки все больше и больше теряла свою прежнюю значимость для государства. После ухода Крючкова на пост председателя КГБ начальником разведки в конце 1988 года был назначен генерал-майор Л. В. Шебаршин. Я хорошо знал нового руководителя, хотя наша оперативная деятельность протекала в разных регионах: его — в Южной Азии, а моя — на Американском континенте. В ПГУ у него сложилась прочная репутация сильного профессионала и свободного от каких-либо шор политического аналитика. Он прошел все этапы формирования и созревания руководителя разведки: от оперативного уполномоченного до начальника управления. Путь его не был усыпан лишь розами, бывали в его жизни трудные времена, особенно последовавшие после предательства Кузичкина в Иране, где в то время Шебаршин был резидентом. На какой-то период мне довелось даже быть его начальником: он работал заместителем начальника информационно- аналитического управления разведки. Шебаршин легко и быстро осваивал новые большие участки, явно принадлежал к породе нонконформистов. Такой выбор начальника разведки был оптимальным.

При Шебаршине нам пришлось в значительной мере «раскрыться» перед общественностью. Нападки на Комитет государственной безопасности в демократической печати

становились настолько злобными и провокационными, что руководство разведки с благословения Крючкова начало часто выступать перед трудовыми коллективами, разъяснять смысл и содержание своей работы, доказывать, что разведка — не паразит на шее народа, а его глаза и уши, к тому же разведка является прибыльным даже в денежном отношении предприятием: мы добывали такие научно-технические секреты, которые стоили десятки и сотни миллионов долларов.

Так, мне пришлось вместе с Шебаршиным побывать на встрече с коллективом известного авиастроительного завода «Знамя труда» в Москве, я был с такой же миссией на заводе имени Лихачева, в Московском государственном университете, в Министерстве железнодорожного транспорта и т. д. Интерес аудитории к нашим выступлениям был огромный. Атмосфера в трудовых коллективах оставалась неизменно дружелюбной. Я не помню ни одного вопроса из сотен задававшихся, продиктованного желанием уколоть, уязвить, на чем тогда специализировалась часть журналистов. Я даже собирался поехать по совету Крючкова на Урал в крупные промышленные центры, но события помешали этим планам. Эти встречи убедили меня в одном: основная масса трудового народа с одинаковым презрением относилась ко всем политиканам, свившимся в один кроваво-грязный клубок и рвавшим друг другу глотки в борьбе за власть. Люди были озабочены совсем другими проблемами: каков завтрашний день страны, выживет ли народ, какова судьба промышленного потенциала Родины.

Л. В. Шебаршину удалось сохранить разведку как целостную организацию, как боеспособную силу, правда, далеко не в полной мере востребованную политическим руководством. Насколько я знаю, и сейчас она живет и работает, выстояв в очень трудное время смены ориентиров и уточнения задач. Ныне в ставшем для нас родным домом «Ясенево» по-прежнему несут свою вахту в подавляющем большинстве честные патриоты России, готовые заменить своих боевых товарищей, находящихся в передовой цепи, или решать непростые задачи здесь, на месте, своими особыми средствами. Мужества им и успехов!

* * *

24 апреля 1990 года в разведке состоялась последняя на моей памяти отчетно-выборная партийная конференция. Главным вопросом были выборы делегатов от разведки на последний съезд

КПСС, намеченный на июль, но весь зал с нетерпением ожидал и выступления председателя КГБ Крючкова с докладом об обстановке в стране. Доклад, прямо скажем, не удовлетворил аудиторию. По словам Крючкова, главным вопросом теперь становилась реформа экономики — «самое масштабное событие после Октября». «Нам нужна рыночная экономика, которая поддавалась бы регулированию». Опять шло провозглашение целей, а не конкретизация планов практического осуществления реформы. Говорил он как-то обтекаемо, суть реформы все время ускользала. Совершенно непривычно для Крючкова, многолетнего шефа разведки, было употребление цифр, которые вызвали сомнение в зале. У слушавших осталось чувство тревоги, неуверенности, нарастающего недоверия даже к своим руководителям.

Разведка посылала на съезд трех делегатов. В непривычно демократической обстановке было выдвинуто семь кандидатур, первыми были Крючков и Шебаршин. Мое имя тоже фигурировало среди других пяти кандидатов. Председатель КГБ и начальник разведки прошли подавляющим большинством голосов при тайном голосовании, что, среди прочего, отвечает на вопрос, пользовались ли они авторитетом и доверием корпуса разведчиков. Я не стал снимать свою кандидатуру, хотя сложившаяся практика и такт требовали от нас, подчиненных, снятия кандидатур, когда на эти выборные места баллотировались вышестоящие начальники. Какой-то бес внутри нашептывал: «Если вдруг окажешься избранным на съезд, то выступи резко и радикально против всей партийной верхушки, запутавшейся в интригах и ведущей партию к краху». Я намеревался, собственно, утрамбовать содержание всей этой книги в 7—8-минутное выступление и непременно добиваться права на участие в прениях.

Мне вспомнился разговор, состоявшийся у меня с Крючковым на лесной дорожке, по которой мы нередко ходили в одно время на работу. Почему-то он вдруг спросил меня: «Не собираетесь ли вы заняться политикой?» Я ответил: «Политикой я бы занялся, а вот политиканством — никогда в жизни». — «Как вы понимаете политику?» — последовал вопрос, на что я ответил, что понимаю под политикой такую линию поведения, при которой лидер четко и ясно формулирует свою политическую и социально-экономическую программу действий, делает ее публичной, борется за то, чтобы большинство избирателей-сограждан восприняли и разделили эту программу, а потом стремится воплотить ее в жизнь. Вот мне и показалось, что на выборах делегатов на съезд мелькнул призрачный шанс выступить уже не

на профессиональную, а на политическую тему. Но, как шутят мужики в родной деревне, «бодливой корове бог рог не дает». Ни один из пяти других кандидатов не набрал требуемых 50 % голосов и на съезд не попал. Разведка даже потеряла право на третий мандат.

Конечно, я был наивен, полагая, что мне удастся пробиться к трибуне, вряд ли я сумел бы это сделать даже с мандатом в кармане. Пришлось смотреть по телевизору агонию и кончину партии, с именем которой не одно поколение шло на смерть, а это много значит. Съезд собрался в Кремле 1 июля 1990 года. Заслушали всех членов политбюро. Все доложили, что работали прекрасно. Непонятно, почему же тогда все обстояло так скверно. Ошикали только Вадима Медведева, которому было поручено руководить идеологической работой. А вообще, лучше сказать словами французов, больших мастеров изящной словесности. Вот что написала «Монд» о нашем съезде в эти дни (кстати, с этой оценкой я полностью согласен): «Лихорадочная и беспорядочная суета почти пяти тысяч делегатов. Главное, что их характеризует: они больше абсолютно не представляют, где они оказались и чего хотят. Консерваторы? Реформисты?

Следует забыть эти категории и понять, что один и тот же зал поразил всех, устроив овацию главному идеологу перестройки Яковлеву, а затем лидеру консерваторов Лигачеву. Одни и те же лица с одинаковым энтузиазмом аплодировали личностям, напоминающим примерно Вилли Брандта и Жоржа Марше. На этом съезде аплодируют тем, кому есть что сказать и кто умеет делать это с убежденностью. Содержание при этом не имеет значения… Съезд производит впечатление тонущего корабля, пассажиры которого устремляются к спасательным шлюпкам… Ельцин 3 июля намеренно покинул зал, чтобы участвовать в сессии Верховного Совета своей республики…»

12 дней сотрясала воздух в Кремлевском дворце верхушка партократии. Она была зла, растерянна, опухла от ностальгии по «руководящей роли», но оказалась не в состоянии посмотреть правде жизни в глаза, обратиться к самой партии, то есть к миллионам рядовых коммунистов. В конце концов, отчаявшись, они отдали голоса М. С. Горбачеву, и им пришлось избрать на пост заместителя генерального секретаря совершенно бесцветного, серого партаппаратчика Ивашко, бежавшего в Россию с Украины, где он развалил работу компартии республики. Егор Лигачев — последний кондовый «рыцарь» КПСС «без страха и упрека» — был отвергнут на выборах в ЦК 3642 голосами при 776 «за».

Съезд ни капельки не сблизил 260 млн. простых людей с

партией. Он не выдвинул ясной, понятной и практической программы. В партийном активе не появилось ни одного нового яркого имени. На фоне общего дефицита самым страшным был дефицит людей с мыслями и характером.

* * *

Не успел я остыть от душевного кипения, вызванного съездом, как вдруг раздался звонок от шефа, который сказал: «Не падай в обморок от неожиданности, но позвони такому- то. Тебя хотят выдвинуть кандидатом в народные депутаты по Краснодарскому краю против О. Калугина». Батюшки-светы! Очередное наваждение! Я позвонил, выдвинул свои резоны, сомнения в разумности такой инициативы, когда наша конкуренция может превратиться в «опереточную забаву». Прошло всего с десяток минут, как выяснилось, что регистрация кандидатов в Краснодарском крае закончилась днем раньше, там их уже набралось человек 20 и поезд, как говорится, уже ушел. «Ну и ну, — крутили мы с коллегами головами, — какую бы инициативу ни выдвинули наши руководители, она обязательно окажется позавчерашней».

На тех выборах, проходивших в горячечной обстановке антикоммунизма, Калугин победил, а через пару лет там же с треском провалился, не набрав и 3 % голосов. Такую цену платят не только краснодарцы, но и весь наш, к сожалению, наивный в политике народ. Прозревает поздно! Слава богу, все- таки прозревает.

Помнится, что в один из дней начала сентября напросились мы с Шебаршиным на прием к председателю КГБ Крючкову. Оценивая опыт политической борьбы последних двух лет, мы убеждали нашего руководителя в том, что КПСС как политическая сила окончательно скомпрометировала себя действиями своих руководителей и бездействием партийной массы, что на ней сфокусировалось недовольство всеми нашими болячками. Народ возлагает на нее ответственность за все. С нынешним партийным руководством у нас одна дорога — в пропасть. Встает вопрос: стоит ли идти с этим руководством в пропасть? Не лучше ли публично объявить о департизации Комитета государственной безопасности, спасти профессиональную организацию от втягивания ее в водовороты политических страстей?

Крючков внимательно выслушал нас, задавая лишь временами уточняющие вопросы. Он не высказал своего

отношения к нашему предложению, было видно, что в душе он разделяет нашу оценку партийного руководства, бывшего тогда и государственным руководством, но в то же время несет на себе кандалы партийной дисциплины, входя в высшие руководящие органы партии. Он мог бы и по партийной, и по служебной линии принять в отношении нас любые меры, но он этого не сделал. Да и мы знали, что идем не к замшелому консерватору, а к человеку, болевшему душой за Родину. Теперь было видно, что социалистическое Отечество не спасти, надо спасать хотя бы корпус защитников государства и правопорядка, в нем будет нуждаться любая национальная власть, которую породят народ и наша история.

В печати все время со зловонным запахом рвутся бомбы, которыми политические противники забрасывают осажденную крепость КГБ, достается и разведке как части его. Какой-то «неопознанный полковник с тридцатилетним стажем работы в КГБ» дал пространное интервью «Собеседнику» (приложение к «Комсомольской правде»). Острие выступления направлено против Андропова, Крючкова, хотя досталось и другим. Говорится о 22 предателях, о подкармливании партгосаппаратчиков деньгами зарубежных резидентур разведки, о взяточничестве, о кадровых симпатиях вне зависимости от способностей и многом другом. Автор хвастливо заявляет, что «может сказать в сто раз больше», хотя нам очевидно, что он уже наговорил в сто раз больше, чем надо было бы, следуя правде. Но обозначенные пункты атаки не являются вымышленными, они были всамделишними, видно, что человек «отсюда», но трусоват и прячется под «неопознанностью». В подтексте интервью чувствуется жар неудовлетворенного честолюбия, так часто толкавшего людей на непорядочные поступки.

Но в разведке все шушукаются, многие злорадствуют в адрес упомянутых в интервью людей, действительно, может быть, не лучших в разведке. Они, упомянутые, ходят, втянув голову в плечи. В коллективе идет явное брожение. В среде офицеров растет желание вывести разведку из КГБ, деполитизировать ее, подчинить президенту, а может быть, передать России…

Л. В. Шебаршин еще шире распахивает двери открытости разведки. В первые выходные дни сентября каждого года, ближе ко дню рождения Ф. Э. Дзержинского, мы проводим наш профессиональный праздник, когда новое поколение разведчиков приносит присягу верности Отечеству. Потом следуют короткий митинг, возложение венков к символической могиле «неизвестного разведчика», спортивный праздник. В 1995 году впервые в этот день территория нашего городка была открыта для

членов семей нового пополнения разведки. Непривычно видеть принаряженных женщин, стайки детей, заинтригованно всматривающихся в окна наших служебных зданий, радующихся необычной чистоте, порядку. А тут еще солнце, медь оркестра, флаги… Слушаем короткую, но страстную речь Джорджа Блейка, умного, волевого легендарного разведчика, который поверил в социализм и не отказался от него.

Он сказал, что мечта человечества о справедливом коммунистическом обществе не умрет, сколько бы сейчас ее ни топтали и ни хаяли. Она будет реальностью на другом витке истории. Я с ним согласен.

А на «воле», за забором, оравы честолюбцев требуют власти, как диабетики инсулина во время приступа.

* * *

Грызня «вождей» час от часу становится все более лютой. Горбачев норовит править с помощью указов, а Ельцин каждый раз посылает его далеко-далеко. Оба яростно тянут одеяло на себя. Первый твердит, что он за постепенность, а второй — за рынок. Вот и вся премудрость этой политики, надоевшей, как тяжелый сон в ненастную ночь. Далеко за полночь светятся экраны телевизоров, в которых набившие оскомину лица все говорят, говорят и говорят. Правы те, кто считает, что наше национальное сознание помутилось.

Нигде с такой яростью не дерутся за власть, потому что нигде власть не дает человеку так много, как у нас.

Мы умудряемся последовательно бороться против конфронтационных подходов во внешней политике и в то же время раздуваем пламя конфронтационности в своих собственных внутренних делах. Трясина все глубже засасывает политическое руководство. Болотная ряска уже подходит к подбородку. Надежды, что ноги вдруг нащупают случайно твердое дно, нет. В глазах руководителей все чаще виден страх затравленного зверя, поэтому любой ценой им хочется оттянуть смертный час.

19 октября 1990 года Совет Министров принял решение встать на колени перед США и просить их предоставить нам гуманитарную помощь медикаментами. Не говорится, куда пойдут эти медикаменты или какие препараты нам нужны. «Дайте хоть что-нибудь!» — таков отчаянный вопль руководителей политики и экономики. В самом конце октября 1990 года Горбачев вернулся из пятидневной поездки в Испанию и

Францию, где буквально выклянчивал какую-нибудь помощь. Хозяевам было просто неудобно совсем отказать нобелевскому лауреату, и они пообещали положить что-нибудь в его протянутую руку. Испанцы посулили 1,4 млрд. долл., а французы — около 1 млрд. долл. Но, как всегда за последние годы, эти обещания не более чем поглаживания по головке, они не вылились в конкретные соглашения, никто не может сказать, будут ли давать эти средства государства или расчет делается на частные кредиты, когда будут предоставлены средства, на каких условиях, на какие цели мы собираемся их израсходовать.

Внешне весь мир, как бы сговорившись, обращается с нами вполне корректно, делая вид, что мы такие же, как все, но в душе рассматривает нас как экономического и политического банкрота.

Меня просто потрясло общение с нами американцев по поводу проверки некоторых наших предприятий микробиологического профиля, на которые указал очередной предатель, работавший в этой отрасли и бежавший во всеобщей суматохе за границу. Заместитель государственного секретаря Бартоломью пригласил нашего посла в Вашингтоне и сказал примерно следующее: «Вот что, скажите там своим, что мы хотим с 28 ноября этого года послать к вам 12 инспекторов. Среди них будут и англичане (изнасилование предполагалось коллективное! — Н.Л). Вы им покажете на первый раз четыре объекта (далее следовало их перечисление. — Н.Л.). Прошу любить и жаловать наших людей. Они пробудут на каждом объекте по два-три дня. Дайте им списки всех научных и профессиональных работников, а самих работников предупредите, чтобы они были на своих рабочих местах. Мы будем беседовать с любым из них по нашему выбору. Кстати, приготовьте все финансовые бумаги, отчетность — они нам пригодятся. Откройте доступ ко всему предприятию. Мы будем брать пробы и фотографировать».

Посол, воспитанный на принципах соблюдения взаимности, пытался было заговорить о приезде наших специалистов, но Бартоломью досадливо махнул рукой и брезгливо добавил: «О чем вы? Никакой взаимности… Мы не хотим отвлекаться от важного дела. Да, еще имейте в виду, что сказанное мной одобрено на нашем высшем уровне, только там решили не пачкать об это дело свои руки…» Я изложил телеграмму посла СССР в Вашингтоне по памяти, но почти дословно.

Не надо говорить, что всякий, с кем разговаривают таким языком, уже не имеет права на уважение. Сколько бы наши горемычные лидеры ни повторяли, что мы — великая держава, с ней как с таковой уже никто не считался. В старину мудрецы

говорили, что во рту не станет слаще, если будешь повторять: «Халва, халва…»

* * *

Три дня, 19–21 ноября 1990 года, без умолку тарахтели телевизоры и радиоприемники, расписывая важность парижской встречи 35 президентов, премьер-министров и министров иностранных дел европейских государств, а также США и Канады. Подписывалось соглашение о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Журналисты сыпали на слушателей мешки пустых слов, раздувая зоб и не говоря о существе дела. А суть встречи такова: нам пришлось подписать акт о капитуляции в «холодной войне». Но какой! Мы теряли всех своих союзников и урезали до продиктованного уровня наши вооружения. Что нам оставляют? 5150 самолетов против 6800 у НАТО (при качественном превосходстве натовских самолетов почти по всем параметрам); 1500 вертолетов против 2000 у НАТО; 13,1 тыс. танков против 20 тыс. у НАТО; 20 тыс. бронемашин против 30 тыс. у НАТО; 13 тыс. стволов артиллерии против 20 тыс. у НАТО.

Чтобы скрыть эту правду, говорят о равенстве вооружений двух блоков — НАТО и Варшавского пакта, но ведь и таракану понятно, что Варшавского пакта больше нет. Польша поговаривает о приглашении войск НАТО на свою территорию, а Венгрия, не таясь, просит о том, чтобы ее приняли в НАТО. В «общеевропейском доме», о котором столько говорено нашими политическими гипнотизерами общественного мнения, нам уготовано в лучшем случае место в чулане.

Там же, в Париже, западные политические руководители деловито решали практический вопрос, согласовывали на двусторонних встречах планы предстоявшего разгрома Ирака. На наше сомнамбулическое поведение западники смотрели с нескрываемой иронией, полагая, что подписанный в Париже документ будет последним, под которым стоит подпись руководителя исчезающего государства — СССР. В те дни я записал: «Президент наш сильно сдал. Это заметно даже внешне. Он состарился, похудел, лицо стало маскообразным, потеряло черты и выражение нормального человека. Давит его шапка Мономаха, а снять он ее сам не может, нет у него на это никаких сил, ни физических, ни духовных. И ведь придавит она его вскорости к земле окончательно! Какой был бы чудесный сюжет

для кинорежиссера вроде Куросавы!»

…Мы в разведке занимаемся совсем уж не своим делом, нам приходится по заданию сверху готовить материалы справочного характера под каждый очередной сеанс политической импровизации. Нас просят, например, дать материал о работе вице-президента США. Это значит, что мы тоже намереваемся ввести институт вице-президентства. Мы привыкли выполнять поручения, хотя, наверное, Институт США и Канады мог бы сделать это квалифицированнее. Видимо, перед ними пока не хотят раскрывать карты.

Не успели управиться с этим заданием, как просят прислать справку о Совете национальной безопасности США (нам, видно, захотелось того же). Делаем соответствующий документ. А потом сыплются поручения об аппарате Белого дома, о правительстве США и т. д. В конце концов от нас требуют подготовить проект документации о нашем будущем Совете безопасности, о составе и структуре союзного правительства. Причем на эту работу дают всего 36 часов, к тому же они захватывают воскресенье. Это уже предел дезорганизации и растерянности!

А разведка озабочена тем, откуда достать продовольствие для своих сотрудников. В те дни шеф собрал руководителей подразделений и сказал, что пора подумать о собственном подсобном хозяйстве — свиньях, кроликах, несушках, посмотреть, какие земли можно пустить под сельскохозяйственное производство, искать прямых поставщиков по договорным ценам, устанавливать контакты по всей стране. Наши хозяйственники говорят, что восемь совхозов готовы помочь нам продовольствием, но при условии, что мы дадим рабочую силу, продадим или передадим списанные автомашины, и только сверх того готовы взять по договорным ценам плату в деньгах. Мы уже и раньше старались ослабить свою зависимость от государственных поставок, но не успели набрать обороты, а теперь надо браться за все.

Вносится предложение, чтобы все офицеры, работающие за рубежом, отчисляли 1 % от зарплаты в валюте на приобретение медикаментов для наших поликлиник и больниц, там ведь лечатся и родственники командированных, и пенсионеры. Одним словом, во всем чувствуется ускоренное приближение катастрофы.

Во время своей последней разведывательной поездки по ряду стран в декабре 1990 года мне хотелось поддержать дух разведчиков, оторванных от Родины, оглушенных потоками противоречивой информации из СССР, выработать меры по спасению наших оперативных возможностей. Сам я понимал, что

еду прощаться с боевыми товарищами, в том числе и из иностранцев.

В посольствах царило смятение. Недавних освобожденных секретарей парткомов срочно «перекрашивали» в советников по административно-кадровой работе. Несмотря на это, они дрожали, как бы сверху или снизу не был поставлен законный вопрос о необходимости упразднения их должности вообще. Послы, даже (а чаще всего — особенно!) те, кто раньше проработал в аппарате ЦК по четверть века, стали рядиться активнее других в демократические шкуры. Они приказывали выносить бюсты Ленина из представительских помещений, вызывая тем самым скандалы в коллективах. Более всего поразило нежелание людей возвращаться на Родину, стремление любой ценой продлить свое пребывание в командировке.

А это самым разрушительным образом действовало на мораль и нравственность. Люди готовы были унижаться, подхалимничать, лишь бы задержаться подольше вдали от расхристанной Родины.

* * *

Для меня самым тяжелым было наблюдать падение престижа государства и народа. Еще три года назад нас уважали. Русский, советский человек неизменно вызывал интерес, замешанный на загадочной непознаваемости, циклопических размерах страны, бездонности ее культуры, на страхе, наконец. В один исторический миг мы как бы растеряли свои достоинства и остались с одними недостатками. Мы стали вызывать сожаление, в лучшем случае нам выражали сочувствие, а то и просто жалость. Мы стали неинтересны как представители всякой попрошайничающей страны «третьего мира».

Пишу эти слова с чувством глубокой горечи, эти выводы я сделал после того, как увидел все своими глазами, после десятков бесед с советскими гражданами и десятков бесед с иностранцами, старыми друзьями и новыми знакомыми. В этих словах нет ни капельки от самобичевания мазохиста. Какое сатанинское наказание для человеческой личности — жить в так называемое историческое время, а мы живем именно в такое! Все время вспоминались слова, вычитанные уже не помню где: «Счастливы народы, у которых нет истории». И в самом деле, до тех пор, пока самыми любимыми вехами истории будут войны, революции, контрреволюции, перевороты, заговоры, казни, люди будут

несчастны, их судьбы искалечены.

В ночь с 12 на 13 января 1991 года десантники Советской Армии штурмом взяли телебашню в Вильнюсе, что привело к мощному выбросу протуберанца протеста в Литве, поставившему крест на всех надеждах сохранения этой республики в составе СССР. Все три столицы прибалтийских республик в одночасье оказались забитыми баррикадами, тяжелой строительной техникой, завалами, чтобы не дать пройти танкам, БМП. Русские и тут умудрились перессориться. Пока представители центрального правительства искали виновника происшедших событий в своей среде и, естественно, не находили, Ельцин помчался в Таллин и там призвал армию уходить из Прибалтики, подписал соглашения о взаимной поддержке, об уважении суверенитета, о недопустимости использования вооруженной силы и т. д. Он только забыл тогда об интересах русского населения, оставшегося за рубежами расчлененной Родины, за что ему досталось и от армии, и от соотечественников.

Я уже раньше говорил, что три прибалтийские республики по целому ряду причин наименее других инкрустировались в структуру СССР, они все время держались как бы на отшибе. Националистический сердечник в них был несравненно крепче. США и многие западные страны не признавали (де-юре или де-факто) включения этих республик в состав СССР, что придавало дополнительную специфику «прибалтийской проблеме». Действовать с позиций силы здесь было неуместно. Кстати, это знали и видели высокопоставленные сотрудники Комитета госбезопасности. Тогдашний председатель КГБ Литовской ССР генерал-майор Р. А. Марцинкус, сам литовец, в таком духе информировал Москву. А когда до него дошли сведения о готовившемся применении силы, он, не задумываясь, подал в отставку и больше на государственную службу не возвращался.

Разведка оставалась вне фокуса государственного внимания. Это остро чувствовалось по молчавшим телефонам на служебном столе. Невольно думалось, что отступающее государство, как и отступающая армия, меньше нуждается в разведке, она идет по своей земле, топчет собственные интересы, а на чужую уже не скоро вернется.

28 января 1991 г. меня вызвал начальник разведки и сказал о моем предстоящем назначении начальником аналитического управления Комитета госбезопасности.

Ельцин

Я знал, что на раздумье мне дано несколько минут. Затем в кабинете раздастся телефонный звонок от председателя КГБ, который уже сделает это предложение официально. Уходить из ПГУ мне не хотелось. Песочные часы моей жизни отсыпали 63-й год. Мысль об отставке уже прочно обосновалась в голове. Менять коллектив, друзей, уклад жизни и работы было поздно. Но было так же ясно, что в разведке сейчас мне делать нечего. К тому же я становился одним из старейших по возрасту заместителей начальника разведки.

Выбор был прост: или соглашаться, или сразу подавать в отставку. Были собственные доводы в пользу того, чтобы принять предложение. Все-таки последние почти два десятка лет сформировали меня как профессионального информационного работника, а это как раз такой профиль, в котором острее всего нуждалось руководство и ведомства, и государства. Меня в какой-то мере увлекала мысль ознакомиться с нашими домашними делами; я надеялся, что мне приоткроется некая скрытая сторона явлений, до которой глаз мой дотоле не добирался. Иначе говоря, хотелось окунуться в свое домашнее варево, чтобы по крайней мере не понаслышке потом судить об этих «исторических» временах. Сил и физических, и духовных хватало. В конце концов и завершать службу на посту начальника самостоятельного управления не в пример почетнее, чем уходить заместителем пусть даже начальника разведки.

Поэтому когда раздался звонок от председателя, ответ был почти готов: «Я солдат и готов выполнить приказ!» Начались короткие сборы-проводы. Какими же тяжкими они оказались в эмоциональном отношении! Правду говорят: когда прощаешься с другом, то наполовину умираешь сам. А тут пришлось прощаться почти со всем за 33 года накопленным душевным богатством. Сколько увидел влажных глаз, сам ходил с постоянным внутренним приказом: «Держись!» А через пару дней окончательно покинул родное «Ясенево» и обосновался в новом кабинете в доме 1/3 на углу Пушечной улицы.

* * *

Аналитическое управление Комитета госбезопасности было самым молодым подразделением КГБ, оно существовало всего

несколько месяцев и являло собой типичную «новостройку». Предыдущий его начальник, Валерий Федорович Лебедев, был только что назначен заместителем председателя КГБ. Управления как такового пока не существовало. Был лишь скелет его, да и то построенный наполовину. Работники были собраны из других подразделений, они сильно отличались между собой по уровню подготовки, опыту работы, даже по возрасту. По существу, это была пока еще учебная команда, но на раскачку времени не оставалось.

Знакомство с информационным хозяйством Комитета госбезопасности вскрыло давно знакомую картину: заскорузлое местничество, слабый профессионализм и желание каждого крупного оперативного начальника «раздувать ноздри», то есть создавать видимость, что именно он-то и держит Бога за бороду. Каждое главное управление или просто управление имело свой собственный информационный отдел, в который сливались несостоявшиеся или отработанные кадры. Численность отделов была внушительной, иногда до сотни человек, а отдача рахитичной. Способность к осмыслению общегосударственных проблем, глубинных тенденций развития общества оставалась на крайне низком уровне. Но ни один руководитель самостоятельного управления не готов был передать получаемую информацию в «чужое» аналитическое управление и лишиться возможности доклада пусть ущербной и корявой, но своей информации. В КГБ не было никакого единого банка данных по внутриполитической и социально-экономической проблематике.

Мы начали планировать практически с азов создание более или менее современного информационно-аналитического управления в КГБ, опираясь на вполне добротный, оправдавший себя опыт такого подразделения в разведке. Сотрудники управления приняли меня хорошо, с доверием. Да и у меня не было ощущения новичка, выброшенного без скафандра за борт космического корабля, фронт работы со всеми его изъянами виделся четко.

Сложнее было «вписаться» в среду высшего звена начальства, чувствовалось его скрытое недружелюбие к «прытким» выходцам из разведки, которым предстояло забрать всю информслужбу в одни руки. Я успокаивал себя тем, что коллеги все равно скоро поймут неизбежность централизации информационного дела, его профессионализации. Наши первые шаги были обнадеживающими. Мы стали предлагать готовить совместные документы другим управлениям, и они охотно шли на это. Так постепенно, путем двух-трехсторонних наработок, мы и пришли бы через годик к требуемому результату. А пока надо было

проявить гибкость, такт и убеждать людей в нашей правоте умением лучше вести аналитическую работу.

Материалов у нас было предостаточно, мы ежедневно получали большое число информационных телеграмм из республик, краев, областей. Информация в основном была негативная, то есть реально отражавшая тенденции развития обстановки в стране. Первое, что я узнал, сев за стол начальника управления, — это то, что Москва в 1991 году получит не 1,4 млн. т мяса, как в прошлом году, а всего 1 млн. т. Поставки молока сократятся с б млн. до 5 млн. т, 17 % всего сахара в стране перегоняется на самогон. Рост прогнозировался только в области преступности.

* * *

Такими сведениями никого не удивишь, по ним можно измерять только скорость падения уровня жизни, ритм, темп разрушения сложившегося уклада, а направление давно известно всем и вся. На главное место, в центр внимания выползает вопрос о сохранении или распаде Союза Советских Социалистических Республик. Отдельные республики уже окончательно определили свою позицию в этом вопросе (я имею в виду прибалтийские, а также Грузию и Армению), но остальные еще колеблются. 11 февраля 1991 года в кабинете у председателя КГБ, где обсуждался вопрос о наших задачах в деле спасения СССР, сидело пять-шесть десятков самых высокопоставленных руководителей центральных и местных органов государственной безопасности. Меня неприятно поразило, что многие выступавшие в испуге твердили, что ждут разработок и указаний, как бороться за сохранение единой Родины. Аналитическое управление получило задание подготовить такие документы и разослать их на места. Мы привлекли наших коллег из других подразделений и в кратчайший срок составили развернутые тезисы, которые были направлены на места.

В контексте борьбы за сохранение Союза ключевое место занимала фигура Б. Н. Ельцина. Всех нас заботило то, что его авторитет и влияние росли не на позитивных достижениях в какой-либо области, а на резкой критике и неприятии Горбачева, партии, которые уже всем мешали, как бельмо на глазу. Но, даже находясь в оппозиции, Б. Ельцин прорисовывался как на редкость противоречивый, непоследовательный человек, действующий под влиянием сиюминутных настроений. И тем не менее никакой

враждебности по отношению к российскому лидеру среди сотрудников не было, была обычная настороженность, вытекающая из нашего правила: «Не обращай внимания на слова, суди о людях по их поступкам и делам». Мы получали от Крючкова задания готовить информационные материалы специально для Б. Н. Ельцина и выполняли их непременно в срок и на максимально доступном нам уровне квалификации. Так, Ельцин собирался в середине февраля 1991 года ехать на Северный Кавказ, и мы трудились пару суток без перерыва, чтобы подготовить нужные материалы, в которых учли даже протокольно-бытовые рекомендации местных старожилов, продиктованные традициями и обычаями народов региона.

Самые острые комментарии вызывали именно клочковатость, дробность политического мировоззрения Б. Ельцина. После кровавых событий в Вильнюсе он занял непримиримую позицию по отношению к союзному правительству. Он наговорил кучу любезностей прибалтийским радикалам, потребовал от Генерального секретаря ООН созыва международной конференции по Прибалтике. А буквально через несколько недель, напуганный падением своего рейтинга, он в спешном порядке помчался в Калининград, где, по существу, извинялся и заискивал перед армией и был вынужден замолвить словечко за россиян, остающихся в Прибалтике, о которых ранее забыл.

18 февраля 1991 года ожидалось принятие на сессии Верховного Совета СССР решения о повышении цен на продовольственные и промышленные товары. Это, совершенно очевидно, диктовалось условиями производства и обстановкой в стране, но никто из политиков не хотел связывать себя с этой непопулярной мерой, Б. Ельцин на заседании Совета Федерации дал свое согласие на повышение цен, а спустя несколько дней прислал письмо и взял данное согласие обратно. Его явно задергали советники. Он выступит то за сохранение Союза, то за скорейшую кончину союзных структур, то за российскую армию, то за сохранение союзных вооруженных сил. Он злился, что Буш не принимал его как равного, а продолжал питать какую-то слабость к Горбачеву, своему давнишнему удобному партнеру.

20 февраля Б. Ельцин дал свое драматическое интервью корреспонденту программы «Время» Сергею Ломакину, который действовал в манере хороших западных журналистов, то есть корректно и тактично формулировал острые вопросы, которые должны были раскрыть сущность политического деятеля. Колкие вопросы о постоянных противоречиях в словах и поведении рассердили Б. Ельцина, он достал записку, которую старался скрыть от зрительского глаза, и прочитал: «Я свой выбор

окончательно сделал. Я размежевываюсь с президентом. Я требую его ухода в отставку и передачи власти Совету Федерации». Все, рубикон перейден!

Бросив эти слова в бурлящую страну, Б. Ельцин уехал в Переславль-Залесский, оттуда в Ярославль. Первая реакция в нашем политическом истеблишменте (если есть применительно к нам такое понятие) — испуг и отторжение идеи конфронтации. Об этом ясно заявили Кравчук и Назарбаев — руководители Украины и Казахстана. Большая часть Верховного Совета СССР выступила против Б. Ельцина. Демократы отчаянно бросились на защиту Б. Ельцина. Запад с удовольствием наблюдал потасовку, хотя внешне радость свою не выказывал, предпочитая говорить об озабоченности, сочувствии и т. д. Им больше всего хотелось, чтобы схватка длилась как можно дольше, чтобы мы самопожирали себя, а вот когда ободранный победитель будет торжествовать свой печальный триумф, вся западная свора накинется на него, если он рискнет подняться во весь человеческий рост. Кое-кто из вчерашних союзников Ельцина стал подумывать об очередной перемене лагеря.

Эти оценки тогдашних событий формировались под влиянием сотен информационных телеграмм, ежедневно приходивших в управление со всех концов СССР и из-за рубежа.

* * *

На Манежной площади чуть не каждый день шумели митинги. 22 февраля там собралась изрядная толпа, чтобы «защитить гласность и демократию». Формально митинг организовал Союз кинематографистов, хотя список ораторов был стандартным. Все они были из «ДемРоссии». 23 февраля собралась огромная манифестация сторонников сохранения Союза и Советской Армии. На 24 февраля была объявлена очередная сходка «в защиту демократии, Ельцина» и еще чего-то. Я бывал почти на всех сборищах, чтобы не слушать непременно сфальсифицированную информацию о митингах, которую сочиняют наши газетчики. На митинге 24 февраля бросилось в глаза обилие «стихотворных лозунгов», явно сочиненных одной рукой и исполненных в одной мастерской. Они были бестактны и оскорбительны.

Митинги стали сопровождаться драками. В Ленинграде на Дворцовой была потасовка, в Москве на Тверской отмечена «перестрелка» гнилыми овощами. Чаще задирается оппозиция,

явно провоцируя беспорядки. В общем-то, это ее исторический удел — кусать, жалить, бодать, пока она не расчистит себе место у «корыта», потом начнется очередной, привычный виток истории до следующей потасовки у того же «корыта».

1 марта заместитель председателя КГБ В. Ф. Лебедев пригласил меня на встречу с работниками идеологического отдела ЦК КПСС. Раньше нас туда не подпускали на средний радиус действия ракеты, а теперь, видите, им захотелось послушать наши оценки обстановки в стране. В большом здании на Старой площади жизнь еле-еле теплилась, будто хозяева уехали далеко и надолго. Заведующий отделом, мужчина лет 40 с небольшим, уже успел отрастить животик, туго натягивающий рубашку. Пуговицы еле держались, петли стали уже тройной величины от постоянной нагрузки. Удивляюсь, почему мне в глаза лезут такие детали. Про себя отмечаю, что все идеологи, вроде Лойолы, Геббельса, Суслова, были тощими и аскетичными. Их, наверное, пожирал огонь внутренней страсти. Этот не из тех. Скорее охоч до вкусненького и до «клубнички». Проходим в зал, где собралось человек 30–40, из них три женщины, по виду— не фанатички веры.

После своего начальника говорю в течение минут пятнадцати, страстно и убежденно выступая за Союз, бросая им в глаза обвинение в пассивности и безразличии по отношению к процессу развала Союза, призывая сделать все за оставшееся время до назначенного на 17 марта референдума о судьбе единства Отечества. Аудитория явно шокирована, удивлена. Люди мямлят, благодарят «за помощь», задают очень вялые вопросы. Слушатели с застиранными лицами похожи на испуганных кроликов в клетке. «Куда им, — думается мне, — вздыбить Россию на референдум! Им бы решить личный вопрос, подошел ли час бежать из этого здания или еще подождать малость, авось Бог пронесет». И здание, и люди напомнили мне сложившийся стереотип Зимнего дворца в далеком октябре 1917 года.

Я шел через площадь к себе на работу, а в сердце дотаивали последние крупицы надежды на возрождение партии. А я ведь один из 20 млн. членов партии, которые верили в высокие идеалы коммунизма, каким представляли его себе поколения и поколения обездоленных, добрых, открытых людей — от Христа и до наших дней.

* * *

В воскресенье, 10 марта, по всей стране прокатилась волна митингов протеста против референдума. Вообще митинги, акции, забастовки наползают друг на друга. Никто ни с чем не согласен, временами даже с самим собой. Референдум — это предлог, на самом деле идет борьба за власть. Подавляющая масса лозунгов снова или хулит Горбачева, или хвалит Ельцина. В Москве на той же Манежной опять собрались 120 тыс. Это очень много! По другим городам цифры участников значительно скромнее: в Ленинграде — 50–70 тыс., Нижнем Новгороде — 10 тыс., Волгограде — 6 тыс., Самаре — б тыс., Саратове — 2 тыс., Свердловске — 23 тыс., Омске — 600 человек, Челябинске — 4 тыс., Владивостоке — 5 тыс. и т. д. Оппозиция явно организуется быстрыми темпами. Все митинги направлялись и управлялись приехавшими из Москвы народными депутатами блока «Демократическая Россия». К интеллигенции начинают примыкать рабочие. Еще пару лет назад шахтеры выгоняли политагитаторов, пытавшихся примазаться к забастовочному движению. А теперь иначе. Угольщики почти повсеместно требуют отставки Горбачева и его окружения. Главным помощником оппозиции является сам первый и — теперь уже ясно — последний президент СССР, неуверенный, непоследовательный, недалекий. Вылитый царь Федор, сынок Ивана Грозного.

Подошли информационные материалы из ЦК партии, из которых видно, что 5 марта Горбачев опять собирал высший эшелон руководства КПСС (секретари обкомов, крайкомов и пр.). Долго и сладко рассказывал о своей недавней поездке в Белоруссию, и выходило, что и любит его народ, и слушает, и даже понимает. А слушатели упорно подводили его к разговору на тему «Почему же власть рушится?», и он не хотел говорить об этом. Так и разошлись, как и собрались: без слез, без горя, без любви. Пустые «мероприятия» вели к деморализации даже высшего эшелона партийного руководства.

17 марта был проведен наконец референдум о сохранении Союза ССР в обновленном виде. Результаты голосования оказались выше самых оптимистических ожиданий. Народ высказался в пользу сохранения единого государства. В РСФСР в голосовании приняло участие 75 % избирателей, 71 % из которых высказались «за», на Украине соответствующие цифры составили 83 и 70 %, в Белоруссии— 83 и 83 %. В остальных республиках проценты были еще выше. В шести республиках: Литве, Латвии, Эстонии, Молдове, Грузии, Армении — всесоюзный референдум блокировался местными властями, против участвующих в голосовании был развязан моральный террор. И все-таки в

Латвии к урнам пришло свыше 500 тыс. человек, в Литве — более 600 тыс., в Молдове — более 800 тыс. Конечно, голосовавшие принадлежали к наиболее политически активной части русскоязычного населения, но их не назовешь «незначительными группами пенсионеров».

Казалось бы, что еще нужно было политическим руководителям для сохранения СССР? Высшая воля народа была высказана ясно и недвусмысленно. Оставалась самая малость: отлить результаты референдума в законы, запрещающие проповедь сепаратистских взглядов, квалифицирующие как антинародные действия, ведущие к развалу Советского Союза. Ничего этого не было сделано. Союзная власть не использовала исключительно благоприятную обстановку для спасения единого Отечества. Захваченная круговертью политиканской борьбы, она быстро забыла итоги всенародного опроса, а оппозиция после короткого замешательства вновь безнаказанно стала подкидывать головешки в костер сепаратизма. Воля народа была нагло попрана!

Теперь вспоминая те дни, нельзя не заметить, что москвичи в ходе того же референдума голосовали по вопросу о введении выборной должности мэра Москвы. Большинство жителей столицы поддержало эту идею, в своей основе демократическую. Но каково же было разочарование, когда первый избранный мэр Москвы Г. Попов вскоре подал в отставку и на его место был уже назначен указом президента России Ю. Лужков. Опять по воле народа прогулялись в грязных сапогах диктата. Не приходится удивляться, что авторитет любой власти, обращающейся таким образом с суверенной волей народа, будет неизменно падать.

* * *

Конец марта прошел в особо взвинченной обстановке, потому что предстоял съезд народных депутатов России. Среди народных депутатов не было той проельцинской эйфории, которая стала характерна для «послепутчевой» атмосферы. «Бульдозерный» характер Б. Ельцина начинал пугать все больше и больше его вчерашних сторонников. После этого драматического интервью телевидению с объявлением войны Горбачеву 19 февраля 1991 года в Верховном Совете России произошел открытый раскол. Шесть видных руководителей законодательного органа выступили с публичным письмом, в котором отмежевались от политической линии Председателя Верховного Совета РСФСР. На

митингах сторонники Ельцина носили лозунги вроде «Президентской шестерке не перебить российского туза». Предстояла «разборка», тем более что Б. Ельцин публично пригрозил расправой с новоявленными диссидентами. Для подкрепления своих позиций он поехал в Ленинград на Кировский завод, где шесть часов ходил по цехам, провел девять митингов, демонстративно пообедал в рабочей столовой за 1 руб. 20 коп., как сообщили услужливые журналисты, и в целом добился своего, сорвав аплодисменты рабочей аудитории. Он самочинно списал 128 млн. руб. задолженности завода центру (не думая о законности такой меры), призвал коллектив переходить в подчинение РСФСР, обещал полную самостоятельность предприятию, сказал, что выделит валюту для закупки на Западе дизельных моторов для мини-трак- торов. Похлопал директора по плечу, сказав: «Ты наш парень, мы тебе доверяем!»

А в эти же самые дни Горбачев выступал целый вечер по телевидению, якобы интервьюируемый директором телевидения Кравченко. Говорил он в своем духе — гладко, а теперь еще и «раздумчиво» ни о чем. По моей служебной обязанности полагалось бы внимательно слушать президента СССР, чтобы знать политическую линию руководства страны, но, сколько я ни напрягал свой слух и внимание, ничего не мог понять из словесной мешанины. Дело происходило 26 марта. В сердцах я переключил на первую попавшуюся программу и — о Боже! — увидел серую тень Горбачева — Вадима Викторовича Бакатина, который тоже проводил пресс-конференцию. Он вещал о том, что не согласен с запретом уличных шествий и демонстраций, о чем было объявлено в печати в указе премьер-министра В. Павлова. Эта мера, мол, вообще не в духе президента Горбачева и т. д. Такого мне не приходилось видеть нигде в мире, чтобы премьер-министр страны говорил одно, министр его правительства — прямо противоположное, а президент страны вообще ничего вразумительного не сказал. Конечно, на все их запреты никто не обращал внимания.

28 марта имело место «стояние на реке Угре». Оппозиция вывела на улицы тысяч 50 своих сторонников, власти вывели воинские части и милицию, чтобы не допустить митингов внутри Садового кольца. Демонстранты наткнулись на заслоны, прорывать их побоялись, помахали кулаками и ушли к площади Маяковского, куда на белой машине приехал Б. Ельцин, выступивший с обычной «долой-речью». Провинция не всколыхнулась на истерические призывы, никакой всеобщей политической забастовки не последовало, а с таким напряжением ожидавшийся съезд народных депутатов даже принял некоторые

антиельцинские решения. Он разрешил диссидентской «шестерке» выступить с содокладом и отказался рассматривать меры по реализации положительных итогов референдума по учреждению поста президента России.

В итоге Б. Ельцин вышел победителем. Он получил чрезвычайные полномочия для вывода республики из кризиса. На 12 июня 1991 года были назначены выборы президента России.

8 апреля в 11.30 Горбачева посетила делегация депутатской группы «Союз», заявившая: «Вам надо уходить. Вы ничего не можете. Надо созвать внеочередной съезд народных депутатов СССР и оформить сдачу власти». В ответ последовали истерики и взрыв политиканства с целью не допустить созыва съезда. «Держи меня, соломинка, держи!..» — так пелось в популярной тогда песенке.

Ошарашенная партократия никак не могла понять, что же происходит в стране. Из Львова приходили в ЦК телеграммы с требованием: «Не допустите, чтобы у нас отобрали Дом политпросвещения!» Из Еревана: «Велите им вернуть нам здание ЦК компартии!» Из Тулы: «Помогите достать кокс для Косогорского металлургического завода!» Но ЦК уже не имел никакой силы.

Горбачев, по всем признакам, был готов формально капитулировать перед своим политическим оппонентом Б. Ельциным, если бы тот гарантировал ему сохранение хотя бы призрачной власти.

* * *

На работе у нас был непрерывный аврал. Временами появлялось ощущение, что все информационные системы государства перестали функционировать и оставалась одна надежда на КГБ. Приходилось выполнять многочисленные просьбы, шедшие от аппарата премьер-министра, из ЦК КПСС. Все просили по возможности дать обобщенную картину обстановки в стране, определить основные тенденции ее развития и ближайшие перспективы. Никаких трудностей в выполнении просьб не было, поступавшая отовсюду информация была на редкость непротиворечивой, временами даже утомляла своим однообразием. Повсеместно шел развал экономики, гасли доменные печи, останавливались коксовые батареи. Только с начала 1991 года было недодано против плана 4 млн. т кокса, 6 млн. т чугуна, 9,3 млн. т стали, 8 млн. т проката.

Из 123 доменных печей в стране 33 были погашены. Во многих регионах бушевали забастовки, особенно мучительной была «буза» шахтеров, приобретшая явно политическую окраску. Все показатели в сельском хозяйстве шли в одном направлении, они свидетельствовали о прогрессирующем разрушении отрасли.

Политический фронт характеризовался нарастанием сепаратистских настроений, быстрым углублением кризиса внутри КПСС, устойчивым продвижением вперед тех сил, которые выступали под названием «Демократическая Россия».

20 апреля 1991 года меня вызвали во внеурочное время на службу, и два зампреда стали несколько путано объяснять, что надо поехать на собрание депутатской группы «Союз» и выступить. В конце концов выяснилось, что один из ораторов из Прибалтики, выступая на этом собрании, сказал, что в их дела вмешиваются из-за рубежа, и предложил послушать представителя КГБ. Руководство решило просить меня побывать там и ответить на вопросы.

Группа «Союз» была, пожалуй, самой влиятельной фракцией в последнем парламенте СССР, и она проводила свое собрание в зале заседаний дома 27 по Калининскому проспекту. Поскольку мне никаких конкретных указаний не давалось, я решил не использовать частные оперативные данные о вмешательстве Запада в дела прибалтийских республик. Таких данных было полно в открытых источниках. Я загорелся идеей высказаться от всей души по вопросу о сепаратизме. Мне казалось, это будет прямо по «профилю» депутатской группы и прозвучит весьма актуально.

До глубокой ночи я сидел на работе и двумя пальцами на машинке тюкал текст выступления, который никто не видел и с которым я приехал в указанный день на собрание депутатской фракции «Союз». Вот что я сказал тогда депутатам:

> «Уважаемые товарищи народные депутаты! Спасибо вам за предоставленную возможность выступить на таком высоком собрании. Депутатская группа «Союз» провозгласила своей целью отстоять историческое наследие наших предков. Подавляющее большинство моих коллег и я вместе с ними безоговорочно становимся под ваше знамя в этом благородном деле. Я проработал более четверти века в разведке, много лет отдал аналитической работе, и поверьте слову старого солдата: у нас будет много врагов не только из числа доморощенных удельных князьков, но и зарубежных стратегов, которые боятся, что наше великое государство

с его территорией, ресурсами, демографией, уровнем образованности населения может при нормальной организации своей жизни быстро превратиться в действительно могучую державу. Соединенные Штаты несут в себе врожденный страх перед другими великими державами. Им не нужна никакая великая держава на территории СССР: ни коммунистическая, ни демократическая, ни монархическая. В дни Потсдамской конференции после Второй мировой войны США выдвигали проекты разделения Германии на несколько государств, им же принадлежит и план раздела Китая в 1945 году. Теперь наступила наша очередь. Они любят препарировать слабых или ослабевших. Это не возрождение образа врага, а довольно очевидная истина. Послушайте хотя бы один день передачи радиостанции «Свобода», состоящей на бюджете конгресса США. Они буквально сочатся злобой по отношению к нашему единому государству, весь их материал направлен на разжигание ненависти между народами СССР. В передачах на Азербайджан они науськивают население республики на армян, их дикторы, вещающие на армянском языке из соседней студии, натравливают слушателей на азербайджанцев и т. д. И постоянным мотивом остается разжигание ненависти к русским.

Почитайте статьи и выступления Збигнева Бжезинского, бывшего специального помощника президента США по национальной безопасности, и вы увидите, что он патологически зациклен на уничтожении СССР как единого государства.

Госсекретарь Джеймс Бейкер во время последнего посещения Москвы дал понять, что США признают СССР в границах 1933 года, когда они установили с нами дипломатические отношения. Что это значит? Это не только Прибалтика, за отторжение которой они выступали всегда, долгие годы за свой счет содержали в Вашингтоне «посольства» Литвы, Латвии и Эстонии. Границы 1933 года будут означать пересмотр границ с Финляндией (такие голоса там уже раздаются), ревизию границ на западе Украины и Белоруссии, границ с Румынией, отторжение половины Сахалина и Курильских островов. По существу, мы сталкиваемся с программой раздела Советского Союза. Две стаи стервятников, своих и чужих, закружили над ослабевшим телом Отчизны.

Эти стаи летают не раздельно, а сбиваются в одну.

Скажу вам известную вещь: долгие годы американские официальные представители всячески обходили стороной прибалтийские республики, уж очень они боялись, что вынужденный контакт с местными советскими властями скомпрометирует их позицию непризнания вхождения этих республик в состав СССР. А сейчас невозможно остановить массовый наплыв граждан США, включая официальных представителей, в этот регион. Дело дошло до того, что гражданин США, бывший капитан «зеленых беретов» Эйва инструктировал группы «саюдистов», которые взяли на себя охрану здания Верховного Совета в Вильнюсе. Он же учил изготавливать взрывные устройства, обучал приемам ведения боя в городе. На Западе печатаются денежные знаки сепаратистского правительства, оттуда же поступают средства связи, множительная техника и многое другое. Разработку Конституции Литвы консультировали граждане США Уэйман (из Гарвардского университета) и Джонсон (эксперт по административно-правовым вопросам).

А как любят на Западе наших трубадуров сепаратизма! Для них выделяются самые лакомые кусочки — высокооплачиваемые лекции, высшие гонорарные ставки за статьи и интервью. И за все это требуется только одно — поносить свое Отечество и призывать к его развалу. За голубой цвет глаз на Западе никто не заплатит ни копейки, расчетливые политические зазывалы платят только за работу, выгодную и нужную им. Ни в одной стране мира не бродят определенные парламентарии по заграницам в таком количестве, как наши, в поисках приработка, когда дома работы хоть отбавляй. Возникает вопрос: может, они и идеями подпитываются в этих поездках?

Хотелось бы напомнить, что американские конгрессмены не имеют права получать подарки стоимостью выше 50 долл., не могут принимать оплату проезда, проживать за чужой счет в гостиницах или брать иные подношения. Все это рассматривается как обязательная норма этики, нарушения которой караются вплоть до лишения мандата. Сразу же скажу, что по законам США всякая политическая или общественная организация, которая в какой-либо форме будет ставить целью разрушение целостности США, будет объявлена антиконституционной и ее судьба будет решаться в суде.

Американцы поощряют у нас все, что запрещают у себя дома.

В последние годы обращает на себя внимание повышенная активность радио, газет и журналов западных стран в предоставлении своих страниц и вещательного времени для политических и общественных деятелей, бывших и настоящих, из СССР. Трудно представить себе, чтобы рядового американца, англичанина или немца уж очень интересовал очередной протуберанец слов нужного Западу политика. В данном случае чужие журналы, газеты служат лишь отражающим зеркалом, пускающим раздражающие зайчики ненависти в глаза нашему народу. Эти интервью берутся, чтобы легализовать подкормку избранного человека и подлить масла в огонь наших внутренних неурядиц. Мы все дети одного Отечества, и нечего нам звать в помощь и в судьи чужих дядек.

Нередко в дипломатических переговорах и застольных тостах западные представители говорят о своей озабоченности развитием ситуации в Советском Союзе и о желательности сохранения целостности нашего государства. Они могли бы доказать это давно делом. Достаточно было бы снять торгово-экономическую блокаду, распространенную на всю наукоемкую технологию, сменить ключи в пропагандистском наступлении. Они этого не делают. Зато они панически боятся, что в результате развала Советского Союза ядерное оружие может оказаться одновременно в руках противостоящих группировок и последствия такого положения станут непредсказуемыми. Они даже многократно заводили разговоры о том, что может-де сложиться ситуация, при которой отдельный подвижный ракетный комплекс может быть захвачен какой-либо диверсионно-террористической группой и стать опасным средством шантажа. Но даже из этой озабоченности они делают свои собственные выводы: начинают поговаривать, что может создаться обстановка, при которой будет оправдано установление международного контроля над ядерным оружием и ядерными объектами Советского Союза. Здесь уже речь пойдет не о разделе Советского Союза, а о его фактической оккупации. Вот в каком направлении работают головы геостратегов за рубежом.

Обо всем, что я сказал, Комитет государственной

безопасности своевременно и подробно информировал руководство страны, и мы очень встревожены, что может повториться трагическая история кануна Великой Отечественной войны, когда разведка во весь голос кричала о неминуемом приближении фашистского вторжения, а Сталин считал эту информацию неверной и даже провокационной. Во что это нам обошлось, вы знаете!

Товарищи депутаты! Всем сердцем я разделяю вашу боль и заботу о сохранении Союза. Уже как историк по профессии хочу сказать, что лицемерны обвинения в адрес некоей «русской империи», созданной насилием. Через борьбу за объединение прошли все великие державы, и лидеры этой борьбы остались в памяти как величайшие патриоты. Авраам Линкольн не допустил развала Соединенных Штатов. Он не побоялся начать даже Гражданскую войну, чтобы сокрушить Конфедерацию южных штатов. История его оправдала. Англия длительное время воевала с Шотландией, а затем с Ирландией, пока не стала Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии. Королева Елизавета велела отрубить голову последней шотландской королеве Марии Стюарт. Англичане не намерены уходить из Ольстера, оставлять Мальвинские острова, сколько бы ни сокрушалось мировое общественное мнение.

В Азии Китайская Народная Республика решает проблему Тибета с учетом своих национальных интересов. Индия четко и ясно определила свою позицию в кашмирском вопросе.

В Африке появилось много сепаратистских движений. Вы, безусловно, помните Катангу, отделявшуюся от Заира, Биафру, воевавшую за отделение от Нигерии, Западную Африку, Эритрею и т. п. Чтобы не давать сепаратистской опухоли разрушать молодые государства, Организация африканских государств постановила не признавать законность всяких трайбалистских движений (т. е. племенных, национальных), направленных на ломку границ и территориальной целостности. Неужто африканцы окажутся мудрее нас и их позиция станет нам укором?

И последнее. Всякий объединительный государственный процесс объективно сродни прогрессу. Бисмарк, «мечом и кровью» объединявший в прошлом

веке Германию, создал основы для роста и процветания нации и государства. Виктор Эммануил, с одной стороны, Гарибальди — с другой, создали единую Италию. Для развития нужны большие хозяйственные пространства, единый рынок, крепкая денежная система, надежный правопорядок. К этим ценностям всегда стремилась буржуазия. К развалу, к национальной замкнутости, деревенской обособленности всегда звали люди с феодальным образом мышления.

В руках депутатов, прежде всего союзного уровня, сейчас будущее Родины. История не простит пассивности и бездействия. Она будет судить только по делам, по результатам. Сегодня каждому советскому гражданину хочется увидеть день, когда заседание съезда народных депутатов СССР сравнится по нерешительности и значимости с Нижегородской сходкой в далеком 1611 году, когда Кузьма Минин одной речью поставил на дыбы страну, создал ополчение и пошел выручать Москву, погрязшую в интригах с поляками и склоках между собой. Желаем вам успехов в работе!

21.04.91».

* * *

На пленуме ЦК КПСС, собравшемся в Москве 24 апреля 1991 года, Горбачева как генсека так сурово критиковали первые 22 оратора, что он не выдержал, выступил 23-м и попросил об отставке. И тут — о святый Боже! — все стали просить его не уходить. Как в романсе: «Не уходи, побудь со мною!» Из 400 участников пленума только 13 проголосовали за отставку, а еще 14 воздержались. Ну и «орлы»! Куда же девался весь антигорбачевский запал? Ведь в канун пленума 26 парторганизаций краевого и областного уровня открыто выразили недоверие Горбачеву, да чего там говорить, вся партия кипела! Но когда наступил момент принимать решение, у партийной верхушки сразу заработали инстинктивные номенклатурные тормоза. Так и хотелось закричать: «Да здравствует закулисная политика! Виват кабинетным корифеям! Вечная слава трусам и оппортунистам!» Конечно, это было собрание политических трусов, и они в который раз испугались предоставляемой им свободы. Ни у кого не возникло мысли об обращении ко всей

партии, об открытии общесоюзной партийной дискуссии, способной оживить партийные организации. Был избран путь самоубийства!

Днем раньше, 23 апреля, на даче в Новоогареве Горбачев подписал акт о капитуляции под сепаратистским нажимом со стороны республиканских вождей, ибо серьезно стал опасаться либо насильственного введения чрезвычайного положения, либо досрочных выборов и его мирного устранения из Кремля.

Вспомнив, что Горбачев родом из Ставрополья, я с улыбкой прочитал 28 апреля в «Комсомольской правде», по-моему, издевательскую заметочку, которую не могу не привести полностью: «Побить мировой рекорд в свисте попытаются участники конкурса «Свистун-91», который будет проходить в Ставрополе. Рекорд установлен в 1983 году и составляет 122 децибела. По сведениям устроителей, гоночный автомобиль производит шум в 125 децибел, а 192 приводят к летальному исходу. Как известно, от свиста деньги в карманах выводятся. Здесь же, если повезет, можно высвистеть видеомагнитофон, персональный компьютер, предложенные организаторами из ассоциации содействия Обществу Красного Креста в качестве призов. Свистеть — невредно».

В эти дни я делал заметки чаще, чтобы зафиксировать свои ощущения, вызванные неотвратимостью катастрофы. 24 мая я записал: «Заседания, суета, всплески растерянности, нервические задания, поручения — все как в кино, когда хотят показать последние дни режима, власти. «Дни Турбиных» еще наполнены человеческим содержанием, а в наши дни и оно вроде бы исчезло. Какая-то сатанинская какофония. Политическая фауна постоянно мимикрирует, проделывая самые забавные, прямо-таки цирковые номера. Сам президент сидит в ложе Большого зала консерватории и единственный не аплодирует, слушая, как Елена Боннэр публично разносит все коммунистическое на вечере памяти А. Сахарова в связи с его 70-летием. Ельцин тоже сидит, но уже аплодирует. Все стараются обежать друг друга справа, хотя называют это обгоном слева.

Из хаотического нагромождения политических структур, рушащихся и создающихся, из болтовни «государственных деятелей», словесной диареи журналистов у меня создается смутное ощущение, что самое страшное позади — угроза гражданской войны. В ее объективную неизбежность я никогда не верил, хотя политиканы пинками гнали к ней потерявших разум от нищеты, бесперспективности людей. Нам не за что умирать, нечего делить между собой. Народ един в своем несчастье. Все политические силы согласны в том, что нужна нормальная

рыночная экономика, все говорят о неприемлемости возвращения к старым порядкам, о необратимости демократии, все говорят о возрождении. Все «душераздирающие» разногласия сводятся вульгарно к тому, кто из спорящих хотел бы управлять страной и какой ценой он готов добиваться этого».

* * *

В самом конце мая мне довелось быть с В. А. Крючковым в служебной командировке на Кубе. Вокруг этой поездки в прессе наплели кучу домыслов, в то время как речь шла о самом простом — о сахаре. К маю стало ясно, что запасы сахара катастрофически сокращаются. Обычно СССР производил сам 8 млн. т в год, 3,5–4 млн. т нам поставляла Куба, и приходилось прикупать еще на свободно конвертируемую валюту 1,5 млн. т на мировом рынке. Оказалось, что под урожай 1991 года мы не смогли засеять 30 % отведенных под сахарную свеклу площадей из-за общего бедлама. Валюты в казне уже не было. Да и кубинцы думали сократить поставки в СССР на 1 млн. т, поскольку наша страна катастрофически не выполняла свои торговые обязательства перед Кубой.

Чтобы предотвратить наступление сахарного кризиса, было принято решение о поездке Крючкова на Кубу. Ни о какой секретности речи быть не могло. На Кубе удалось посетить целый ряд крупных строек, заводов, учреждений, воочию увидеть отчаянные усилия правительства и народа вырваться из двойной экономической блокады — американской и советской. Первая была актом политического давления, а вторая — объективным итогом разрушения нашего хозяйственного механизма. Встречи с людьми были открытыми, многолюдными.

Я специально во время этих бесед отходил в сторону, наблюдал за лицами, за выражением глаз, за жестами, слушал обрывки разговоров. Честно скажу, что видел лица погасшие, безразличные, источенные трудностями жизни, но не нашел ни одного враждебного, искаженного ненавистью, злобного лица, каких у нас навалом. Не слышал ни одного острого враждебного вопроса, ни одной жалобы, нытья, без которых не обошлась бы ни одна встреча подобного рода у нас. Никто не сгонял работающих к машине Фиделя, никто не толкал, не отпихивал любопытствующих. (Охрана лишь внимательно следила за тем, чтобы Фидель стоял лицом к лицу с аудиторией, пусть даже нос к носу.)

Вспоминалось, что на Кубе никогда не было репрессий. Эта удивительная революция не пожрала никого из своих детей. Здесь есть что-то другое из социальной психологии. Я надеюсь ответить на этот вопрос в другой книге.

В ходе переговоров мы заверили, что постараемся выполнить все намеченные поставки, а кубинцы пообещали, что сдержат слово и отгрузят в 1991 году не менее 3,5 млн. т сахара. Цель поездки была достигнута.

На прощальном банкете, который проходил, кстати, в резиденции советского посла на Кубе Юрия Владимировича Петрова, сменившего в свое время Ельцина на посту первого секретаря обкома КПСС в Свердловске, а после возвращения с Кубы длительное время работавшего руководителем администрации Ельцина уже как президента России, Крючков единственный раз коснулся темы сохранения Советского Союза, сказав, что в СССР еще не все потеряно и что есть силы, энергично выступающие против раздела Отечества.

12 июня 1991 года, во вторник, объявленный нерабочим днем, чтобы привлечь людей к урнам, состоялись выборы первого президента России. Победил Ельцин. За него проголосовали 45,5 млн. избирателей, против — 32,2 млн. От, условно говоря, коммунистической платформы выступали четыре кандидата: бывший премьер-министр Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин, командующий Приволжским военным округом генерал-полковник А. М. Макашов и председатель Кемеровского Совета народных депутатов А. М. Тулеев. Они в общей сложности набрали 25,5 млн. голосов. Пятым был эксцентричный лидер либерально-демократической партии В. В. Жириновский, собравший 6,2 млн., или около 8 % всех голосов.

На выборах не было борьбы партий и программ, боролись только личности, и победила в то время самая яркая, самая заслуженная в своей оппозиции к Горбачеву, к КПСС, к старому строю. Люди проголосовали против старой системы. За какую новую систему они отдали голос, они себе слабо представляли. Ведь Ельцин никогда до выборов не говорил, что поведет дело к реставрации капитализма. Все шесть кандидатов одинаково монотонно говорили о плюрализме в экономике и в политике, с разницей лишь в темпах. Слушать их было скучно. Потешал лишь Жириновский своими петушиными наскоками на Ельцина да экстравагантными всплесками типа: «Уберите этого газетчика из зала. Я — кандидат в президенты! Чего это он вздумал задавать мне вопросы?»

КПСС потерпела поражение по всем азимутам, и теперь ее судьба — догнивать в оппозиции.

Напуганный Горбачев стал искать защиты своего былого недруга Ельцина и был готов отдать все, чтобы его только не попросили из Кремля. Он несколько дней сидел в Новоогареве с новыми «удельными князьями» и писал под их диктовку «Союзный договор», ликвидирующий Союз. Верховный Совет СССР, раздробленный на депутатские крупицы, беспомощно болтал последние речи. Скоро, через полгода, ему предстояло прекратить свое существование по воле «9+1» (так называлась новоогаревская группа, состоявшая из 9 руководителей республик и президента СССР).

17 июня премьер Павлов поставил в Верховном Совете вопрос о предоставлении ему чрезвычайных полномочий. Его поддержали Язов, Крючков, Пуго. Но все развивалось настолько вяло, тягомотно, что окончилось очередным документом — «решением», которое ничего не решало.

Как Горбачев пожалел в свое время Ельцина, оставив его в 1987 году на посту министра, хотя и погрозив пальцем со словами: «Имей в виду, в политику я тебя больше не пущу!», так и Ельцин был готов «возвратить должок», оставив Горбачева на положении приживалы в Москве, на декоративной должности. Вскоре в США, куда Ельцин поехал с первым государственным визитом через неделю после выборов, он сказал: «Я никогда не буду пытаться занять место Горбачева. Я ему это обещал».

Остатки коммунистической рати были деморализованы полностью. Мне в руки попало письмо в ЦК члена политбюро и секретаря ЦК КПСС Антоновича, который сам боролся на выборах за место народного депутата РСФСР от Первомайского района Москвы против Ю. Афанасьева, ректора Историко- архивного института, выступавшего под флагом радикальной демократии. Глубоко уважаемый мной Антонович честно писал, что партия отвергается народом, на нее возлагается вина и за прошлое, и за шестилетнее топтание на месте под скрип «перестройки». Под ее знаменем уже нельзя выиграть никакие выборы, сколько ни старайся. «Я, — писал он, — распространил 250 тыс. листовок, провел сотни встреч и все-таки проиграл сопернику, который вообще не вел избирательной кампании, впрочем, как и Г. Попов, как и Б. Ельцин. Они были уверены в том, что антикоммунистический настрой в обществе автоматически обеспечит им победу. Они лучше знали настроение народа».

* * *

Поражение и раскол — два родных брата. Большинство сибирских и дальневосточных парторганизаций заявило о своем несогласии с курсом формального руководителя Горбачева. Они поставили вопрос о созыве внеочередного съезда и рассмотрении «оргвопроса», то есть снятии Горбачева с поста генсека. Для нормальной логики нормальных людей это совершенно естественно. Лидер, приведший партию к потере власти, к потере авторитета, к нарушению всех социалистических ценностей, составлявших партийный идеологический фундамент, должен был бы уйти и сам, будь он чуть-чуть по- совестливее и уважай хоть капельку столь модные «общечеловеческие ценности». Честность, наверное, не последняя ценность этого рода. Но наш политический истеблишмент живет не по этим правилам, у него свой кодекс поведения: любой ценой (именно любой!) оставаться у власти, не останавливаясь ни перед чем, для всего найдется оправдание. Вялый во всех других делах Горбачев вновь забурлил активностью, стараясь не допустить созыва съезда, чтобы не оказаться в роли ответчика на трибуне-эшафоте.

Обращение сибиряков и дальневосточников всполошило партийные верхи, партия начала просыпаться снизу, чего так старались не допустить во все годы агонии. Сразу же по Москве поползли слухи о неминуемом со дня на день выходе из партии Яковлева, Шеварднадзе, Бакатина и др. Открыто стали говорить о том, что в партии раскол и очередь лишь за его организационным оформлением. Шеварднадзе, находясь в поездке в Австрии, сказал, что надо создавать новую демократическую партию. Это дало повод для начала расследования против него как члена ЦК КПСС. Но он уже давно в душе простился со своим партийным пьедесталом и витал на других крыльях в других эмпиреях.

Атомизация КПСС означала удар и по другим партиям, которые десятками создавались в стране. Люди перестали доверять всем партиям, самому политическому инструменту в виде партии. Любая партия как форма организации политических сил была заранее скомпрометирована. Наступило время широких, расплывчатых «движений», через опыт которых уже прошли многие страны Восточной Европы, отринувшие социализм. Набирали силу «Демократическая Россия», «Рух» на Украине, «Саюдис» в Литве и т. д.

Формальный раскол в КПСС стал фактом 2 июля 1991 года, когда А. Н. Яковлев вместе с Шеварднадзе, Руцким, Силаевым, Петраковым, Шаталиным и др. опубликовали заявление о создании «Движения за демократию» (очередное «движение»). Заявление выглядело попыткой «чистых» демократов-интеллигентов встать над грязной лужей, в которой барахтались

актеры политической драмы. В их заявлении звенела нота элитарности тех, «кто уверен в своих силах и знаниях», «кто не боится конкуренции» и т. п. Дух заявления пропитан ненавистью ко всему, что связано с государством, в этом они выглядели почти сродни анархистам. Навязчивым и подозрительным был перекос в сторону безграничных свобод личности. Президент Горбачев, полностью потерявший ориентацию во времени и пространстве, все же распорядился, чтобы его пресс-секретарь сделал от его имени заявление, что он поддерживает это движение, ибо «оно направлено на достижение согласия, единства…» и т. д.

* * *

Кроме макромира я еще живу в нашем профессиональном микромире. Корпус офицеров государственной безопасности начинает давать трещины. Причин много, но к ним добавилось и плохое материальное обеспечение. Зарплата невелика и стабильна, в то время как цены постоянно растут. В моем управлении появились просто бедствующие офицеры. В семьях, где трое детей, родители еле-еле сводят концы с концами. Я как начальник управления имею право помочь таким семьям в размере двух месячных окладов в течение года, но это капля в море. Нищета для спецслужб — смертный приговор. Чтобы выжить, люди будут уходить, либо — и это неизмеримо хуже — искать приработок на стороне. Мой коллега — начальник соседнего управления говорит, что к нему на стол еженедельно ложатся три-четыре рапорта об уходе. Люди честно говорят, что им «надо кормить семью». Уходят, как правило, те, кто активнее в жизни, умнее, жизнеспособнее.

Среди старшего генералитета явная растерянность и замешательство. В столовой — единственном месте для свободного общения — они гудят, как растревоженный пасечником улей, норовя кого-нибудь ужалить. Отдельные голоса еще слышны: «Вот надо бы…», но все-таки доминируют озабоченность, неуверенность, разброд. Я больше отмалчиваюсь. Иногда на меня шипят: «Ты чего молчишь, аналитик?» А что я им скажу, зачем буду расстраивать их в час обеда? Все и без моих сентенций ясно, слишком очевидны и грубы силы, формирующие сегодняшний лик нашей истории.

Чтобы успокоиться, вечерами читаю Ключевского. Беру его работу «Иностранцы о России» и с горечью вижу, что в XV–XVII веках мы производили на иноземцев тяжелое впечатление не

только своей отсталостью, но и морально-нравственными качествами. Иностранные послы Олеарий, Поссевитин, Флетчер и др. почти в один голос отмечали, что в России царит деспотизм без меры, «черных, тягловых» людей грабят, кто и как умеет, дьяки и чиновники славятся только лихоимством, в моде хвастовство силой и богатством, даже когда их на самом деле нет; народ проявляет бесконечное терпение и готовность жить в лишениях; непредприимчивость и довольствование «чем Бог послал» всеобщи; бездорожье и скудные условия жизни ужасающи. Положа руку на сердце, признаю, насколько живучи оказались эти черты — все до единой производные от деспотизма. Наверное, лучшим временем для нашего народа был XIX век, когда при всех неисчезавших мерзостях жизни о них уже открыто писали Гоголь, Достоевский, Толстой и Чехов. Именно в это время начал пробиваться какой-то нравственный критерий, появилась шкала человеческих ценностей, все больше рождалось людей с понятием о чести и достоинстве.

Самой отвратительной чертой нашего времени стало всеобщее и скандальное разрушение морально-этических устоев личности. Безнравственность, неуважение к самому себе, нечистоплотность становились господствующим типом поведения. Бомж-алкоголик, укравший ребенка из оставленной у двери магазина детской коляски и предложивший продать его за поллитровку водки, сродни по уровню морали высокопоставленному государственному сановнику, «покупающему» за символическую цену государственную дачу со всем ее содержимым и земельным участком в придачу. 10 июля 1991 года я сидел на работе с включенным телевизором и смотрел церемонию вступления Б. Ельцина на пост президента России. Его слова о готовности заменить любую идеологическую схему церковным морально-этическим кодексом ложились успокоительно на душу. Присутствие Патриарха всея Руси Алексия II, его призыв к гражданскому миру, к отказу от сведения счетов, к ориентации на светлые идеалы также рождали надежды. Громкозвучно разносились слова о возрождении России, о ее величии. Невольно подумалось, что в принципе такой путь «к Храму» тоже возможен, но, наверное, при другом поколении политических пастырей. Подтверждая это сомнение, на экран снова выплыло знакомое лицо Горбачева, который натужно пытался изобразить из себя одновременно и старшего по положению, и преданного подчиненного.

Зал частенько встречал его слова хихиканьем…

Finita la comedia

При полном штиле 22 июля я ушел в очередной отпуск в Комитете государственной безопасности, еще не ведая, что к нормальной работе уже не возвращусь никогда. Отпускная пора была в полном разгаре, и уезжали отдыхать многие руководители управлений. Никаким заговором в наших коридорах не пахло.

По традиции я съездил на неделю в родное село Алмазово, где, вспоминая молодость, от души поработал косой, топором, чистил скотный двор, приводил в порядок домик своей 75-летней двоюродной сестры. Оттуда отправился в Сибирь, в Красноярск, там с семьей купили билеты на теплоход «А. Чехов», плывший рейсом до бухты Диксон. Совершить путешествие по Енисею, повидать Сибирь было нашей давнишней мечтой.

Поездка удалась на славу, посмотрели все примечательное, что есть на трехтысячекилометровом маршруте. Я до земли кланяюсь тем сибирякам, которые радушно принимали нас по пути, щедро делились своими знаниями родного края, открывали нам сокровищницу своих сердец. Вот тут и вспомнились некрасовские слова: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь…» Всюду могучая красота природы, естественные богатства нашей земли, лесов и рек поражали воображение, и встречали большей частью неприятие дела рук человеческих. На них лежала печать разрыва между землей и человеком. Люди чаще всего выглядят временными жильцами в этом крае, безразличными ко всему, кроме желания немедленно вырвать из него самый сочный и жирный кусок. Хищничество, бескультурье, убогость временщика больше всего ранили сердце.

* * *

Отпуск мой должен был закончиться в начале сентября. Вернувшись из Сибири в середине августа, я мирно трудился «во саду ли, в огороде» на казенной даче, превращенной моими собственными руками в цветущую плантацию, пока не раздался тревожный звонок по служебному телефону, извещавший меня о том, что в воскресенье, 18 августа, в 22.30 в кабинете председателя состоится совещание, на которое приглашаются члены коллегии (я был введен в состав коллегии еще в конце февраля).

К назначенному часу большинство руководителей управлений и членов коллегии приготовились к проведению совещания, но последовала команда всем быть свободными и собраться лишь утром 19 августа. Все понимали, что происходило что-то важное, но мы не имели даже представления о содержании и масштабах ожидавшихся событий.

Отмена вечерней коллегии состоялась уже поздно, и я решил не возвращаться на загородную дачу, тем более что водителя служебной автомашины я уже отпустил отдыхать. Заночевал в своем кабинете: мне такие ночевки были привычны за долгие годы работы в информационно-аналитических подразделениях. Рано утром 19 августа дежурный по управлению разбудил меня, сообщив, что по телевизору передают документы об объявлении чрезвычайного положения. Я прилип к «стеклу». Испуганный, мятый диктор бесцветным голосом извещал просыпающихся сограждан о наступлении иного измерения в судьбе Отечества.

Я вспоминал аналогичные моменты в жизни других стран и народов. Там подобные объявления преподносились в совершенно иной эмоциональной обстановке. Выступали новые, ранее незнакомые лица, они действовали в непривычной, не студийной обстановке, тон заявлений был решительным, энергичным, не оставляющим сомнения в правоте действий. Все бывало необычным, потому что необычной была сама ситуация. А на нашем экране все было вяло, бескровно, полуобреченно.

Все последующие дни так называемого «путча» полностью подтвердили правоту первых ощущений. Про наше управление все как будто забыли. Ни от кого не было ни указаний, ни поручений. Руководство как бы растворилось. Чисто механически мы отбирали из поступивших телеграмм наиболее, как нам казалось, яркие и направляли их в секретариат председателя КГБ для последующей рассылки адресатам, которых там лучше могли определить. Такое выпадение нашего управления из поля зрения руководства не могло не быть дурным предзнаменованием, оно означало, что все внимание его поглощено иными, далекими от нас проблемами. Без какого-либо толка я просиживал рабочие часы с острым ощущением надвигающегося краха. С улицы доносились звуки проходившей бронетехники, время от времени звонили телефоны, и голоса друзей и коллег добавляли тревоги и беспокойства. Все спрашивали, что происходит, а я не мог ответить ничего вразумительного, потому что сам был в неведении.

21 августа стало известно об аресте членов ГКЧП. Все ясно, предчувствия не обманули. Можно было с искренним пафосом сказать: «Финита ля комедия!» Перестройка не была

перестройкой, коммунисты не были коммунистами, демократы никакие вовсе не демократы, путч похож на фарс.

* * *

На другой день мне исполнялось 63 года. Я принял решение порвать с миром политиканства навсегда. Этот день выдался самым нервным. С утра приехал и прошел в кабинет председателя новый шеф КГБ, вчерашний начальник разведки Л. В. Шебаршин. Он сразу созвал коллегию, в ходе которой за одну минуту проштамповали два решения: объявили органы госбезопасности департизированными и отмежевались от действий «путчистов».

В это время пришло сообщение, что на Лубянской площади создалось угрожающее положение, растущая толпа вела себя агрессивно, раздавались голоса, призывавшие к захвату здания КГБ. Было принято решение отпустить всех сотрудников по домам, чтобы не увеличивать риска для личного состава и уменьшить возможность возникновения столкновения. Новый председатель КГБ настойчиво требовал полного запрещения использования оружия даже в целях самозащиты. Это вызвало недовольные возгласы: «Мы не позволим, чтобы нас, как баранов, перерезали в кабинетах, мы будем защищаться». Но председатель упорно стоял на своем.

Л. В. Шебаршин не раз пытался дозвониться Горбачеву, но тот не брал трубку, а когда взял, то ничего вразумительного сказать не мог. В зале заседаний росло напряжение. И тут целиком включилась новая скорость нагнетания истерики: дежурный по приемной вызвал к телефону сидевшего за общим столом В. Иваненко, занимавшего пост и. о. председателя КГБ России и члена коллегии КГБ СССР. Через пару минут он возвратился красный, взъерошенный, взял со стола свою папку и резко пошел к дверям, сказав на ходу: «В Белом доме истерика. Говорят: «Какого черта ты заседаешь с этой бандой преступников? Немедленно уходи оттуда». Поеду успокаивать!» Кто-то бросил вслед: «Это последний человек, которому будет позволено свободно уйти из этого здания».

Доклады дежурной службы становились все более тревожными. Было внесено предложение: послать телеграммы Горбачеву и Ельцину с просьбой лично вмешаться и предотвратить насильственный захват служебного здания. Телефоны оказались бесполезными, на звонки никто не отвечал. Решили «отметиться» на всякий случай, пусть знают, что мы не

хотели насилия. Я набросал текст телеграммы и передал ее Шебаршину, который ее чуть укоротил, убрав слова о том, что некоторые офицеры готовы защищать свою жизнь с оружием в руках, и отправил. Мы остались ждать со щемящим чувством тоски. По ходу мы набрасывали соображения о реформе Комитета госбезопасности путем его разукрупнения. Такие планы разрабатывались нами и раньше, за несколько месяцев до этого, так что надо было лишь актуализировать документы. Но работа, понятное дело, шла вяло. Мысленно мы были на площади.

Минут через 20–30 после отправки телеграммы на Лубянку приехал Б. Ельцин, переговорил с собравшимися, после чего угроза захвата здания, документации и возможного кровопролития стала спадать. Перед уходом домой мне доставили большую радость: ко мне пришла группа моих товарищей по работе. В руках у них были бутылка коньяка, фрукты, конфеты. Они завесили серую печаль своих лиц улыбками, стали поздравлять меня с днем рождения, о чем я совершенно забыл. Какие умники! А я ведь велел всем покинуть здание.

Тональность тостов была возвышенной. Всем было ясно, что мы прощались. Я им сказал, что принял решение уйти в отставку, посоветовал им самим держаться, не поддаваться унынию и панике, служить России — второго Отечества у нас нет и не будет — и ее народу в новых условиях. Товарищи желали мне стойкости, выражали уверенность, что я найду свое место и в новых условиях. Они были не просто корректны, но по-сыновьи внимательны и трогательно заботливы. Кто-то вспомнил, что всего пять дней назад мне было присвоено звание генерал-лейтенанта, указ был подписан М. С. Горбачевым 17 августа 1991 года. Это звание я унесу с собой на добрую память о честно отданных Родине годах службы. Но ни одна деловая бумага уже не уйдет из управления с моей подписью под этим званием. Кончено!

* * *

22 августа утром вновь объявили общий сбор коллегии. Приехал очередной председатель Комитета госбезопасности В. В. Бакатин. Он извинился за то, что его никто не представляет и он это делает сам в надежде, что возражений не будет. Собравшиеся криво и мрачно ухмыльнулись. Мягким актерским тоном он сказал, что «пришел в КГБ, чтобы его ликвидировать». Дальше он

стал успокаивать, что, дескать, никто не собирается развязывать демократический террор, сводить счеты. Пусть, мол, люди нормально трудятся и т. д. Все выслушали молча.

Вернувшись к себе в кабинет, я написал два документа: рапорт на имя Бакатина об отставке и объяснительную записку о своих личных действиях за три дня, в течение которых в стране была «путчевая» смута. Я подчеркнул в документах, что ни один из моих подчиненных не получал от меня никаких поручений в связи с происшедшими событиями, ничего не знал и не мог знать об их приближении. На этом закончился день 22 августа 1991 года. Следующие дни — субботу и воскресенье — я был на даче, мы с Шебаршиным засели за шахматы, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей. Но игра не шла, разговор упрямо поворачивал на темы, связанные с путчем. Выяснилось, что он тоже намерен уйти в отставку. Договорились, что сделаем это почти синхронно.

В 9 часов утра в понедельник, 26 августа, я был у дверей кабинета председателя с рапортом об отставке. Бакатин на секунду выходил из кабинета, на мою просьбу принять рапорт грубо ответил: «Вы бы мне еще всунули бумагу в коридоре». Я сказал: «Вы знаете о моем решении, а рапорт получите через секретариат». Больше я Бакатина не видел, и слава Богу. Слышал о нем только отрицательные мнения от его ближайшего окружения, жаловавшегося на его грубость и партхамство, хамелеонство и невыносимое позерство. Но всего этого, спасибо судьбе, я не испытал, да и не стал бы испытывать при любом стечении обстоятельств.

Моя отставка была молниеносно принята. Уже на другой день я сдал дела столь же скоропостижно назначенному сменщику В. А. Рубанову, который когда-то работал помощником у Бакатина в бытность последнего министром внутренних дел. «Смена караула» была проведена с соблюдением всех приличий. Пришел заместитель начальника управления кадров, представил нового шефа управления, и даже мне было предоставлено слово. Я, как мог, тепло поблагодарил своих коллег, товарищей и друзей и наказывал им держать высоко профессиональную честь управления, как бы трудно ни складывались обстоятельства. Ответные слова не были произнесены, я прочитал их в глазах моих товарищей.

* * *

Первые месяцы после своей отставки я испытывал состояние

шока, когда хотелось запечататься в квартире, вырубиться из окружающего мира. Я не читал газет, не смотрел телепередачи. Постепенно, медленно возвращалось ощущение жизни. Появились предложения поработать в новых структурах. Это дало возможность восстановить связи с людьми, пробудить интерес к судьбе своего окружения. Вскоре измятые крылья мысли расправились, и думы вновь вернулись к вечному предмету забот — о судьбе Отечества и народа.

Почему произошла историческая трагедия именно в моем государстве, быть гражданином которого я почитал за честь? Скучный ученый, каким и я мог бы стать, привел бы десятки политических, социально-экономических и иных причин, кои предопределили нашу горестную судьбу: нам повредили разум. Повинны в создании липкой паутины лжи, лишающей наш народ свободы движения, только те, кто одержим особой страстью — властолюбием, и те, кто из корысти помогает им ткать эту паутину. Властолюбцы, как правило, недогружены разумом, но перегружены амбициями. Они будут лгать порой неумело, грубо, но, главное, неутомимо всю свою жизнь.

Политические лидеры, независимо от того, мученики они или герои, — всегда одержимые недугом власти люди. Счастья от них простым нормальным гражданам нет. Они не несут никому благополучия и покоя. Народ — лишь пьедестал для их «героических» дел. Их собственное «я» затмевает все остальное, они отличаются от своих соплеменников болезненной гипертрофией честолюбия. Мы только тогда научимся противостоять ветрянке лжи, когда будем трезво-критически относиться к претендентам на роль наших поводырей и будем судить их только по их делам, по результатам их деятельности, а не по обещаниям и посулам. Это и будет наш шаг, а может быть, и весь путь к гражданскому выздоровлению…

Я остаюсь приверженцем социалистического выбора, которому чистосердечно служил. Не большевики изобрели его, и не Маркс был его автором. Корни человеческой мечты о равенстве, о братстве уходят в древние времена. Учение Христа и его апостолов — это только наиболее полно и письменно изложенное представление о справедливом обществе. Мечта о нем всегда сопровождала человечество и в форме религиозных верований, и в форме научных утопий, и в виде практических попыток построить такое общество на Земле. Таких попыток было много, социалистическая революция в России была самой масштабной, самой глубокой и влиятельной из всех ранее предпринимавшихся человечеством. Она окончилась неудачей. Но не потому, что порочна сама идея, а потому, что она была

извращена и испоганена теми, кому народ позволил узурпировать власть.

Камо грядеши? Куда пойдет моя, наша Родина? Сегодня можно, сжав сердце в комок, сказать, что Россия являет собой зрелище гибнущего очага своеобразной русской цивилизации. Мы являемся свидетелями угасания одного из выдающихся народов мира. Россия уже в целом больше хоронит, чем рождает. Дальше будет еще хуже, так как, по статистике, русская женщина рождает всего 1,5–1,8 ребенка за свою жизнь. Вымирание будет прогрессировать. Особенно быстро оно идет в исконно русских областях: Рязанской, Тульской, Владимирской, Московской, Тверской.

Средняя продолжительность жизни русского человека сократилась на десять лет. Этот показатель пойдет вниз и дальше, так как 80 % населения сейчас живут ниже черты бедности, лишены возможности нормально питаться, а следовательно, обречены на деградацию, болезни и ускоренную кончину. Невыносимо тяжелые условия жизни обрекают народ на самоубийство.

Население на российской земле напоминает остатки истребленного народа. 25 млн. пенсионеров-стариков доживают большей частью в нищете свой незадачливый век. Они вскоре уйдут, и численность русского народа сократится до 80–85 млн. человек.

Еще 25 млн. русских живут теперь за рубежами России. На них, превратившихся в национальное меньшинство, сейчас вымещают злобу представители «коренных национальностей» за грехи псевдосоциалистических правительств. Этим миллионам грозит либо изгнание, либо вымирание, либо ассимиляция.

Стараниями горе-политиков в нашей стране создана среда, враждебная для обитания человека как биологической особи. Для того чтобы новая молодая семья могла приобрести свою квартиру, ей надо заплатить 600 средних месячных заработков, то есть внести сбережения за 55 лет трудовой жизни.

При нынешней дезинтеграции общества никто не имеет представления о размахе алкоголизма и наркомании в нашем обществе. Иностранцы, живущие в Москве, с ужасом говорят о вероятных масштабах поражения нашего общества СПИДом при полном отсутствии контроля со стороны медицинских властей и распущенности нравов.

Состояние медицины, образования, спортивно-оздоровительной работы говорит о том, что государственные, правительственные структуры бросили свой народ на произвол судьбы и предоставили его самому себе.

Но русский народ утерял навыки самоорганизации, он разобщен до крайности, забит и запуган. Деморализация, духовное опустошение перешли за критически допустимую отметку. Потому-то национальное самосознание русского народа почти не ощущается, умирает душа народа. Он безразлично подчиняется разгулу преступности, безропотно отдает в руки наглых аферистов все общественное состояние, нажитое веками труда многих поколений предков. Нынешние поводыри государства ничего не делают, чтобы реанимировать угасающий народ.

* * *

Вопрос «Есть ли будущее у России?» задавал себе академик И. Шафаревич и не нашел ответа. Не нахожу его и я. Сколько ни всматриваюсь в Россию, не вижу на сегодня сил, способных возглавить действительное возрождение страны и русского, российского народа.

Армия, хранительница и защитница родины и народа в последней инстанции, позволила себя разрубить, как тушу, на куски сепаратистскими топорами. Генералитет погряз в коррупции, офицерский корпус мечется в отчаянии перед угрозой увольнения и нищеты, новобранцы под любым предлогом уклоняются от службы, солдаты бегут.

Те, кто в поте лица добывает хлеб свой насущный, поглощены заботой о каждодневном выживании, они устали от лжепророков, поражены понятным глубоким неверием и апатией. Ныне власти предержащие даже формально исключили их из числа привилегированных слоев общества. Слова «трудящиеся», «трудовой народ», «рабочий класс» теперь почти не употребляются, они находятся под подозрением.

Наш народ, наше государство, наше Отечество постигла беда, сравнимая разве что с татаро-монгольским нашествием. Мы переживаем время глубокой духовной депрессии, чего не было даже в самые тяжелые периоды Великой Отечественной войны. Слово «патриот» стало почти ругательным в продажной печати. Трещит и грозит рассыпаться тысячелетняя Россия, завещанная нам десятками поколений наших предков. А вынесенные на самый верх власти новые политики ведут нескончаемую распрю за право быть абсолютным повелителем на национальном пожарище. Неужто не помнят они притчу о суде Соломоновом, когда царь повелел разрубить пополам ребенка, право на

которого оспаривали две женщины, но тогда подлинная мать закричала: «Не смейте рубить, отдайте лучше ей!» И Соломон велел отдать дитя его настоящей родительнице.

Антон Иванович Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминает слова генерала А. Ф. Рагозы, командовавшего в 1917 году румынским фронтом, который, как бы заглядывая вдаль, печально сказал: «Видимо, русскому народу Господь Бог судил погибнуть, и поэтому не стоит бороться против судьбы, а, осенив себя крестным знамением, терпеливо ждать ее решения».

Не могу принять такой путь. Убежден, что все наши беды и хвори не присущи самому народу, от природы доверчивому, щедрому, доброму. Мы стали жертвами политиков, гениев-самозванцев, их холуев-аллилуйщиков. Нам бы побольше самоорганизации, здорового критицизма к претендентам в вожди, гражданской сознательности и активности.

Россия может возродиться, если процесс пойдет снизу, от народа. Сверху ждать ничего не приходится!

Приложение

Николай Леонов
ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛИ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ПРОТИВ РОССИИ?

55 лет назад, 5 марта 1946 года, в провинциальном колледже в небольшом американском городке Фултоне Уинстон Черчилль произнес свою программную речь, ставшую своего рода официальным объявлением «холодной войны» против тогдашнего СССР. Однако война Запада против России продолжается уже много веков.

Речь не была изложением личной точки зрения. Черчилль, проживавший в ту пору в течение длительного времени в штате Флорида (в Англии он оказался не у дел после провала на выборах), постоянно консультировался с тогдашним президентом США Трумэном и его окружением, уточняя общую позицию. Трумэн сам прилетел на ставшую «знаменитой» лекцию Черчилля и лично представлял его аудитории. Суть выступления сэра Уинстона заключалась в призыве ко всем англоговорящим странам и народам объединиться против главной угрозы миру — против СССР. Цинично говорилось, что Запад имеет огромное превосходство в оружии, в том числе владеет ядерными боеприпасами, и есть возможность продиктовать свои условия сосуществования, а если СССР откажется принять их, то вполне допустима превентивная война против строптивца. Он впервые тогда пустил в оборот выражение «железный занавес». Главная мысль Черчилля легла потом в основу для создания НАТО.

Однако было бы неправильно ограничиться только датой фултонской речи как точкой отсчета для «холодной войны», как и неверно было бы говорить о каком-то дне, когда эта война окончилась. Для «горячих» войн есть дата начала и день конца, а вот для «холодных» — таких ограничителей не существует. Холодные войны ведутся десятилетиями и веками, исподволь формируя мировоззрение граждан для любых политических и военных акций. Если мы говорим о «холодной войне» против СССР, то правильнее было бы говорить не только о коротком историческом периоде в семьдесят лет (1917–1991), а обо всей истории государства Российского, ибо речь в Фултоне не была началом «холодной войны», а оказалась лишь эпизодом-вспышкой давно длившейся войны Запада с Российским государством.

По мере укрепления Российского государства, и особенно после Ливонской войны, настороженность Европы перерастает во враждебность. Каждая новая военно-политическая победа русских

как бы добавляет дров в постоянно раздуваемый костер антирусских настроений. Запад ищет любой возможности ослабления России. Воспользовавшись началом Смутного времени, поляки при поддержке Ватикана организовали интервенцию и возмечтали посадить на русский престол своего королевича Владислава. В 1611 году по всей Европе славили победу поляков, взявших Москву. В Риме торжествовали по поводу победы католической цивилизации над московским варварством. Папа даровал полное отпущение грехов всем богомольцам по этому случаю. К счастью для русских, радость католиков была недолгой и преждевременной.

Победы России во времена Петра I привели к тому, что вся Европа кинулась поддерживать «больных людей» — Польшу, Турцию и Швецию — против России. Карл XII после Полтавы бежит не куда-нибудь, а в мусульманскую Турцию. Антирусская политика и пропаганда постепенно стали доминирующими в Европе. Именно там родился подметный пасквиль под названием «Завещание Петра Великого», в котором Россию рисовали как генетически агрессивную захватническую державу. На эти аргументы ссылался Наполеон, предпринимая свой бесславный поход в Россию. Разгром его «Великой армии» и вступление русских войск в Париж до сих пор незажившей раной саднят болезненное самолюбие французов. Они и поныне готовы исподтишка или открыто лягнуть Россию, особенно когда знают, что она не может им ответить, как следовало бы.

В войне 1825–1826 гг. русские взяли в плен французского офицера Виктора Манье, служившего у турок в качестве инструктора. Он пробыл всего год в плену, но, вернувшись на родину, написал мстительной рукой гнусный пасквиль на русскую армию. Борзописца вызвал на дуэль находившийся тогда в Париже русский офицер Яков Толстой, но Манье струсил и больше в печати не появлялся. Это тоже эпизод «холодной войны».

В 1838 г. в Россию приехал из Франции дворянин Астольф де Кюстин, который был принят при дворе и получил широкие возможности изучить Россию. Вернувшись, он сочинил жуткую книгу, порочащую и принижающую Россию и ее народ. Она была переведена на все европейские языки и выдержала более двух десятков изданий. Этот омерзительный опус издавался еще совсем недавно, в 1979 г., формируя антирусские настроения во всей Европе. Предисловие к ней написал бывший посол США в Москве Джордж Кеннан, назвавший ее «великолепной, возможно, даже лучше книгой о России».

Даже в годы Первой мировой войны, когда мы были

союзниками французов в борьбе с Германией, французский посол в Петербурге М. Палеолог писал: «По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне… Их армия — это невежественная и бессознательная масса, а наши солдаты — это сливки и цвет человечества».

* * *

Все приводимые примеры — не целенаправленно выбранные цитаты и факты, а точное отражение доминирующего менталитета жителей Европы по отношению к России и русским. Снобизм, чувство превосходства пополам со страхом, порождающим ненависть и злобу. Разумеется, всегда были и есть исключения, были и относительно короткие периоды затишья в этой нескончаемой «холодной войне», особенно когда Россия кровью своих сыновей спасала Европу от собственных ее тиранов — Наполеона и Гитлера, но, повторяю, преобладающим всегда оставалось насаждение недоверия и вражды к русским. Великая Россия всегда рассматривалась как главная опасность для Европы. Именно поэтому в годы Гражданской войны западные страны не оказали белому движению полновесной помощи. Английский премьер-министр Ллойд Джордж в сентябре 1919 г. открыто сказал, что лозунг белого движения о «единой и неделимой России» не отвечает интересам Британской империи.

В годы Второй мировой войны отношение немцев к военнопленным различных государств лишь подчеркнуло уже впитанное с молоком матери презрение и ненависть именно к русскому солдату. Бесчеловечное отношение, голод, расстрелы и виселицы были материализацией их теоретического тезиса о том, что «славяне — это низшая раса, подлежащая уничтожению» (хотя к полякам и чехам, окатоличенным и прозападным, отношение было совсем иным).

Так что Уинстон Черчилль не заслуживает лавров изобретателя «холодной войны». Он был одним из ее трубадуров, которому выпала лишь сомнительная честь протрубить начало очередного витка этой многовековой борьбы против России после того, как мир застыл в восхищении перед подвигом российского солдата, водрузившего знамя Победы над рейхстагом в поверженном Берлине.

* * *

Сейчас в России развелось много западных подголосков, которые настойчиво вбивают в наши головы мысль, что вот-де теперь, после победы демократической «революции» 1991 года, «холодная война», наконец, закончилась и наступили мир, да гладь, да Божья благодать. Нет ничего более лживого и примитивного. Даже двух извилин в мозгу хватит, чтобы увидеть, что Запад и не собирался вкладывать саблю в ножны. «Холодная война» против России ведется с неослабевающим напором. Когда-то Россию подавали европейскому обывателю в виде оскаленного, бородатого казака с нагайкой в одной руке, пикой или саблей — в другой, какое-то время в ходу был образ семитского вида политрука с пистолетом и в краснозвездной фуражке, затем надолго символом России был озверевший медведь с красной звездой на животе, серпом и молотом в двух лапах. Теперь все осталось прежним, только ненависть воспитывается к нашему двуглавому орлу и Георгию Победоносцу.

Нет у власти коммунистов и нет шансов на их возвращение во власть, а Россия как государство продолжает оставаться в перекрестье прицела западных политологов и культуртрегеров в качестве одного из очагов угрозы западной цивилизации.

Збигнев Бжезинский рассматривает нынешнюю Россию как «черную геополитическую дыру», предрекает ее распад на три государства (Европейская Россия, Сибирская республика и Дальневосточная республика), настаивает на постоянном продвижении НАТО на Восток. Китай получает приглашение заменить Россию в Средней Азии и приступить к освоению сибирских просторов. Ему вторят высокопоставленные чиновники действующей администрации США.

Неужели остался хоть один наивный человек, который верит, что США создают свою противоракетную оборону против неких государств-изгоев вроде Северной Кореи или Ливии? Они строят ее, чтобы поставить на колени Россию, обезопасив себя от любого возможного возмездия в виде ответного удара с ее стороны.

США в последнее десятилетие сделали все, чтобы раздуть коррупцию и преступность в России. Они отказались от разработки комплексного проекта типа «плана Маршалла» для России по жестко контролируемому восстановлению и реконструкции экономики страны при укреплении демократических институтов. Напротив, через МВФ предоставляли России несвязанные кредиты, которые разворовывались чиновниками всех уровней, не оставляя следов в народном хозяйстве, кроме долгового ярма на шее государства.

Дикая приватизация, проведенная по рецептам и под контролем МВФ и США, привела к разрушению экономического

организма России. Разграбление России через поощрение хищнических аппетитов «новых русских» и закабаление ее как государства путем долговых пут и создания зависимости от импорта оказались самыми эффективными операциями «холодной войны» против нашей страны на ее последнем этапе.

* * *

Вокруг России создается пояс новых государств, возникших на постсоветском пространстве из бывших республик СССР, которые враждебно настроены по отношению к России. Не говоря о Прибалтике, рвущейся в НАТО, западники усиленно обрабатывают в антирусском духе Молдову, Грузию, Азербайджан, Туркменистан, Узбекистан и, главное, Украину.

Блокируется, как встарь, внешняя торговля нашей страны. В США запрещают ввозить российский прокат черных металлов под предлогом возбуждения антидемпингового судебного преследования, Европа ставит рогатки перед российским текстилем, ведется по всему миру кампания по компрометации российского оружия, а то и просто запрещается его покупка союзниками США…

«Холодная война» не закончилась. Ее конца не видно.